

В. Н. Дружинин

ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ

3-е издание

 ПИТЕР®

Дружинин Владимир Николаевич (1955 – 2001) — выдающийся российский ученый-психолог, доктор психологических наук, профессор, лауреат премии им. С. Л. Рубинштейна Российской академии наук (1996 г.), премии Президента РФ (1998 г.) за исследования в области способностей и творчества. На протяжении многих лет В. Н. Дружинин являлся заместителем директора института психологии РАН, заведующим лабораторией психологии способностей Института психологии РАН, директором института психологии Государственного университета гуманитарных наук. Он автор более 140 научных публикаций, в том числе монографий и учебных пособий,

среди которых известные всей стране «Экспериментальная психология», «Психология общности способностей», «Психологическая диагностика способностей», «Варианты жизни». Под его редакцией вышло несколько учебников и сборников статей, отражающих состояние психологической науки. Все работы В. Н. Дружинина ознаменовали важные вехи в развитии отечественной экспериментальной психологии в процессе сближения ее с самыми передовыми достижениями мировой науки в этой области.

В центре внимания этой книги находится «внутренняя жизнь семьи»: структура отношений между ее членами, стили воспитания и их влияние на развитие личности ребенка. Автор книги показывает особенности развития семейных отношений в разных культурных контекстах: от типичных признаков языческой культуры русской семьи XII–XIV веков до своеобразия современной российской семьи. Открывая для читателя сущность семейных отношений, автор использует и такие нестандартные средства, как анализ продуктов творческой деятельности: литературной, художественной, кинематографической и т. п. Анализ и сравнение произведений живописцев разных времен и культур, а также контент-анализ анекдотов помогают выделить психологические модели семьи той или иной культурной общности, выявить типы семейных отношений. Особо выделен раздел, в котором приводятся данные, показывающие характер взаимосвязи между интеллектуальным развитием ребенка и типом семьи.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся проблемами семьи. Материалы книги могут быть использованы при изучении соответствующего учебного предмета студентами и аспирантами гуманитарных вузов, специализирующихся в области помогающих профессий (психология, педагогика, социальная работа и т. п.).

 ПИТЕР®

Заказ книг:

197198, Санкт-Петербург, а/я 619
тел.: (812) 703-73-74, postbook@piter.com

61093, Харьков-93, а/я 9130
тел.: (057) 712-27-05, piter@kharkov.piter.com

www.piter.com — вся информация о книгах и веб-магазин

ISBN 5-469-00131-8

9 785469 001317

В. Н. Дружинин

ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ

3-е издание

**Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск
2006**

Владимир Николаевич Дружинин

Психология семьи

3-е издание

Главный редактор	<i>Е. Строганова</i>
Заведующая редакцией (Москва)	<i>Т. Калинина</i>
Руководитель проекта	<i>Н. Кулагина</i>
Художник	<i>К. Радзевич</i>
Корректоры	<i>Е. Крицкая, В. Макосий</i>
Верстка	<i>С. Маликова, Б. Файзулин</i>

ББК 88.56

УДК 159.93

Дружинин В. Н.

Д76 Психология семьи: 3-е изд. — СПб.: Питер, 2006. — 176 с: ил.

ISBN 5-469-00131-8

Книга посвящена психологии семьи: структуре отношений между ее членами; стилям воспитания; влиянию, которое они оказывают на развитие личности ребенка. Особое внимание уделено анализу структуры семьи и развитию семейных отношений в христианской цивилизации. Интересен анализ полотен европейских и русских художников, посвященных семье. Последняя глава содержит результаты исследований воздействия стиля **ВОСПИТАНИЯ**, эмоциональной поддержки и контроля над проявлением интеллекта у детей.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся психологией семьи. Материалы книги могут быть использованы студентами и аспирантами гуманитарных вузов, специализирующихся в области помогающих профессий (психология, педагогика, социальная работа и т. п.)

© ЗАО Издательский дом «Питер», 2006

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного **разрешения** владельцев авторских прав.

ISBN 5-469-00131-8

Лицензия ИД № 05784 от 07.09.01.
ООО «Питер Принт», 194044, Санкт-Петербург, пр. Б. Сампсониевский, 29а.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93,
том 2; 95 3005 — литература учебная.
Подписано в печать 11.12.05. Формат 60×90/16. Усл. п. л. 11.
Доп. тираж 3000. Заказ № 2136.
Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типография Правда 1906»,
195299, С.-Петербург, Киришская ул., 2.
Тел.: (812) 531-20-00, (812) 531-25-55

Содержание

Предисловие	4
Социальная психология семьи	8
Зачем нужна семья? Функция семьи	8
Психология о современной семье: результаты исследований	12
Ответственность, власть, любовь	28
Нормальная семья	39
Типы семьи в европейской культуре	46
Языческая семья	46
Общехристианская модель семьи	51
Семья в русской православной культуре и культуре католицизма	63
Семейные отношения в католицизме и протестантизме	72
Сын и дочь	81
Семья в советской России: гибель и воскрешение	85
Семейные отношения — анализ творчества	96
Портрет семьи, или портрет психологических отношений	96
Анекдот как зеркало русской семьи	123
Интеллектуальное развитие детей в семье	132
Наследственность и среда	132
Стиль семейного воспитания и детский интеллект	138
Влияние социоэкономических факторов	141
Состав семьи и интеллектуальное развитие детей	143
Заключение	174

Предисловие

«Liber» на латыни означает и «книга», и «свободный». С утратой значения книги в культуре свобода уходит, остаются компьютерная виртуальная реальность и совокупность потребностей. Но тема этой книги далека от понятия «свобода».

Нужна или не нужна семья, хороша она или плоха как социальный институт, куда она эволюционирует и какой должна быть — эти вопросы меня волнуют мало. В конечном счете меня как автора не интересует даже, какой семья является на сегодняшний день: я оставляю эту проблему социологам, социальным психологам, этнографам.

Семья меня интересует как фактор, воздействующий на человека. Психогенетика выделяет две детерминанты развития: наследственность и среду. Между молотом среды и наковальной генофонда — человек. Для него семья — главный и основной компонент среды, в которой он живет, как в коконе, первую четверть (если повезет) жизни и которую он пытается построить всю оставшуюся жизнь.

Говоря научным языком, семья для ребенка — первичная социальная микросреда.

Эта книга (*liber*) — о несвободе. Не может быть института общества более несвободного (в смысле навязывания определенных правил жизни человеку), более жесткого, чем семья.

Поэтому следует отбросить все розовые сказки о «демократической семье», «либеральной семье», равенстве и т. д. и т. п.

В этом случае мы имеем другое, по определению. Сошлюсь на авторитет Н. А. Бердяева:

«Семья есть необходимый социальный институт и подчинена тем же законам, что и государство, хозяйство и пр. Семья очень связана с хозяйственным строем и имеет мало отношения к любви, вернее, имеет отношение к каритативной любви и лишь косвенное отношение к полу. Элементы рабства всегда были сильны в семье, и они не исчезли и до настоящего времени. Семья есть иерархическое учреждение, основанное на господстве и подчинении. В ней социализация любви означает ее подавление»¹.

¹ Бердяев Н. А. Размышления об эроте // Эротики и личность. М., 1989, с. 134.

Проблемы брака и любви-эроса, а не любви-агапе, останутся за пределами этой книги. Любовь и общество — антагонисты. Вернемся к тому же Н. А. Бердяеву:

«В этом трагизм любви в жизни человеческих обществ. Общество отвергает любовь. Любящий, в высшем смысле этого слова, враг общества. Мировая литература защищала право и достоинство любви и именно любви не социализированной»¹.

Семья есть структура, состоящая из отношений: доминирования-подчинения (власти), ответственности и, добавлю, эмоциональной близости. Последние, с моей точки зрения, вовсе не являются необходимыми для семьи как социального института. Но аффилиация (от слова «любовь»), не считаясь с нормой, либо лежит в основе семьи, либо возникает в процессе ее существования. Причем знак психической эмоциональной близости не обязательно положительный: равнодушие, отчуждение, ненависть окрашивают существование семьи в свои цвета не в меньшей мере, чем любовь, понимание и сочувствие.

Итак, книга посвящена влиянию семьи на развитие человека. Из всего спектра человеческих качеств были взяты лишь общие способности и интеллект.

Обычно, когда ведут речь о влиянии семьи на ребенка, берут не нормальные, а аномальные семьи, т. е. те, где отсутствует один или оба родителя, где отношения извращены по сравнению с социальной нормой и т. д. Но мало кто задает вопрос: а как же складывается жизнь в так называемой нормальной семье? Нормальной с точки зрения критериев того общества, той культуры, где семья живет. И что такое нормальная семья?

Этнографы, антропологи, социологи, интересующиеся проблемой семьи, обращают внимание на экзотику: в науке царит исследовательский «ориентализм».

Возможно, гораздо интереснее изучать приемы воспитания, виды родительских отношений, стереотипы ролевого поведения на примерах семей индейцев кечуа, чем в семьях, живущих в Чертаново или в Ист-Сайде. На мой взгляд, при этом возникает обратный перенос, и закономерности поведения, характерные, например, для индейцев чироки, переносятся на носителей христианской или иудейской культуры, к которой принадлежат исследователи.

¹ Бердяев Н. А. Размышления об эросе // Эрос и личность. М., 1989, с. 142.

С точки зрения психолога (да и этнографа), нормальная католическая семья обладает столь же уникальными особенностями структуры и динамики, как и семьи обществ, являющиеся излюбленными объектами внимания ученых-путешественников. Разумеется, заслуги этих исследователей (в частности, великой Маргарет Мид) перед человечеством огромны.

Однако в понимании механизмов формирования личности под влиянием социальной среды сегодня мы не очень далеки от уровня знаний начала XX в.

Каждая культура (и ее субкультуры) порождает определенную нормативную модель семьи (или группу моделей). Структура нормативной семьи включает в себя:

- элементы, т. е. нормативных членов семьи;
- отношения власти-подчинения и эмоциональной привязанности-отталкивания;
- их динамику.

Структура отношений определяет особенности позиций и ролей членов семьи.

Нормативная модель всегда «скрыта», формы ее экспликации разнообразны, но главной является описание нормативной семьи в религии.

Нормативная модель определяет структуру реальной семьи в данном обществе. Отклонения от модели специфичны для каждой культуры, и виды аномальной семьи, а также виды дефектов, которые возникают при социализации детей в аномальных семьях, зависят от культуры. Проще говоря, потеря отца по-разному скажется на воспитании детей в протестантской и католической семьях. Следует лишь заметить, что мы имеем в виду не вероисповедание, которого **придерживаются** члены семьи, а лишь **включенность** семьи в ту или иную культуру, условно называемую «протестантской» или «католической».

Эти высказывания, может быть, звучат тривиально, без конкретизации: какие же особенности отличают семьи в различных культурах? Здесь важны именно психологические особенности.

Не на все вопросы можно получить ответ в эмпирическом исследовании. Результаты экспериментов, в том числе проведенных автором, его аспирантами и дипломниками, служат лишь иллюстрацией, а не доказательством. Но любое исследование начинается не с вопроса, а с некоторой «нулевой точки», начала координат: я не знаю, кто, что и зачем писал по этой проблеме; я не хочу знать, кто и что именно поду-

мает о том, что будет написано мной; я удивлюсь, если этот труд вдруг окажется кому-то не только интересен, но и полезен, потому что это есть лишь авторский взгляд на часть мира.

Совпадение взглядов — большая редкость. На то, чтобы изменить чье-то мнение, претендовать не стоит. Тем самым, книга есть плод свободы и той внешней безответственности, которую свобода порождает и которой грех не воспользоваться.

И последнее замечание: можно считать Россию державой, искусственно составленной из Восточной Европы и Северной Азии, можно считать российскую цивилизацию особой (евразийской), но я считаю, что Европа не кончается за Карпатским или за Уральским хребтом, а русская культура есть большая особая ветвь единой, но не однородной европейской христианской культуры.

Социальная психология семьи

Зачем нужна семья? Функция семьи

Социологические теории семьи, которые создавались советскими учеными, в той или иной степени отражали идеологию и практику государства в отношении семьи. Если дети должны воспитываться обществом (ясли, детский сад, школа, пионерская и комсомольская организации и т. д. и т. п.), то на долю семьи остается лишь бытовая функция. Быт понимался как организация потребления в широком смысле этого слова. Из элементарной производящей ячейки общества, по Ф. Энгельсу семья превращалась в элементарную потребляющую ячейку общества. А. Г. Харчев считал семью основной формой социальной общности в сфере быта, «первоэлементом быта», включая в нее не только экономические, но и этические отношения. Он полагал, что «детопроизводство» в интересах функционирования общества является основной функцией семьи («Воспроизводство непосредственной жизни»). С его точки зрения, семья может исследоваться двояко.

1. Как социальный институт.
2. Как малая социальная группа.

Поскольку, по Харчеву, «детопроизводство» — главная функция семьи, все остальные функции семьи являются внешними, дополнительными, к которым семья принуждена нетеоретическими обстоятельствами. К этим функциям он отнес: накопление и передачу по наследству, организацию производства, потребления и быта и т. д.¹ Но что такое «детопроизводство»? Если под ним подразумевать **Лишь** рождение детей, их кормление и первичную опеку, которую осуществляет мать, то такая трактовка функции семьи в жизни человека полностью соответствует социальной политике 30-50-х годов, про-

¹ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования. М., 1964.

водившейся сталинским государством. Она сводилась к выделению и поощрению лишь биологического детопроизводства и лишала семью (прежде всего отцов) возможности воспитывать ребенка как личность, обладающую нравственным сознанием, способную к автономному социальному поведению, к несению ответственности за свои действия и за действия других. Тем самым семья и брак практически неотличимы. Н. Г. Юркевич рассматривал брак как механизм равногo сотрудничества супругов для удовлетворения определенной совокупности потребностей и считал отношения «муж-жена» центральными в **семье**¹.

Так и получается, если считать детей чем-то лишним в семье, внешним по отношению к ее функции — потреблению бытовых благ и биологическому воспроизводству.

Не случайно в эмпирических социологических работах исследования отношений «муж-жена» стали основными и подменили исследования отношений «отец-мать» или «отец-дети (**ребенок**)–мать». Равно как в ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ исследованиях все внимание до сей поры было сосредоточено на анализе психоэмоциональной связи «мать-ребенок».

Если о женщине-матери иногда вспоминали, то мужчина в роли отца семейства советской власти, идеологии и науке был не нужен.

В работах С. И. Голода основное внимание уделялось структуре семьи, под которой автор понимал отношения кровного родства и свойства. С. И. Голод выделил три идеальных типа семьи:

- традиционную патриархальную семью;
- современную детоцентрическую семью;
- супружескую (посредственную) семью.

Все три типа семьи относятся к западноевропейской культуре, но имеют различную распространенность и представленность в обществах, отличающихся особенностями и стадиями развития. Скрытым основанием типологии семьи, по С. И. Голоду, очевидно, было отношение власти (доминирования-подчинения). При доминировании отца семья считается традиционно-патриархальной, при доминировании капризов и/или интересов ребенка — детоцентрической, при равенстве супругов и подчиненном положении детей — супружеской или **эгалитарной**².

¹ Юркевич Н. Г. Советская семья. Функции и условия стабильности. Минск, 1970.

² Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л., 1984.

Отношение ответственности (естественно, для советского социолога) остается вне рассмотрения, «выносится за скобки» социального психологического анализа семьи. В 70-е годы даже умеренного А. Г. Харчева упрекали в проповеди теории «возвращения женщины домой». Естественно (и это подчеркивают авторы фундаментального труда «Социология в России». М., 1996), в тот период практически отсутствовали исследования, посвященные отцовству.

Психологи, как им и положено, обращают главное внимание на межличностные отношения в семье. Что касается функций, которые выполняет семья, то суждения психологов во многом соответствуют взглядам социологов и культурологов. Наиболее подробный анализ основных функций семьи содержится в работе А. Н. Елизарова. Приведем из его работы список функций, которые чаще всего психологи приписывают семье.

1. Порождение и воспитание детей (на мой взгляд, эти функции следует рассматривать отдельно. — *В. Д.*).
2. Сохранение, развитие и передача последующим поколениям ценностей и традиций общества, аккумулятивное и реализация социально-воспитательного потенциала.
3. Удовлетворение потребностей людей в психологическом комфорте и эмоциональной поддержке, чувстве безопасности, ощущении ценности и значимости своего «я», эмоциональном тепле и любви.
4. Создание условий для развития личности всех членов семьи.
5. Удовлетворение сексуально-эротических потребностей.
6. Удовлетворение потребностей в совместном проведении досуга.
7. Организация совместного ведения домашнего хозяйства, разделение труда в семье, взаимопомощь.
8. Удовлетворение потребности человека в общении с близкими людьми, в установлении прочных коммуникативных связей с НИМИ.
9. Удовлетворение индивидуальной потребности в отцовстве или материнстве, контактах с детьми, их воспитании, самореализации в детях.
10. Социальный контроль за поведением отдельных членов семьи.
11. Организация деятельности по финансовому обеспечению семьи.
12. Рекреативная функция — охрана здоровья членов семьи, организация их отдыха, снятие с людей стрессовых состояний и т. д.

А. Н. Елизаров предполагает, что одной из главных проблем семьи является регуляция противоречий, которые возникают в семье, и выделяет два основных пути их разрешения:

- а) апелляция к социальным нормам, разуму и ценностям;
- б) апелляция к разуму супругов, к их способности понять необходимость согласия.

Анализируя весь список «функций семьи», он приходит к выводу, что здоровые отношения в семье существуют только тогда, когда группа людей, называющая себя «семьей», порождает и воспитывает детей¹.

Действительно, в исследованиях М. Аргайла (1996) выявлено, что общение с детьми является главным среди форм досуга. Наличие детей положительно влияет на соматическое и психическое здоровье родителей, увеличивает время их жизни, повышает стойкость по отношению к стрессам. Даже одинокие матери счастливы, что имеют ребенка (75%), и лишь 8% отрицательно относятся к нему.

А. Н. Елизаров делает вывод о том, что «в качестве ведущей деятельности семьи правомерно рассматривать деятельность по сохранению, развитию, преобразованию и передаче последующим поколениям определенных ценностей, которые на субъективном уровне выступают как ценностные ориентации семьи. Ценностные ориентации объединяют людей в семью и создают перспективу ее развития. Ценностные ориентации определяют цели порождения и пути воспитания детей в семье».

Добавим лишь следующее. «Порождать» детей можно и вне брака и вне семьи. Мужчина и женщина выступают в этом случае лишь в ролях мужчины и женщины. Вступая в брак, они становятся мужем и женой. Их половая связь и любовь (ежели таковая есть) признаются обществом, церковью, государством и оформляются тем или иным образом. Общество устраивает свадьбу, церковь производит венчание, государство ставит штампы в паспортах и выдает свидетельство о браке. Семья возникает не после того, как в браке или вне его рожден ребенок, а тогда, когда муж и жена, мужчина и женщина, берут на себя ответственность за его жизнь, экономическое благосостояние и воспитание. Минимальное экономическое вспомоществование сегодня может предоставить государство или общественные организации. Но

¹ Елизаров А. Н. К проблеме поиска основного интегрирующего фактора семьи // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология, 1996, № 1, с. 42-49.

первичное воспитание (первичную социализацию) кроме родителей не сможет дать никто. Ребенок может быть и неродным, приемным, но если он воспитывается в семье, он член семьи. Муж и жена, воспитывающие детей, становятся отцом и матерью.

ПСИХОЛОГИЯ О современной семье: результаты исследований

Вслед за Л. Н. Толстым психологи полагают, что все несчастные семьи несчастливы по-разному, посему только их имеет смысл изучать. Они обращают свое внимание на отклонения в детско-родительских отношениях, на воспитание детей в неполных семьях и т. д., но почти нет исследований, рассматривающих нормальную семью, особенности отношений, складывающихся между ее членами, стиль воспитания детей и т. д.

Нормальная семья — понятие очень условное. Будем считать таковой семью, которая обеспечивает требуемый минимум благосостояния, социальной защиты и продвижения ее членам и создает необходимые условия для социализации детей до достижения ими психологической и физической зрелости. С точки зрения М. Мид, нормальной является семья, где ответственность за семью как целое несет отец. Все остальные типы семей, где это правило не выполняется, будем считать аномальными. Это общечеловеческое различие типов семей.

Итак, исследовательские подходы к семье можно расположить на условной шкале «нормальность-аномальность».

В человеческой культуре в социальных нормах фиксируются идеальные, нормативные представления о том, какой должна быть семья с точки зрения нравственных ценностей общества. Посему не всегда нормальная семья может считаться идеальной с позиций социокультурных норм, следуя которым, живет та или иная общность людей. В реальной жизни возникают, существуют и распадаются реальные, а не идеальные семьи. Их особенности и наблюдают культурологи, социологи, антропологи, этнографы и психологи. Типы реальной семьи могут быть разнообразными и отличаться от идеальной или нормальной семьи.

Шкала «идеальная-реальная семья» задает второе основание для исследователя, а именно социокультурное основание, точнее основание, обусловленное различием культур разных эпох, народов и стран.

Получаем следующую простую картину.

Посему, когда мы говорим о семье или собираемся исследовать ее, мы всегда должны дать ответ, о какой собственно семье идет речь? Психологи, как было уже сказано, изучали и изучают до сих пор реальные семьи, но с точки зрения их отклонений от нормы, т. е. реальные аномальные семьи. В следующих разделах будут рассмотрены модели идеальной семьи в их соотношении с реальными (нормальными и аномальными) структурами семьи в разных социокультурных общностях.

Психологи чаще всего связывают семейные проблемы с брачно-супружескими отношениями. Неудовлетворенность в браке (сексуальная или связанная с эмоционально-личностным общением) приводит к дисгармонии супружеских отношений, разводам, неврозам и т. д. Источник проблем современной семьи ищут в сексуально-семейных дисгармониях, а средством их разрешения считают тот или иной вид психотерапии или психокоррекции супружеских отношений. Особое внимание этому уделяет психоаналитическая традиция: источник семейных трудностей личности ищется в прошлом (раннем опыте общения в родительской семье). Основной причиной нарушения семейных отношений считается проявление у одного или обоих супругов потребностей, которые в детстве не удовлетворялись родителями. Взрослый человек выбирает партнера, с которым ему легче воспроизвести ситуацию, не разрешенную в детстве, вернуться к своим проблемам и конфликтам. Так возникает «невротическая семья»: в ней муж и жена воспроизводят ситуации «непроигранные», «нерешенные» в детстве, но не решают их.

Вместе с тем психотерапевты обнаружили важнейшую закономерность: неосознанную тенденцию повторять модель отношений своих родителей в собственной семье. Психологический механизм этого процесса можно представить следующим образом: человек воспроизводит

не свое поведение и не поведение других людей по отношению к себе, а усваивает путем неосознанного подражания поведение людей по отношению друг к другу, и только тех людей, которые значимы для него.

Обнаружены и другие закономерности: ребенок обучается своей будущей супружеской роли, мысленно отождествляя (идентифицируя) себя с родителем того же пола. Для мальчика особое значение имеет опыт общения с отцом и, более того, опыт наблюдения за поведением отца по отношению к матери. Девочке очень важно усвоить способы поведения матери по отношению к отцу.

Что касается родителя противоположного пола, то его образ очень важен при выборе будущего партнера. Выбор может происходить по разным критериям: сходству или противоположности.

Вероятность гармоничного союза между мужчиной и женщиной напрямую определяется сходством моделей семей, из которых происходят супруги¹.

В противоположном случае возникает борьба за власть, непонимание, разводы, брошенные дети и пр. Таков механизм социально-психологического воспроизводства структуры семьи.

Особое внимание психологи уделяли месту в структуре семьи, которое ребенок занимал среди братьев и сестер. При этом совершенно не обращалось внимание на место ребенка в целостной структуре семейных отношений и на тип этой структуры.

В. Таман обнаружил тенденцию воспроизводить в своей новой семье место, которое человек занимал среди братьев и сестер. К примеру, старший брат, у которого была младшая сестра, создает устойчивый союз с женщиной, у которой был старший брат².

Комплементарный брак является наиболее удачным (по статистике разводов). Наихудший прогноз у брака между супругами, которые были единственными детьми в семье. Замечено, что в том случае, если в родительской семье не было контактов со сверстниками, взрослые мужчина и женщина будут искать в партнере черты отца или матери.

В случае брака по идентичности, КОГДА партнеры занимали одинаковое положение в родительской семье, они лучше понимают друг друга, но плохо сотрудничают. Им лучше работать в разных областях, иметь личную свободу, а детей воспитывать параллельно: сыновей — отец, дочерей — мать. Главная причина неудачной совместной деятельности — в ролевом конфликте. Оба партнера были старшими в семье и желают

¹ Кратохвил С. Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний. М., 1991.

² Таман W. Family constellation. 3rd ed. New York. Springer, 1976.

принять руководящую роль. Удачное взаимодействие возможно лишь тогда, когда каждый делает то, что другой делать не желает: если один посвящает время работе, то другой должен заниматься домашними делами; если один планирует и руководит, то другой должен взять на себя исполнительские функции и т. д.

В общем и целом сценарий социализации и воспроизводства семьи выглядит так:

- 1) дети первоначально получают в качестве образца модель отношений супругов в родительской семье;
- 2) затем они проигрывают эти отношения, выступая в разных ролях со старшими И/ИЛИ младшими братьями и сестрами;
- 3) на основе оценки сходства моделей семьи они выбирают партнера и воспроизводят структуру ролевых отношений родительской семьи в своей новой семье.

Требуется ответить еще на один важный вопрос: каким образом воспроизводятся отношения родителей к детям в новой семье?

Исходя из гипотезы подражания, молодые супруги должны воспроизводить в новой семье те способы воспитания, которые применяли их родители к их братьям и сестрам, а не к ним самим. Наибольшие трудности должны возникать у родителей, бывших единственными детьми. Они не получили образца для подражания и должны переносить на детей способы поведения своих родителей по отношению друг к другу.

Следовательно, они должны относиться к детям как ко взрослым, более того, как к своим партнерам: мать должна одинаково вести себя по отношению к мужу и сыну, а муж сходно вести себя с женой и дочерью.

По другой гипотезе «воспроизводства отношений», ребенок относится к другим так же, как родители относились к **нему**¹.

И более того, сам относится к себе, как относились родители к нему в детстве.

Ребенок интериоризирует, переносит внутрь своей психики способы родительского отношения и управления поведением ребенка (механизм интроекции, описанный З. Фрейдом): доминирование становится жестким саморуководством, **пристыживание** преобразуется в самообвинение и т. д.

¹ Benjamin L. S. Structural analysis of social behavior // Psychological review, v. 81, 1978.

Отношения с родителями ребенок, по мнению Л. Бенямина, строит на основе двух основных стратегий:

- 1) дополнительного поведения: ребенок реагирует инициативой на предоставление самостоятельности, бегством на преследование;
- 2) защитного поведения: ребенок в ответ на отвержение начинает вести себя так, как будто его любят, как бы приглашая родителей изменить свое поведение по отношению к нему.

Возможно, что внутренняя регуляция поведения ребенка воспроизводит отношение родителей к ребенку, но отношение к другим все же строится на основе воспроизводства отношений между родителями или отношения родителей к другим детям.

В психологических работах все типологии моделей семьи, которые бы описывали ее особенности как целого, строятся на основе аномалий, различных отклонений (в составе, в отношениях, в стилях воспитания) от некоей нормы, которая совершенно неконкретна и представляет собой некий сусально-гуманистический идеал, где все находится в гармоничных отношениях равенства, помощи, взаимосодействия, и нет никаких конфликтов и проблем. Этот семейный рай на земле существует лишь в умах так называемых гуманистических психологов.

На мой взгляд, наибольшую ложь о человеке несет гуманистическая психология — новая научно-атеистическая религия середины XX в. Несовершенного, грешного человека, который является источником и носителем как добра, так и зла, она представляет в норме возвышенной самоактуализирующейся личностью, которой надо лишь предоставить возможности (снять регламентацию и дать свободу), и она вознесется к вершинам цивилизации и культуры.

В конкретных же исследованиях реальные модели семьи отождествляются с аномальными. Помимо этого, всю совокупность отношений в семье (в частности, **детско-родительских**) психологи, особенно отечественные авторы, склонны сводить к отношениям «мать-ребенок» и видеть в них основную причину семейных драм и нарушений личностного развития детей. Отношения «отец-мать» зарубежные психологи склонны сводить к отношениям «муж-жена», а отечественные либо заимствуют такую **трактовку**, либо вообще обходят проблему стороной. Что касается стилей семейного воспитания, то и здесь все сводится к аномалиям в отношениях «мать-ребенок».

Эти признаки психологических исследований не случайны, а объясняются глубинной природой культуры, носителями которой **являются**

ся сами психологи, и через призму которой они смотрят на свой предмет — семью.

К числу реальных исследований, посвященных психологическим типам семьи, относится работа М. Арутюнян¹.

По ее мнению, существует три варианта семьи: традиционная, детоцентрическая и супружеская (демократическая).

В традиционной семье воспитывается уважение к авторитету старших; педагогическое воздействие осуществляется сверху вниз. Основным требованием является подчинение. Итогом социализации ребенка в такой семье является способность легко вписаться в «вертикально организованную» общественную структуру. Дети из этих семей легко усваивают традиционные нормы, но испытывают трудности в формировании собственных семей. Они не инициативны, не гибки в общении, действуют исходя из представления о должном.

В детоцентрической семье главной задачей родителей считается обеспечение счастья ребенка. Семья существует только для ребенка. Воздействие осуществляется, как правило, снизу вверх (от ребенка к родителям). Существует симбиоз ребенка и взрослого. В результате у ребенка формируется высокая самооценка, ощущение собственной значимости, но возрастает вероятность конфликта с социальным окружением за пределами семьи. Поэтому ребенок из такой семьи может оценивать мир как враждебный. Очень велик риск социальной дезадаптации и, в частности, учебной дезадаптации ребенка после поступления в школу.

Супружеская (демократическая) семья расписывается розовыми красками. Цель в этой семье — взаимное доверие, принятие и автономность членов. Воспитательное воздействие — «горизонтальное», диалог равных: родителей и ребенка. В семейной жизни всегда учитываются взаимные интересы, причем чем старше ребенок, тем больше (?) его интересы учитываются. Итогом такого воспитания является усвоение ребенком демократических ценностей, гармонизация его представлений о правах и обязанностях, свободе и ответственности, развитие активности, самостоятельности, доброжелательности, адаптивности, уверенности в себе и эмоциональной устойчивости. Вместе с тем у этих детей может отсутствовать навык подчинения социальным требованиям. Они плохо адаптируются в среде, построенной по «вер-

¹ Арутюнян М. Педагогический потенциал семьи и проблема социального инфантилизма молодежи // Отец в современной семье. Вильнюс, 1988, I 26-33.

ТИКАЛЬНОМУ» принципу (т. е. практически ко всем социальным институтам). Где и сколько таких семей наблюдал автор, он не уточняет.

Что касается первых двух типов, то они относятся к разным вариантам общехристианской модели семьи, которые в последующих главах этой книги характеризуются как идеальная божественная модель христианской семьи и идеальная земная модель (**СВЯТОЕ** семейство). Третья модель существует только в воображении гуманистических психологов.

Вместе с тем, М. Арутюнян проводит очень интересный анализ следствий воспитания в **ДЕТОЦЕНТРИЧЕСКОЙ** семье и причин массового распространения этого типа семьи в современном обществе. Она считает инфантилизм молодежи прямым следствием воспитания в **ДЕТОЦЕНТРИЧЕСКОЙ** семье. Причины возникновения **ДЕТОЦЕНТРИЗМА**, на ее взгляд, следующие:

- 1) увеличение продолжительности жизни, совместного существования детского и родительского поколений (в 1,5 раза дольше, чем в XIX в.), существование наедине, когда мать только мать, но не дочь (не больше, чем в XIX в.: 22-24 года);
- 2) нуклеаризация семьи, уменьшение числа детей в семье, сокращение **ИНТЕРГЕНИТАЛЬНЫХ** интервалов. Практические связи в совместном труде заменяются эмоциональными, а отношения инфантилизируются;
- 3) отсутствие четких норм санкционирования отношений родителей и детей, что привело к утрате дистанции между ними;
- 4) изменения в системе образования: до 17-22 лет детям необходима помощь родителей.

Как эти факторы могут повлиять на изменение структуры подчинения в семье (а в **ДЕТОЦЕНТРИЧЕСКОЙ** семье доминанта — ребенок), для меня не ясно.

Аномальная семья — предмет особых забот и является источником проблем, а следовательно, предметом изучения. При этом в отечественной научной литературе главное внимание уделяется отношениям матери и ребенка, а чаще — грубым вариантам нарушений в развитии ребенка из-за ненормальных условий воспитания.

Главным в анализе детско-родительских отношений является понятие «**роль**»¹.

¹ *Спиваковская . С.* Профилактика детских неврозов. Комплексная психологическая коррекция. М., 1988.

Принятие той или иной роли родителями по отношению к детям определяет стиль воспитания.

По мнению В. И. Гарбузова, существует три типа «неправильного воспитания»: тип А — неприятие, эмоциональное отвержение, тип Б — гиперсоциализация, тип В — эгоцентрическое воспитание («кумир семьи»). Особенно чувствителен к отключениям в стиле родительского воспитания подростковый возраст. У подростка одновременно существуют два типа потребностей: потребности в автономии, уважении, самоопределении и достижениях и вместе с тем потребности в поддержке и присоединении к семейному «мы» (в аффилиации).

Н. Штирман выделяет три типа родительских отношений к детям у больных психосоматическими расстройствами:

- 1) «связывание» — жесткое стереотипное общение; дети инфантилизируются, их эмоциональное развитие отстает от нормы;
- 2) «отвержение» — ребенок «отказывается» от своей личности, что приводит к аутизму, излишней автономности;
- 3) «делегирование» — истинные достижения детей игнорируются; родители, перемещая на них свои несбывшиеся надежды, манипулируют ими как продолжением своего «я»¹.

Наиболее подробную схему анализа семьи предложил известный психиатр Е. А. Личко².

Приведем ее без критики. Его описание семьи включает следующие характеристики и их варианты.

1. Структурный состав: полная семья (есть мать и отец); неполная семья (есть только мать или отец); искаженная или деформированная семья (наличие отчима вместо отца или мачехи вместо матери).
2. Функциональные особенности: гармоничная семья; дисгармоничная семья. Дисгармоничные семьи бывают разными. Выделяются следующие причины дисгармонии:
 - 1) нет партнерства между родителями (один из них доминирует, другой только подчиняется);
 - 2) деструктурированная семья (нет взаимопонимания между членами семьи, существует излишняя автономия, нет эмоциональной привязанности и солидарности между членами семьи в решении жизненных проблем);
 - 3) распадающаяся семья (конфликтная, с высоким риском развода);
 - 4) ригидная псевдосоциальная семья (доминирование одного члена семьи с чрезмерной зависимостью других, жесткая регламентация се-

¹ Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. В. Семейная психотерапия. Л., 1990.

² Личко Е. А. Подростковая психиатрия. Л., 1979.

мейной жизни, нет двусторонней эмоциональной теплоты, ведет к автономизации духовного мира членов семьи от вторжения властного лидера).

Все семьи, которые существуют и будут возникать, являются аномальными, если следовать критериям Е. А. Личко.

Наиболее интересна классификация стилей воспитания (точнее, аномалий стилей воспитания), предложенная Е. А. Личко и Э. Г. Эйдемиллером для подростков.

1. *Гипопротекция* характеризуется недостатком опеки и контроля. Ребенок остается без надзора. К подростку проявляют мало внимания, нет интереса к его делам, часты физическая заброшенность и неухоженность. При скрытой гипопротекции контроль и забота носят формальный характер, родители не включаются в жизнь ребенка. Невключенность ребенка в жизнь семьи приводит к асоциальному поведению из-за неудовлетворенности потребности в любви и привязанности.
2. *Доминирующая гиперпротекция*. Проявляется в повышенном, обостренном внимании и заботе к ребенку, чрезмерной опеке и мелочном контроле поведения, слежке, запретах и ограничениях. Ребенка не приучают к самостоятельности, подавляют развитие его чувства самостоятельности и ответственности. Это приводит либо к реакции эмансипации, либо к безынициативности, неумению постоять за себя.
3. *Потворствующая гиперпротекция*. Так называют воспитание «кумира семьи». Родители стремятся освободить ребенка от малейших трудностей, потакают его желаниям, чрезмерно обожают и покровительствуют, восхищаются его минимальными успехами и требуют такого же восхищения от других. Результат такого воспитания проявляется в высоком уровне притязаний, стремлении к лидерству при недостаточных упорстве и опоре на свои силы.
4. *Эмоциональное отвержение*. Ребенком тяготеются. Его потребности игнорируются. Иногда с ним жестоко обращаются. Родители (или их «заместители»: мачеха, отчим и пр.) считают ребенка обузой и проявляют общее недовольство ребенком. Часто встречается скрытое эмоциональное отвержение: родители стремятся завуалировать реальное отношение к ребенку повышенной заботой и вниманием к нему. Этот стиль воспитания оказывает наиболее отрицательное воздействие на развитие ребенка.
5. *Жесткие взаимоотношения*. Могут проявляться открыто, когда на ребенка срывают зло, применяя насилие, или быть скрытыми, когда между родителями и ребенком стоит «стена» эмоциональной холодности и враждебности.
6. *Повышенная моральная ответственность*. От ребенка требуют честности, порядочности, чувства долга не соответственно его возрасту. Игнорируя интересы и возможности подростка, возлагают на него ответственность

за благополучие близких. Ему насильно приписывают роль главы семьи. Родители надеются на особое будущее своего ребенка, а ребенок боится их разочаровать. Часто ему поручают заботу за младшими детьми или престарелыми.

Э. Г. Эйдемиллер выделил основные характеристики типов воспитания ребенка:

- степень гиперпротекции;
- удовлетворенность потребностей;
- требования, предъявляемые к ребенку;
- санкции, накладываемые на него;
- воспитательная неуверенность родителей.

На основе этих характеристик дается формальное описание стилей воспитания:

- потворствующая гиперпротекция;
- доминирующая гиперпротекция;
- эмоциональное отвержение;
- повышенная моральная ответственность;
- гипопротекция.

Помимо этого выделяются также следующие отклонения в стиле родительского воспитания:

- предпочтение женских качеств (ПЖК);
- предпочтение мужских качеств (ПМК);
- предпочтение детских качеств (ПДК);
- расширение сферы родительских чувств (РРЧ);
- страх утраты ребенка (СУ);
- неразвитость родительских чувств (НРЧ);
- проекция собственных нежелательных качеств (ПНК);
- внесение конфликта между супругами в сферу воспитания (ВК).

Е. А. Личко подробно характеризует связи между стилем семейного воспитания и подростковыми психопатиями. По его мнению, гиперпротекция крайне неблагоприятна для неустойчивого и конформного типов. При доминирующей гиперпротекции развиваются черты психастении, черты сензитивного типа, возникает астено-невротическая акцентуация характера. У **гипертимиков** усиливается реакция эмансипации.

Потворствующая гиперпротекция ведет к истероидной акцентуации характера. Эмоциональное отвержение у гипертимов и эпилепто-

идов вызывает протест и эмансипацию, у истероидов — оппозицию. Шизоиды при таком стиле воспитания замыкаются в себе, а неустойчивые попадают под влияние асоциальных компаний.

Повышенная моральная ответственность вызывает агрессию у истероидов, тревогу и страхи у психастеников и сензитивов.

Влияние стиля взаимодействия родителей с детьми имеет далекие последствия и определяет их жизненный путь. Э. Роу исследовал следующие характеристики взаимодействия:

- эмоциональное приятие-неприятие;
- наличие-отсутствие контроля;
- ◆ стимулирование-нестимулирование активности ребенка.

В результате он обнаружил влияние этих характеристик на выбор профессионального пути:

- эмоциональное приятие или неприятие определяют соответственно личностную или предметную направленность профессиональных интересов;
- наличие-отсутствие контроля связано с **защитным—незащитным** типом реагирования;
- стимулирование-нестимулирование активности обуславливает направленность на других или на себя¹.

Однако главное внимание психологи уделяют не отношению родителей как целого к ребенку, а отношению матери к ребенку (чисто психологически-природному отношению).

Можно выделить три независимых направления этих исследований:

- 1) выявление роли материнской депривации (матери нет или она не заботится о ребенке);
- 2) выявление типов отношений матери и ребенка в полной семье (в связи с отношением матери и отца, точнее мужа и жены);
- 3) анализ отношений матери и ребенка в неполной семье.

Отсутствие заботы о ребенке — наиболее травмирующий фактор. Причины могут быть разными: смерть матери, отдельное проживание (мать в тюрьме и т. п.), отказ от ребенка и пр. Дети, которые воспитываются в детских учреждениях, характеризуются низким интеллектом

¹ Кондаков И. М., Сухарев А. В. Методологические основы зарубежных теорий профессионального развития // Вопросы психологии. 1989, № 5, с. 158-164.

(особенно невербальным), эмоциональной незрелостью, расторможенностью, «прилипчивостью», а также отсутствием избирательности в контактах со взрослыми (быстро привязываются и быстро отвыкают). Часто они агрессивны по отношению к сверстникам, но лишены социальной **инициативности**¹.

Существует множество типологий отношений «мать-ребенок». Приведем вариант, предложенный С. Бреди².

1. *Поддерживающее, разрешающее поведение.* Матери этого типа, к примеру, не стремились приучить ребенка к туалету, а ждали, пока он созреет сам. При этом стиле воспитания у ребенка формируется чувство уверенности.
2. *Приспособление к потребностям ребенка.* Мать проявляет напряженность в общении с ребенком, страдает отсутствием непосредственности, чаще доминирует, а не уступает ему.
3. *Чувство долга и отсутствие интереса к ребенку.* При таком типе отношений нет теплоты и эмоциональной спонтанности. Часто матери осуществляют жесткий контроль, особенно за навыками опрятности.
4. *Непоследовательное поведение.* Мать вела себя неадекватно возрасту и потребностям ребенка, совершала частые ошибки и плохо его понимала. Такой стиль формирует в ребенке чувство неуверенности.

Л. Ковар выводит отношения «мать-ребенок» из общей модели семейных **отношений**³.

Тип этих отношений зависит, по его мнению, от того, как родители оценивают и относятся к своему ребенку и как он самоутверждается. Часто ребенок бывает обузой, мешающей социальному продвижению матери. Мать уходит от него и больше к нему не возвращается. Покинутый ребенок, лишенный материнской ласки, плохо общается с другими людьми. У него поздно формируется речь. Он остается инфантильным на всю жизнь, с несформированной «я-концепцией».

Мать может полностью посвятить себя ребенку и воспроизвести отношения «хозяин-раб», чтобы избавиться от пустоты и бессмысленности жизни. Она относится к ребенку как к «любовнику», готова исполнять любое его желание и прихоть. Она не дает ему проявить самостоятельность и формирует в ребенке безответственность и бес-

¹ Семья в психологической консультации / Под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. М., 1989.

² Bredy S. Patterns A mothering. N. Y., 1956.

³ Kovar L. C. Wasted Lives A Study A Children in mental Hospital and their Families. N. Y., 1979

помощность. Поскольку она все делает за ребенка, ребенок зависит от капризов матери, а мать — от капризов ребенка. В этом союзе двоих отец не нужен, и он становится лишним в семье. Поскольку у ребенка нет опыта соперничества и компромиссов, он не принимается в дворовую компанию и остается капризным придатком матери. Мать совершенно довольна этим. «Отношения для двоих» создаются матерями-одиночками, которые контролируют поведение ребенка и испытывают от этого удовольствие. Хотя ребенок всегда желанен, но мать уходит от него, когда это нужно ей, а не ему. По мнению Л. Ковара, это приводит к инфантилизации и развитию женских черт у **МАЛЬЧИКОВ**¹.

Его тянет к общению с маленькими детьми, он воображает себя девочкой, к нему прилипает кличка «маменькин сынок». Часто он бунтует против матери и учителей. Характерен уход в мир фантазий, стремление к всемогуществу.

Если муж терпит неудачу в карьере, жена, считающая себя волевой женщиной, начинает борьбу за власть. Дети для нее делятся на сильных (как мать) и слабых (как отец). Конфликтую, отец и мать используют детей как оружие в собственной борьбе.

«Волевая» мать третирует «слабовольного» сына. Ребенок вынужденно играет роль слабовольного, но постоянно борется с матерью. Часто он направляет агрессию на родителей, на младших детей, теряя эмоциональный контроль, конфликтует со сверстниками. Предпочитает занятия в одиночку (чтение книг, просмотр телепередач, ведение дневника, занятия ремесленными поделками). Он недоволен собой и тем, что делает, поскольку судит о себе по критериям матери, чувствителен и пытается компенсировать свою слабость и трусость, занимаясь силовыми видами спорта.

Другой вариант: мать считает отца недоразвитым. Аналогично — и ребенка. Она отворачивается от ребенка, хотя старается выглядеть заботливой в мелочах. По отношению к сыну мать выражает лишь отрицательные эмоции или не выражает их вообще (сын «пустое место», как и отец) и уделяет внимание лишь внешним нормам поведения. У ребенка не развивается индивидуальность. Он вырастает с комплексом неполноценности, предается фантазиям.

Мать с «разбитой» судьбой временно посвящает себя ребенку, но может бросить его ради нового мужчины, как и отец свою любимицу-дочь. Ребенок бунтует против родительского непостоянства: от-

¹ Kovar L. C. Wasted Lives A Study A Children in mental Hospital and their Families. N. Y., 1979, pp. 1–27.

сюда побеги, подлоги, кражи, ранние сексуальные связи, разочарования и т. п.

Когда семья борется за социальное и экономическое выживание во враждебном мире, ребенок становится жертвой этой борьбы. Она сопровождается злобой, агрессией, депрессиями.

Если мать покинута мужем и у нее меняются партнеры, ребенок брошен и забыт. С ранних лет он попадает в компанию сверстников, стремится преуспеть в сферах, не требующих самодисциплины, там, где можно быстро удовлетворить свои потребности. Он часто нарушает школьную дисциплину, прогуливает занятия, проявляет негативизм и демонстративность при общении с педагогом.

Возможны различные результаты личностного развития ребенка при подобных отношениях матери.

«Социальный неудачник» («социализированный преступник»). Такой ребенок в детстве признавался как личность родителями, но считался непослушным, был с ними близок, но очень недолго.

«Несоциализированный преступник» получает очень скудное воспитание и рано оценивается как неперспективный; для него характерны кражи, драки, наркомания, пьянство.

«Социальная неудачница» — любимица матери, которая была брошена ради очередного мужчины и стремится привлечь к себе внимание плохим поведением. Любовные связи для нее заменяют связь с матерью.

Мать может покинуть ребенка рано (до трех лет), и в этом случае у него наблюдаются все признаки материнской депривации: задержка в развитии, принятие навязанных группой ролей и пр.

Л. Ковар считает идеальной для ребенка среду, когда все его непосредственные проявления оцениваются как значимые и приемлемые для взрослого, когда родители развивают у него личностную автономию и чувство защищенности.

Выводы Ковара сделаны на материале изучения детей из социально и экономически неблагополучных семей, попавших в клинику неврозов.

Работа Е. Т. Соколовой проделана на базе психологической консультации и также посвящена проблеме стилей отношений «мать-ребенок»¹.

Она выделяет следующие стили воспитания.

1. *Сотрудничество*. В общении матери и ребенка преобладают поддерживающие высказывания над отклоняющими. В общении присутствуют

¹ Соколова Е. Т. Самосознание: самооценка при аномалиях личности. М.: МГУ, 1989.

взаимоуступчивость, гибкость (смена позиций ведущего и ведомого). Мать побуждает ребенка к активности.

2. *Изоляция.* В семье не принимаются совместных решений. Ребенок изолируется и не хочет делиться своими впечатлениями и переживаниями с родителями.
3. *Соперничество.* Партнеры по общению противостоят друг другу, критикуют друг друга, реализуя потребности в самоутверждении и симбиотической привязанности.
4. *Псевдосотрудничество.* Партнеры проявляют эгоцентризм. Мотивация совместных решений не деловая, а игровая (эмоциональная).

Е. Т. Соколова считает, что партнеры при реализации того или иного стиля получают психологические выгоды, и рассматривает два варианта отношений матери и ребенка (доминирование матери и доминирование ребенка) и дает следующие психологические характеристики этим типам отношений.

Доминирующая мать отклоняет предложения ребенка, а ребенок поддерживает предложения матери, демонстрируя покорность и/или действуя за спиной и под защитой матери.

Если *доминирует ребенок*, мать получает следующие психологические выгоды: соглашается с ребенком, чтобы обосновать его слабость и тревогу за него или чтобы принять позицию «жертвы».

Приведем еще одну классификацию типов неадекватного отношения к ребенку.

1. *Ребенок, замещающий мужа.* Мать требует к себе постоянного внимания, заботы, хочет быть постоянно в обществе ребенка, быть в курсе его личной жизни, стремится ограничить его контакты со сверстниками.
2. *Гиперопека и симбиоз.* Мать стремится удержать ребенка при себе, привязать и ограничить самостоятельность из-за страха **ЛИШИТЬСЯ** ребенка в будущем, она принижает способности ребенка, стремится «прожить за него жизнь», что приводит к личностному регрессу и фиксации ребенка на примитивных формах общения.
3. *Воспитательный контроль посредством нарочитого лишения любви.* Ребенку говорится, что «мама такого не любит». Ребенка игнорируют, обесценивают его «я».
4. *Воспитательный контроль посредством вызова чувства вины.* Ребенку говорят, что он «неблагодарный». Развитие его самостоятельности сковывается страхом.

Практически все стили «отклоняющегося» воспитания проявляются в неполных и конфликтных семьях.

Не решается лишь одна проблема: почему возникает конфликт и развод. Почему возможны «отклоняющиеся» стили воспитания и детские неврозы. Наиболее глубокий ответ дает А. И. Захаров — причина в «извращенной» ролевой структуре семьи, а именно: мать излишне «мужественна», недостаточно отзывчива и эмпатична, требовательна и категорична. Отец слишком женственен, мягок, раним и не способен управлять ситуацией. Тогда ребенок становится «козлом отпущения».

Но остается неясным, почему складывается ситуация, когда женщина проявляет мужские черты поведения, а мужчина — женские. И почему это приводит к краху системы воспитания детей в семье. На этот вопрос современная психология семьи не дает и не может дать ответа.

Почти все перечисленные стили, способы, виды и пр. отношения родителей к ребенку являются следствием деструкции семьи по одному типу: отсутствие какой бы то ни было организующей функции мужчины-отца в структуре семейных отношений и замыкание всей системы психологических связей на ребенке. Мать и ребенок оказываются по своей воле или неволе в плену друг у друга, в круговороте действий и эмоций, из которых один выход: невроз (чаще истерия) и инфантилизация личности ребенка (всевозможные проявления психической незрелости).

Я думаю, что в норме существует некая психологическая структура, формообразующая семейных связей, которая (до определенного предела, конечно) не дает разгораться человеческим страстям и вместе с тем, предоставляет членам семьи возможности для реализации себя в семье.

Структура этих отношений не должна быть (из соображений теоретической простоты) очень сложной. В. М. Сатир основным отношением в семье считает отношение власти (доминантность-субмиссивность) и выделяет следующие типы семей:

- 1) доминирующий муж — подчиненная жена;
- 2) доминирующая жена — подчиненный муж;
- 3) открытая борьба или сотрудничество;
- 4) **изоляция**¹.

Но в этой системе власти, по Сатир, не находится места ребенку.

Э. Г. Эйдемиллер подчеркивает значение «доминантности-подчинения» и вместе с тем в своей методике графического обобщения дан-

¹ Кочарян Г. С., Кочарян А. С. Психотерапия сексуальных расстройств и супружеских конфликтов. М., 1994.

ных семейного обследования (на основе опросника «Анализ семейных отношений») очень много внимания уделяет тесноте эмоциональной связи членов семьи.

И наконец, великая Маргарет Мид ставит во главу угла понятие «ответственность» как основное отношение, характеризующее семью и ее членов.

Три этих параметра, описывающие отношения в первичной простой семье (триада «ребенок, отец, мать»), я буду считать основными.

Ответственность, власть, любовь

Приходится с большой осторожностью пользоваться термином «культура», ибо он оброс огромным количеством разных смыслов, и почти каждый исследователь дает его значению свою интерпретацию. Слово «культура» ведет происхождение от латинского *colere* — «возделывать почву» (отсюда же сельскохозяйственные термины «культивировать», «агрокультурный» и пр.). Человек возделанный, «культивированный» в XVIII в. стал называться культурным. Позже слово «культура» (нем. — *Kultur*) стало означать высокий уровень развития цивилизации.

Сегодня под культурой подразумевают систему выработанных обществом регуляторных механизмов поведения человека и социальных групп; планы, правила, инструкции и пр.¹

Культура включает в себя набор обязательных составляющих культурных универсалий (по Дж. Мердоку) или основных элементов (по У. Гудинаф): понятия, отношения, ценности и правила (нормы поведения). Культура общества как целое складывается из «высокой» культуры (изящные искусства, классическая музыка и литература и пр.) и массовой (народной) культуры (фольклор, сказки, мифы, песни и т. д.). В состав культуры входят субкультуры, носителями которых являются отдельные группы общества. Контркультурой называется субкультура, конфликтующая с господствующей культурой.

Я буду рассматривать культуру общества как целое, но лишь в одном аспекте: каким образом в культуре проявляются коллективные представления общества о структуре семейных отношений.

Нормы общества (любые, не только мораль) проявляются в первую очередь в религиозной культуре: текстах, произведениях искусства, ритуалах и пр. Религия как бы проявляет, эксплицирует ту скрытую

¹ Смелзер Н. Социология. М., 1994.

совокупность отношений, в которые вступают люди на протяжении жизни. Более того, в религии эти отношения приобретают священное, идеальное, предписываемое значение: так фиксируется идеал человеческих отношений и поведения. Бог ведет себя так, как может и должен вести себя человек, хотя и остается в силе поговорка: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». Вместе с тем поведение божества демонстрирует допустимый спектр поведения людей. Отношения, в которых находятся боги, святые и прочие субъекты пантеона, с одной стороны, отражают людские отношения, а с другой стороны, выступают регуляторами поведения людей, порождают и направляют это поведение.

Семья является не только социальной группой, но и общественным институтом. По определению социологов, институтом называется совокупность социальных ролей и статусов, предназначенных для удовлетворения определенных социальных потребностей.

Здесь следует уточнить понятия «роль» и «статус».

Под статусом понимается позиция человека в обществе с определенными правами и обязанностями, а роль — это ожидаемое поведение, связанное с определенным статусом. Если человек имеет социальный статус дворянина, то окружающие ожидают от него только исполнения своей роли: верности государю, соблюдения кодекса чести, личной автономности и ответственности и т. д. Роли человек присваивает в ходе социализации, под влиянием ближайшего социального окружения, которому он подражает, которое его поощряет за одни поступки и наказывает за другие.

Результат социализации ребенка определяется присвоением социальных норм и ценностей в ходе взаимодействия с другими людьми. И решающую роль в социализации ребенка играет семья.

Семья как социальный институт выполняет, помимо воспитательной, еще ряд функций:

- 1) *экономическую* — в доиндустриальную эпоху семья была первичной производственной группой, в настоящее время в семье распределяются доходы, заработанные вовне, и происходит потребление;
- 2) *передачи СОЦИАЛЬНОГО статуса* — семьи разных слоев общества имеют разный социальный статус и передают его новым членам семьи — детям;
- 3) *поддержания благосостояния* членов семьи.

Многие исследователи (в частности, Т. Парсонс) утверждают, что в настоящее время семья утратила эти функции в связи с переходом

развитых стран в фазу постиндустриального общества; существенной функцией семьи осталась социализация детей.

Я же полагаю, что социализация детей всегда, во все времена и у всех народов была единственной специфической функцией семьи, а прочие функции были дополнительными и менялись на протяжении веков.

Социологи различают следующие основные формы семьи.

1. *Нуклеарная семья* состоит из родителей и детей, объединяет только два поколения. Сегодня это наиболее распространенная структура в западном обществе.
2. *Расширенная нуклеарная семья* включает нуклеарную семью и родственников (бабушек, дедушек, внуков, сестер, братьев и др.), а также людей, являющихся близкими по тем или иным причинам.
3. *Полная семья* соответствует нуклеарной семье, если включает отца, мать и детей.
4. *Неполная семья* — если один из родителей отсутствует. Есть дополнительная категория — так называемые *функционально неполные семьи*. В этой группе двое родителей, но профессиональные или другие причины оставляют им мало времени для семьи.
5. *Большая семья* — группа кровных родственников разных поколений, живущая в одном месте и возглавляемая фигурой патриарха или матриарха. Обнаруживаемая в аграрных обществах, семья этого типа имеет общую собственность на землю, скот и средства производства.
6. *Семья-двор* также характерна для аграрных обществ прошлого. В этом случае живущая в одном месте семья объединяет несколько поколений. Кроме того, членами семьи являются люди, не связанные кровным родством (слуги, наемные работники и т. д.), образуя в совокупности и социальное, и экономическое сообщество.

Семья, как и любой другой социальный институт, скрепляется системой власти. Различают три типа властных структур: *патриархальная* семья, где власть принадлежит мужу, *матриархальная* семья, где власть принадлежит жене, *эгалитарная* семья, где власть равномерно распределяется между мужем и женой.

Возможно, что последний вариант семьи, характерный для индустриальной эпохи и являющийся результатом кризиса семьи как социального института, маскирует распад структуры семьи и латентный конфликт: в индустриальных странах растет число разводов, а в постиндустриальных странах достигает максимума. Это позволяет американским социологам говорить о крахе семьи и рождении нового варианта человеческих отношений, не имеющих ничего общего не только с традиционной семьей, но и с семьей как таковой. В США за

30 лет (с 1960 по 1990 г.) уровень разводов возрос почти в 15 раз; он самый высокий в мире.

Хотя появление альтернативных семей, распространение гомосексуальных браков, жизни в коммунах и прочих вариантов отношений, **заменяющих** семью, наводит на мысль о прогрессивности отказа от семьи как социального института, последствия этого отказа катастрофичны для процесса социализации детей.

Доминирование работающей матери в семье приводит к тому, что дети хуже усваивают ценности, нормы и мораль общества. Правда, исследования американских психологов показали, что несовершеннолетние преступники реже выходят из семей родителей-одиночек, чаще из семей с конфликтующими двумя родителями. Но дети матерей-одиночек испытывают большие проблемы в социальной адаптации, выборе брачного партнера и воспитании собственных детей. Нить социального наследования рвется.

В России семья, несмотря на наличие аналогичных происходящим в США процессов (об этом в других главах), также сохраняет свои важнейшие социальные функции.

Введем ряд дополнительных важных понятий.

1. *Реальная семья* — конкретная семья как социальная группа, объект исследования.
2. *Типичная семья* — наиболее распространенный в данном обществе вариант модели семьи.
3. *Идеальная семья* — нормативная модель семьи, которая принимается обществом, отражена в коллективных представлениях и культуре общества, в первую очередь, религиозной.
4. *Элементарная семья* — семья, состоящая из трех членов: муж, жена и ребенок.

Предметом нашего рассмотрения будут модели идеальной семьи с точки зрения их психологической структуры. Составную нуклеарную семью, где несколько детей, следует рассматривать как конъюнкцию нескольких элементарных.

Итак, семья является социальным институтом, а конкретная семья **институализированной** социальной группой, функция которой заключается в первичной социализации детей.

Как любая другая институализированная группа, она скрепляется отношениями власти — подчинения и **взаимответственности**. Члены семьи могут любить друг друга, могут ненавидеть, удовлетворять свои сексуальные и прочие потребности в семье или на стороне,

иметь собственных детей или приемных, но пока есть система этих отношений и пока семья выполняет задачу воспитания детей — она существует. Поскольку речь идет не о браке, а о семье, будем оперировать терминами «отец» и «мать», а не «муж» и «жена». Это роли, определяемые функцией в социализации и обеспечении жизнедеятельности ребенка. Их могут выполнять не только биологические мать и отец, но (в неполных и даже в полных семьях) бабушка и дедушка, другие родственники, старшие братья и сестры, хотя при такой замене исполнителей возникают дефекты социализации.

К примеру, в гомосексуальных семьях с ребенком один партнер может брать на себя функции «матери», а другой — функции «отца».

Но люди остаются людьми и во взаимоотношениях проявляют весь спектр своих переживаний: в интегрированном виде отношения можно описать еще одним параметром — эмоционально-психологической близостью, которая связана с мотивацией аффилиации (присоединения).

Между тремя видами отношений, характеризующих психологическую модель семьи, существуют определенные связи.

Доминирование предполагает ответственность за тех, кто подчиняется, а ответственность — власть над людьми для реализации ответственных задач.

Психологическая близость обычно отрицательно коррелирует с отношением доминирования-подчинения: чем больше власть одного человека над другим, тем меньше между ними психологическая близость, **ПОСКОЛЬКУ** власть — это принуждение.

Любовь носителям власти также возникает в определенных культурах и воспитывается.

Дадим характеристику основным видам отношений, реализующихся в семье.

1. Доминирование-подчинение. Семья — это, в первую очередь, структура, в которой реализуется отношение власти: доминирование-подчинение. Наиболее, на мой взгляд, емкое определение доминирования (власти, господства) сделал политолог Р. Э. Дал: «Мое интуитивное представление о власти выглядит примерно так. *А обладает властью над В в той мере, в какой он может заставить В сделать то, что, предоставленный самому себе, В делать не стал бы*».

Социальный ранг характеризует даже особей в группе животных одного вида, живущих стаями, стадом и пр. на определенной территории. Борьба за доминирование ведется особью постоянно и с переменным успехом.

Отношения доминирования-подчинения в группе людей, несомненно, имеют социокультурную специфику и, конечно, не сводятся к «порядку клевания» (*peckingorder*). Выделяют 5 видов социальной власти, характеризующей отношения между ребенком и взрослыми в семье (Френч и Равен)¹.

1. *Власть вознаграждения.* Ребенка могут вознаграждать за определенное поведение. Награда следует за социально-одобряемым (ожидаемым) поступком, наказание — за социально-порицаемым.
2. *Власть принуждения.* В ее основе лежит жесткий контроль за поведением ребенка, каждый незначительный проступок подлежит наказанию (либо словесному — угроза, либо физическому).
3. *Власть эксперта.* Основана на большей компетентности родителей в том или ином деле (социальная или профессиональная компетентность).
4. *Власть авторитета.* В ее основе лежит уважение человека (одного из родителей), который является образцом, носителем социально-одобряемого поведения.
5. *Власть закона.* Единственная форма **внеличностной** власти, однако носителем и истолкователем закона, правил поведения для ребенка являются взрослые и, в частности, родители.

Как правило, социальные психологи связывают доминирование с принятием социальной ответственности за действия группы: доминирующий член группы отвечает за успешность выполнения общей задачи и, кроме того, несет ответственность за сохранение нормальных отношений между членами группы.

Кроме того, с доминированием связывают импровизационную активность и инициацию действия. Считается, что наиболее успешными лидерами являются лица, склонные к торгу, равнодушие к межличностным отношениям, умеющие сопротивляться социальному давлению, стремящиеся к достижениям, риску и получающие удовольствие от манипуляций другими людьми. Задача доминирующей личности — обеспечение безопасности группы, координация действия ее членов для достижения групповых целей, определение перспектив жизни и развития группы и внушение веры в будущее. Доминирование одного из супругов является необходимым условием устойчивости **семьи**².

¹ French I. R., Raven B. H. The basis of social power // Studies of Social Power. Ann. Arbor. Michigan, 1959.

² Янкова А., Ачилова Е. Ф., Лосева О. К. Мужчина и женщина в семье. М., 1983.

Не меньшее значение имеет удовлетворенность браком при условии паритетных отношений и совместности проведения досуга.

2. Ответственность относится к числу наиболее сложных по содержанию понятий в психологии личности и социальной психологии. В рамках теории морального сознания **существует** несколько гипотез о природе ответственности и стадиях развития ответственного поведения.

По К. Хелкману, есть три фазы формирования ответственности:

- 1) автономная субъективная ответственность;
- 2) ответственность как социальная обязанность;
- 3) ответственность, основанная на принципах морали.

Типология Ф. Хайдера основана на концепции приписывания (атрибуции) ответственности за действия себе или окружению. Ф. Хайдер выделяет пять уровней атрибуции ответственности:

- 1) ассоциация — человек отвечает за каждый результат, который как-то связан с ним;
- 2) причинность — человек ответственен даже тогда, когда не мог предвидеть результат;
- 3) предвидимость — ответственность за любое предвидимое последствие действий;
- 4) намеренность — ответственность только за то, что человек намеревался сделать;
- 5) оправдываемость — ответственность за действия человека разделяются с окружающими.

Личностную ответственность связывают с ее проявлением в поведении: «Степень личной ответственности — это чувство определенной возможности контролировать совершение действия и его исход¹».

К. Муздыбаев определяет социальную ответственность следующим образом: «Это прежде всего качество, характеризующее социальную типичность личности. Поэтому мы будем говорить о социальной ответственности, имея в виду склонность личности придерживаться в своем поведении общепринятых в данном обществе социальных норм, исполнять ролевые обязанности и ее готовность дать отчет за свои действия. Отчужденность от социальных норм и неумение найти смысл жизни ослабляют социальную **ответственность**»².

¹ Schwartz Sh. H. Normative evaluations A helping behavior: A critique, proposal and empirical test. Journal of Experimental Social Psychology, 1973, v. 9, p. 353.

² Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1993, с. 25.

Этот же автор выделяет следующие векторы развития ответственности:

- 1) от коллективной к индивидуальной (вектор индивидуализации по Ж. Пиаже). С развитием социума за поступок отдельного человека отвечает не группа, к которой принадлежит человек, совершивший поступок, а он сам;
- 2) от внешней к внутренней, осознанной личностной ответственности (вектор спиритуализации ответственности по Ж. Пиаже), переход от внешнего к внутреннему контролю поведения;
- 3) от ретроспективного плана к перспективному — ответственность не только за прошлое, но и за будущее; личность не только предвидит результаты своих действий, но и стремится активно их достигать;
- 4) ответственность и срок давности — возможность влияния прежних отношений между людьми на их настоящие взаимоотношения, когда они уже другие.

Е. Д. Дорофеев предлагает дополнить векторы развития ответственности еще одним. Этот вектор можно определить как развитие индивидуальной ответственности за все большее количество людей — «от ответственности за себя к ответственности за **ВСЕХ**».

Принять ответственность можно за отношения в группе, а также за ее деятельность (цель, результат и процесс). Ответственность за групповые отношения подразделяется на ответственность:

- 1) за групповые нормы (как результат прошлых взаимодействий);
- 2) за стремление к изменению норм, традиций, отношений (будущее);
- 3) за реальное состояние группы (настоящее).

Личность может нести ответственность за себя, за отдельных членов группы, за референтную группу (часть группы, к которой принадлежит) и за группу в целом.

Тем самым Е. Д. Дорофеев выдвигает трехмерную модель групповой ответственности:

- 1) время (прошлое, настоящее, будущее);
- 2) характеристики (деятельностные, отношенческие);
- 3) субъект (за себя, за отдельных других, за **группу**)¹.

¹ *Дорофеев Е. Д. Внутригрупповая ответственность при разных формах ответственности // Психология личности и группы в изменяющемся обществе. М., 1994.*

Эту модель, очевидно, требуется дополнить еще одним параметром: перед кем несет ответственность личность (перед собой, перед отдельными другими, перед группой в целом, перед обществом в целом). В нашем случае член семьи может нести ответственность за других отдельных членов семьи (например, за жену или мужа, или детей) и за семью в целом. Роль лидера, главы семьи предполагает именно ответственность за семью в целом: за ее настоящее, прошлое, будущее, деятельность и поведение членов семьи, перед собой и семьей, перед общиной (ближайшим социальным окружением) и той частью мира людей (общества), к которой принадлежит семья. Это всегда ответственность за других, и не просто за отдельных близких людей, а за социальную группу как целое.

3. Эмоциональная близость. Психологически она основана на мотивации **аффилиации**. Мюррей в 1938 г. описывал мотив потребности в аффилиации следующим образом: «Заводить дружбу и испытывать привязанность. Радоваться другим людям и жить вместе с ними. Сотрудничать и общаться с ними. Любить. Присоединяться к группам...

Под **аффилиацией** (контактом, общением) мы подразумевали определенный класс социальных взаимодействий, имеющих повседневный и в то же время фундаментальный характер. Содержание их заключается в общении с другими людьми (в том числе с людьми незнакомыми или малознакомыми) и такое его поддержание, которое приносит удовлетворение, увлекает и обогащает обе стороны»¹.

Аффилиация должна завершиться установлением взаимоприятных, дружеских отношений, симпатий партнеров по общению. Люди мотивированы не только положительно (надеждой на установление хороших отношений), но и отрицательно (страхом отвержения). Эти мотивационные ожидания формируются на основе обобщения опыта общения человека с другими людьми.

Аффилиация противоположна власти: любовь толкает человека на поступки, которые он хочет совершить, а страх власти (мотивация подчинения) принуждает к таким действиям, которые человек не совершил бы по своей воле.

Поэтому аффилиативная мотивация почти всегда выступает компенсатором мотивации власти-подчинения: нигде так много не говорится о любви к ближним, как в православном богословии, а между тем именно в православной догматике отношение «**ВЛАСТЬ–ПОДЧИНЕНИЕ**» имеет особое значение.

¹ *Хеккхаузен*. Мотивация и деятельность. Т. 1. М., 1986, с. 289.

Мусульманская догматика для тех же целей использует уважение: младших к старшим, жены к мужу (первое важнее). Уважение — это признание значимости другого по сравнению с собой, но без любви. В уважении мотивация подчинения слита с мотивацией самооценки в единую структуру.

Психологические модели элементарной семьи можно разделить по следующим основаниям.

1. Кто несет ответственность за семью: отец или мать (или достигший дееспособного возраста ребенок)?

Нормальной семьей будем считать семью, где ответственность несет муж (отец).

Аномальной семьей назовем такую семью, где отец не несет ответственности за нее.

Если ответственность не несет никто — это «псевдосемья».

2. Кто доминирует в семье?

В патриархальной семье доминирует отец.

В матриархальной семье доминирует мать.

В так называемой *детоцентрической* семье реально (психологически) доминирует ребенок, его потребности или капризы.

В эгалитарной семье властные функции распределены, но их распределение — постоянная почва для конфликта (отсюда возникновение теории конфликта для описания современной семьи); можно назвать ее конфликтной семьей.

Иерархия доминирования включает трех членов семьи, поэтому важно не только определить, кто доминирует над всеми, но и саму иерархию власти-подчинения.

На первый взгляд, теоретически в полной элементарной нуклеарной семье существует всего лишь 6 типов иерархии (в порядке доминирования):

- 1) отец-мать-ребенок,
- 2) отец-ребенок-мать,
- 3) мать-отец-ребенок,
- 4) мать-ребенок-отец,
- 5) ребенок-отец-мать,
- 6) ребенок-мать-отец.

Однако отношения доминирования не являются транзитивными, т. е., если отец главенствует над ребенком, а тот над матерью, мать вполне может главенствовать над отцом, поэтому число вариантов с учетом нетранзитивности на 2 больше (см. табл. 1).

Таблица 1. Модели семьи с учетом отношений доминирования-подчинения

Патриархальные	Матриархальные	Детоцентрические
1) $O \rightarrow M \rightarrow P$	3) $M \rightarrow O \rightarrow P$	5) $P \rightarrow O \rightarrow M$
2) $O \rightarrow P \rightarrow M$	4) $M \rightarrow P \rightarrow O$	6) $P \rightarrow M \rightarrow O$
Нетранзитивные		
7) Податливый отец		8) Податливая мать

В неполной нуклеарной семье, естественно, возможны всего четыре варианта.

В расширенной нуклеарной семье существует иерархия отношений среди детей, а также включение отдельных детей в иерархические отношения с матерью и отцом и т. д. Многообразие жизни простой теоретической схемой не опишешь, но некоторые проблемы схема все же помогает прояснить.

Эмоциональная близость-отдаленность также характеризует отношения в тройке «отец-мать-ребенок»: ребенок может быть ближе к матери, чем к отцу, и наоборот, родители могут быть ближе друг к другу, чем к ребенку, все могут быть равно близки друг к другу и т. д.

В конкретной культуре может придаваться различная значимость отношениям власти-подчинения, эмоциональной близости, ответственности. Это проявляется в различном «весе» тех или иных отношений в структуре семьи.

Математически можно описать возможные модели полной элементарной нуклеарной семьи системой трех параметров с определенными на них весовыми коэффициентами; место каждого члена семьи в пространстве признаков будет определено. Два параметра (ответственность и доминирование) характеризуют одного члена семьи, третье измерение (эмоциональная близость) характеризует каждую из трех пар (отец-мать, отец-ребенок, ребенок-мать). Отношение доминирования векторное, остальные скалярны.

Следует отметить, что в реальности личностные переживания психологической близости — отношения векторные, поскольку аффилиативная мотивация определяет направленность поведения: ребенок может стремиться к матери, а мать быть отчужденной от него.

Психологическая эмоциональная близость является результирующей направленности двух членов семьи, но за этой результирующей могут скрываться куда более сложные эмоциональные отношения. Чаще субъекты доминирования и ответственности совпадают в одном лице. Вариант семьи, в которой доминирует один член семьи, а ответственность несет другой, назовем эксплуатирующей семьей (типичный случай — Святое семейство в составе Девы Марии, Иисуса Христа и отвечающего за них, но низшего в иерархии Иосифа Обручника).

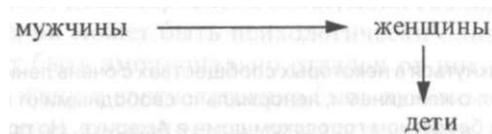
Можно предположить, что максимально стабильной является семья, в которой субъект ответственности и власти — одно и то же лицо, а члены семьи психологически ближе к нему, чем друг к другу. Как будет видно из дальнейшего анализа, к этому типу наиболее близка идеальная католическая семья, что, разумеется, не делает ее идеальной в эмоционально-оценочном смысле этого слова.

Еще раз стоит упомянуть, что пока речь идет лишь о теоретической конструкции и ни о чем более.

Нормальная семья

Семья и брак возникли на довольно позднем этапе развития общества. Наиболее ранней формой брачно-семейных отношений был групповой брак. Формой общежития являлась родовая коммуна¹.

Она состояла из мужской и женской групп и обеспечивала не только биологическое воспроизводство, но также вскармливание и воспитание детей. Помимо мужской и женской групп в коммуне выделялась детская группа, которая была более тесно связана с женской. Пространство психологической близости строилось следующим образом:

¹ Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1987.

Между детством и зрелостью лежал обряд инициации: подросток проходил испытание (душевное и физическое) и переходил в мужскую или женскую группу. Иногда молодому мужчине присваивалось новое имя.

В той или иной форме обряд инициации сохранился по сей день: речь идет не только о «прописке» молодого уголовника в тюремной камере или о переводе солдата срочной службы из «молодого» в «котлы».

Классической процедурой инициации является, например, защита диссертации: соискатель долго готовится к процедуре, у него есть наставник (опекун) — научный руководитель или консультант, его подвергают серии душевных (к счастью, не физических) испытаний более «взрослые», и, наконец, он зачисляется в старшую группу и получает новое «имя» кандидата или доктора наук со всеми сопутствующими правами и обязанностями.

В примитивном обществе переход юношей в мужскую группу психологически был, наверное, более сложен и проходил болезненней, чем переход девушек в группу взрослых женщин, если учитывать структуру психологической близости мужской, женской и детской групп. Это проявлялось в том, что человек всю жизнь принадлежал к коллективу, в котором он родился, к которому принадлежала его мать. «Это отнюдь не значит, что принадлежность человека к роду определялась по матери. Человек принадлежал к данному роду вовсе не потому, что к нему принадлежала его мать, а потому что он от рождения входил в состав данного коллектива и ни в какой другой войти не мог.» Отношения не были еще персонифицированы: существовали отношения не «личность-личность», а «группа-группа».

Судьба человека была производной от динамики межгрупповых отношений. И лишь когда род перестал совпадать с трудовым коллективом, стало определяться родство: по отцу или по матери. Особенности определения родства были связаны с типом культуры.

Существует ли нечто общее в отношениях внутри нормальной семьи, что не зависит от времени, культуры, этнического строя?

И здесь уместно предоставить слово психологу и антропологу Маргарет Мид:

«Мы можем столкнуться в некоторых сообществах с очень ленивыми мужчинами или, наоборот, с женщинами, ненормально свободными от каких-либо обязанностей, как в бездетном городском доме в Америке. Но принцип сохраняется повсюду. Мужчина — наследник традиций, должен обеспечивать женщин и детей. У нас нет никаких оснований считать, что мужчина, оставшийся животным и не прошедший школу социального обучения, смог бы сделать что-

нибудь подобное. От социального устройства общества зависит, каких женщин и каких детей будет обеспечивать мужчина, хотя главное правило здесь, по-видимому, предполагает, чтобы он обеспечивал женщину, с которой он находится в половой связи»¹.

С ее точки зрения не столь важно, чьи дети, является ли мужчина биологическим отцом или нет; дети могут быть усыновлены, выбраны, могут быть сиротами и т. д. Однако во всем мире существует представление о долге и семье, за которую ответственен мужчина. Муж приносит пищу в дом, жена ее готовит, муж обеспечивает семью, жена воспитывает детей. М. Мид считает, что требуются особые социальные усилия, чтобы мужчина выполнял обязанность кормить семью и детей, поскольку у этой социальной обязанности нет биологического механизма, между тем как материнская привязанность к ребенку природная. Российский поэт Михаил Львов (правда по другому поводу) написал: «Чтоб стать мужчиной, мало им родиться. Чтоб стать железом, мало быть рудой...»

Поэтому каждое поколение молодых мужчин должно учиться родительскому поведению в семье: их биологическая роль дополняется социальной, выученной родительской ролью. В христианской религии образ отца-кормильца воплощен в Иосифе Обручнике — земном муже Девы Марии. Не случайно и то, что социализации мужчин христианская религия придает огромное значение.

Семья рушится тогда, когда мужчина либо не приобретает, либо теряет ответственность за семью как целое, либо не может в силу обстоятельств выполнять свои обязанности. При рабстве, при крепостном праве, при пролетаризации, во время революций, эпидемий, войн разрывается «связь времен» — тонкая нить, связывающая поколения. Связывающий — всегда мужчина. «В такие времена, когда первичной ячейкой в заботе о детях вновь становится биологическая данность — мать и дитя, мужчина теряет ясность ориентации, а те особые условия, благодаря которым человек поддерживал преемственность своих социальных традиций, нарушаются и искажаются.»

Мужчина может доминировать в семье, может занимать подчиненное положение, он может быть психологически близок к жене или ребенку, может быть эмоционально отдален от них, может любить или не любить жену и соответственно быть любимым или не любимым. Но он всегда должен нести ответственность за семью. Если мужчина несет ответственность за себя и за семью, ее настоящее и

¹ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988, с. 300–321.

будущее, семью можно считать нормальной. Если мужчина добровольно либо по внешним обстоятельствам теряет груз **ответственности**, возникают различные варианты аномальной семьи. М. Мид — оптимист. И ее светлый взгляд на прошлое и будущее человечества позволяет ей сказать: «До сих пор все известные человеческие общества всегда восстанавливали временно утраченные ими формы. Негр — раб в Соединенных Штатах содержался как племенной жеребец, а его дети продавались на сторону, потому недостаток отцовской ответственности еще чувствуется среди черных американцев, принадлежащих рабочему классу. В этой среде первичной ячейкой заботы о детях оказывается мать и бабушка, мать матери, к этой ячейке присоединяется и мужчина, даже не внося в нее никакого экономического вклада.

Но с приобретением образования и экономической обеспеченности этот дезорганизованный образ жизни отбрасывается, и американский негр-отец среднего класса, пожалуй, почти чрезмерно чадолюбив и ответственен».

История, однако, кишит отрицательными примерами последствий крушения семьи. Э. Эриксон считал, что главной причиной прихода Гитлера к власти в Германии являлась потеря авторитета отцов в глазах сыновей. Гитлер выступал в качестве «идеального» заместителя отца. На мой взгляд, доминирование отца в немецкой семье заменило ответственность и заботу.

Эриксон описывает немецкую семью конца XIX — начала XX в. как предельно конфликтную группу. Отрицание отцовского авторитета в 1910-е гг. вылилось в юношеские экстремистские движения, банды, приверженность мистико-романтическим культам гения, расы, природы, культуры и пр. Юноши считали, что мать открыто или тайно стоит на их детской стороне, а отца рассматривали как врага. Еще более худший вариант — тип властной матери, которая заимствовала идеал «я» от отца или деда и стремится к абсолютной власти над детьми. Следствием этого является потеря авторитета у детей. Их дети уходят из семьи, бродяжничают и т. д.

Но наиболее ярким проявлением краха нормальной семьи является семья в СССР. Советскую семью можно назвать постправославной атеистической (к ее характеристике мы еще вернемся). Лишение мужчины социальных и экономических возможностей обеспечивать семью и нести за нее ответственность, а также воспитывать детей привело к краху семьи как социального института. Тоталитарное государство взяло на себя весь груз ответственности и заменило отца собой.

Вот какова роль отца в воспитании советских детей по данным социологических исследований. Отцы в 1,5 раза реже, чем матери, контролируют учебу детей в школе, в 1,5-4 раза реже, чем матери, обсуждают с детьми учебные дела, книги, взаимоотношения с товарищами, моду, телепередачи, планы на будущее, выбор профессии, особенности характера детей и пр. Соответственно, на вопрос — кто для тебя является наибольшим авторитетом — лишь 5-9% школьников 8-10-х классов Вильнюса, Москвы и Баку ответили, что отец, и 17-19% назвали мать. С матерью более откровенны, чем с отцом, как мальчики, так и девочки. Она чаще становится образцом для подражания. На нее хотят быть похожими 28% вильнюсских, 26,5% московских и 19,4% бакинских школьников, а на отца соответственно 10,6%, 8,8% и 8,9%¹.

Следствия такого положения дел весьма плачевны.

Точка зрения М. Мид находит подтверждение в клинических исследованиях².

Причем, отец имеет важнейшее значение для развития с самого момента рождения ребенка: он является первым внешним объектом для ребенка и играет роль модели при ранней идентификации. Отцы поощряют процесс отделения ребенка от матери, ускоряя тем самым процесс социализации. Отсутствие отца в семье или невыполнение им своих обязанностей приводит к развитию у ребенка психопатологии.

Отец в процессе отцовства также подвержен психологическим кризисам, и в том случае, если у самого отца не решены проблемы детской привязанности к собственному отцу и матери, у него возрастает риск психопатологических нарушений.

Если отец недееспособен (не может нести ответственность за семью и выполнять роль лидера), то он оказывается в весьма тяжелом положении. Ведь для того чтобы обеспечить материальное благополучие семьи, авторитет и независимость по работе, получить общественное признание и статус, он должен прилагать свои усилия вне семьи. И если он потерпел неудачу во внешнем мире, он начинает бороться за власть в семье.

Если общество препятствует мужчине, мешает его активности в обеспечении семьи, это неизбежно приводит к развалу ее как социального института³.

¹ Отец в современной семье. Вильнюс, 1988.

² Kano R., Shibasawa T. Психотерапия отец-мать-ребенок на примере случая послеродового психоза у отца // Мать, дитя, клиницист. М., 1994, с. 101-110.

³ Kovar L. G. Wasted Lives A Study of Children in mental Hospital and their Families. N. Y., 1979.

Проблема отцовства наиболее остра для постсоветского общества. Наше государство декларировало равноправие обоих родителей по отношению к ребенку (Кодекс законов о браке и семье РФ). В реальности нынешнее законодательство и практика отчуждают отца от семьи.

Мало того, что общественное воспитание считалось основным, а ОТ-ответственность за судьбу детей передавалась государству и педагогам. Но система льгот в связи с рождением ребенка, уходом за детьми, их воспитанием предоставляется только матерям, а отцам — лишь в связи со смертью матери, ее длительным отъездом или болезнью. В случае развода ребенок остается с матерью.

Следовательно, мужчина знает, что от его заботы, личных качеств судьба его как отца никак не зависит, а ребенок — это, прежде всего, проблема женская.

Вообще отношения в семье при тоталитарном обществе становятся психобиологическими, а не социально-психологическими: роль отца как главного агента социализации сводится на нет, повышается значение природной психобиологической связи между ребенком и матерью. Потому крушение этой последней опоры семьи по вине матери является катастрофой. Это явление вновь вынуждает власти и общество обратиться к проблемам матерей и материнства и порождает порочный круг мнимых причин и реальных следствий.

Если в чем-то и нашли реализацию идеи ранних и поздних коммунистов-утопистов, так в судьбе семьи. Для всех утопий и антиутопий (утопий-предупреждений) характерно, что государство берет на себя все функции нормальной семьи: от социальных до биологических (искусственное разведение детей). В конце концов человек как социальное, психологическое, биологическое существо совершенно не нужен для прогресса. Во всех утопиях и антиутопиях ребенок вообще не рассматривается как самостоятельный член семьи. Внимание авторов проектов «светлого коммунистического будущего» сосредоточивается на отношениях сексуальных: «муж-жена», «муж—другие женщины», «жена - другие мужчины». Взгляды утопистов на семью отрицают семью как субъект воспитания детей. Для них ребенок является объектом государственного воспитания или же искусственного выведения породы (как у Т. Кампанеллы).

У Е. Замятина в романе «Мы» нет даже понятия «семья». Государство берет на себя все заботы о продлении человеческого рода. У О. Хаксли в романе «Прекрасный новый мир» слова «отец» и «мать» в тоталитарном обществе становятся бранными. Государство берет на себя и процесс продолжения рода: оплодотворяет яйцеклетку и влияет на процесс

созревания плода. Тем самым тоталитарное государство становится отцом, матерью и педагогом-воспитателем в одном лице. Аналогично у А. Платонова: дети отчуждены от семьи. Но власти до детей дела нет, они растут без всякой заботы и умирают в раннем возрасте¹.

Предельным решением семейных, брачных и сексуальных проблем является роман «Москва 2042» В. Войновича: «разделение различных предприятий на мужские и женские еще существует только в кольцах враждебных, а здесь полное равенство, и разница между мужчиной и женщиной практически стерта».

Нельзя сказать, что советская семья не является семьей как таковой; скорее это аномальная семья, в которой ответственность несет мать, она же зачастую доминирует.

Возврат к цивилизации для нее начнется с возрождения нормальной семьи (в научном значении этого термина) и никак не раньше.

Ни демократия, ни частная собственность, ни всеобщая христианизация населения России сами по себе ничего не решат: они являются лишь внешними предпосылками духовной работы.

¹ Лапин Б. Жизнь в антиутопии: государство или семья? // *Общественные науки и современность*. 1995, № 3, с. 149.

Типы семьи в европейской культуре

Языческая семья

Примером семейных отношений, характерных для языческой культуры, являются отношения в русской семье XII—XIV вв. По мнению многих историков, рубежом, отделяющим языческий тип семьи от христианского, стал XVI в. Модель православной семьи отразилась в знаменитом «Домострое», написанном одним из величайших мыслителей эпохи Сильвестром — воспитателем, а затем соучастником реформ молодого Ивана IV.

Российский крестьянин и горожанин XVI в. имели сложное комплексное мироощущение, оно отразилось в «двоеверии». Русские до XIV в. были в большей мере язычниками, нежели христианами. Аграрно-мистическое мироощущение пронизывало существование россиянина, в том числе и семейную жизнь.

Отношения мужа и жены строились не на отношениях доминирования-подчинения, а на изначальной конфликтности. В славянском язычестве женщина не является существом, подчиненным мужчине («недочеловеком», человеком второго сорта): она иной человек, обладающий качествами, отличными от мужских, носитель особой женской силы. Тайное женское могущество являлось причиной ее власти над мужчиной и внушало страх, почтение и даже ненависть.

Женщина обладала как добрачной свободой, так и свободой в браке. Если девицу принуждали выйти замуж без ее согласия и она причиняла себе увечье, с виновников взыскивался штраф. Ограничивалась не только власть отца, но и власть мужа. Ритуальная свобода закреплялась в особой женской жизни: в обычаях, запретах, женских обрядах, праздниках. Женщина имела возможность развода — она могла, если ее не устраивает муж или отношение к ней семьи мужа, вернуться к матери и отцу. Поскольку чаще всего роды враждовали между собой (Монтекки и Капулетти — отголосок язычества на итальянской

почве), то и отношения мужа и жены сохраняли оттенок вражды, конфликта. Муж не доверял жене, жена мужу. Муж ждал от жены козней, лжи, отравления и пр. «Жены ценились или мало, или также мало ценили своих мужей и женщины. Браки редко совершались по любви, взаимного уважения ждать было трудно.»¹

В семье главную роль играла «большуха» — старшая, наиболее трудоспособная и опытная женщина. Ею была жена отца или старшего сына.

Если в эпоху победившего православия женщина могла доминировать в доме лишь в том случае, когда все взрослые отсутствовали, то «большухе» подчинялись все младшие мужчины большой семьи. Такое доминирование женщины было возможно из-за частых отсутствий мужа в доме и вследствие ее власти над очагом, едой, умения приготовить пищу, сшить одежду, из-за ее роли в воспитании детей.

Ряд авторов (в том числе и В. Г. Иваницкий) считают, что разделение между мужскими и женскими функциями в семье происходило не по ролям, а территориально. Мужчина отвечал за внешнее природное и социальное пространство, женщина доминировала во внутреннем пространстве, в доме и семье.

Но дело, однако, не сводится к пространственному разделению функций. Очевидно, что важнейшим отношением в семье является отношение родителей и детей. В христианской культуре главные отношения — отец-ребенок, мать-ребенок — отделены друг от друга и различны. В языческой культуре на первый план выступают отношения между поколениями. Разумеется, речь идет не о поколениях в смысле Ортеги-и-Гассета (как носителях разных меняющихся друг друга культур), а о поколениях чисто биологических. В языческой культуре это явление — рудимент досемейной структуры (родовой коммуны). Оно выявляется даже при современных эмпирических исследованиях семьи.

Так, М. Воловикова и О. Николаева проводили сравнительное исследование отношений в семье на московских и якутских детях.

Первых (с большой условностью) можно отнести к постправославной атеистической культуре.

Вторые в большей мере связаны с культурой патриархально-языческой (не матриархальной).

Испытуемыми были школьники 7,5-12 лет. Основной методикой был «Рисунок семьи», она дополнялась рассказом о семье.

¹ Иваницкий В. Г. Русская женщина и эпоха «Домостроя» // Общественные науки и современность. 1995, № 3, с. 161-173.

Московские дети в 36,8% случаев рисуют себя рядом с матерью, а якутские лишь в 16,1%. Что является явным показателем большей психической близости московских детей к мамам. Между тем как в положении отцов различий нет.

Мама фигурирует в рассказах московских детей в 2 раза чаще, чем отец, а у якутских детей отец в 2 раза чаще, чем мать. Тем самым у якутов сохранена патриархальная иерархия семьи: во главе семьи отец, но мать — авторитет для детей.

Но самое главное: родители как единство или папа и мама у якутов в рассказах фигурировали в 4 раза чаще, чем у москвичей. Следовательно, родители доминанты по отношению к своим детям.

Наглядно отношения между поколениями богов отражены в мифологии (в частности, древнегреческой): мифы отражают противоречия между поколениями в крайних формах борьбы и уничтожения старого поколения богов новым. Еще более явно отражены отношения в семье: верховные олимпийцы Зевс и Гера находятся в состоянии постоянной борьбы, вражды. На каждую проделку своего супруга Гера делает ответный ход, да и его многочисленным подругам спуска не дает.

Вообще в античной и большинстве других языческих цивилизаций соблюдается паритет полов: мужские и женские божества равноправны. Более того, во многих отношениях женские общества обладают особым могуществом, например, Афродита, богиня любви. Миром правит Эрос, и даже высшие олимпийские божества бессильны перед его властью. Исида и Озирис, Зевс и Гера, Юпитер и Юнона находились в весьма сложных, как сказали бы сегодня, неоднозначных отношениях. И зачастую женщины выигрывали поединок и в мифах, и в жизни. Культ Исида пережил культ Озириса и распространился в эпоху первых римских императоров за пределы Египта по всей империи.

Страх перед женщинами отразился в мифах о женщинах-воинах, которые реально существовали, — амазонках. В скандинавской мифологии мертвых героев уносят на Валгаллу валькирии — девы-воительницы. Русские женщины эпохи язычества не отставали: образы богатырш-«поляниц» запечатлены в былинах. Спуску мужчинам они не давали: ни своим, ни врагам. Образ поэзии Н. А. Некрасова отнюдь не христианский по происхождению.

Ваятель **брежневско-сталинской** эпохи Вучетич одарил наше отечество массивными статуями языческих дев-воительниц, порочащих саму идею священной защиты Родины. Российская православная культура, как известно, почитает Богородицу, или позднюю языческую интерпретацию женского образа — Березиню. Сходство бетонных истуканов с валькириями — образами германской мифологии наводит на иные ас-

социации. Хуже того: и киевская «Лаврентьевна» (так прозвали киевляне свою деву с мечом) и сталинградская не защищают города, стоя лицом на запад, но повернуты спиной к западу, а лицом на восток. То есть девы с мечами **производства** Вучетича атакуют наши города!

Вот до каких издевательств над культурой и историей страны можно **ДОЙТИ**, если бездарно и цинично относиться и к стране, и к собственному ремеслу.

Однако вернемся к основной теме.

Если подвести итог, то нормативная дохристианская модель семьи выглядит следующим образом: родители (отец и мать) могут находиться в различных отношениях: доминирования-подчинения либо отрицания-конфликта. В первом случае возможны патриархальный и матриархальный варианты (более часто встречающийся). Во втором случае имеет место равенство, но равенство как результат противоречия разных сущностей, их борьбы. Этот тип наиболее распространен. Родители (как целое) противостоят детям, одно поколение борется с другим. Дети всегда в подчинении.

Следует отметить, что в дохристианских культурах важным фактором является сложность социоэкономической системы и структуры домохозяйства. Сложность системы влияет на **ВОСПИТАНИЕ** и поведение детей. Причем это влияние хорошо описывается тремя измерениями отношений в семье: доминированием, ответственностью, близостью.

Дети, воспитанные в сложных культурах, имеют более высокие показатели по шкале зависимости-доминантности и более низкие по шкале заботливости-ответственности, чем дети, воспитанные в простых культурах.

Кроме того, в обществах охотников и рыболовов дети больше ориентированы на самостоятельность и независимость. В обществах земледельцев и животноводов — на **ОТВЕТСТВЕННОСТЬ** и послушание. Следовательно, в культурах сложных, развитых тяжесть в системе отношений переносится на вектор **ДОМИНИРОВАНИЯ—ПОДЧИНЕНИЯ**. Между тем в простых дохристианских культурах преобладает вектор ответственности. К этому добавляется также эффект многочисленности семьи: чем больше детей в семье, тем более дети авторитарно агрессивны и менее дружелюбны¹.

Отношения «дети-родители» в дохристианской культуре напоминают отношения «рабы-господин» или «крепостные—феодал». Изучая

¹ Кон И. С. Ребенок и общество. М, 1988.

особенности воспитания и взаимоотношения родителей и детей в истории, Л. Демоз выделил следующие стили.

1. *Инфантицирующий стиль* (с древности до IV в. н. э.). Он характеризуется массовыми детоубийствами. Выживавшие дети часто становились жертвами насилия.
2. *Бросающий стиль* (IV—XIII вв.). У ребенка признается наличие души. Прекращаются убийства детей и жертвоприношения. Однако ребенок остается объектом агрессии для родителей. Его часто сбывают с рук: кормилице, в монастырь, в чужую семью. Он угнетен в собственном доме.
3. *Амбивалентный стиль* (XIV—XVIII вв.). Ребенок входит в эмоциональную жизнь родителей. Однако он не считается полноправным членом семьи. Его не считают самостоятельной личностью, отказывают в праве на автономную жизнь, душевную и физическую неприкосновенность. Если он сопротивляется, его беспощадно бьют.
4. *Навязчивый стиль* (XVIII в.). Характеризуется контролем за поведением ребенка, его внутренним миром и волей, что порождает конфликт «отцов и детей».
5. *Социализирующий стиль* (XIX—XX вв.). Считается, что детство — это подготовка ребенка к самостоятельной взрослой жизни, «преджизнь». Ребенка надо воспитывать, тренировать, учить. Он является объектом воспитания.
6. *Помогающий стиль* (с середины XX в.). Считается, что ребенок лучше знает, что ему нужно в каждый момент его жизни, на каждом этапе развития. Детство — это полноценный этап жизни со своими радостями, горестями и проблемами, а не только подготовка к некоей подлинной взрослой жизни. Родители стремятся помочь индивидуальному развитию ребенка и т. д.

Даже если не принимать во внимание идеализацию последнего стиля (вершины цивилизации!), к типологии Л. Демоза можно предъявлять много претензий. Она вызвала серьезную критику. Большинство исследователей отмечает, что дело не в стилях как таковых, а в экономических условиях существования семьи и общества в целом, что амбивалентное отношение к детям было всегда, что во все времена по своему заботились о детях и т. д.

В частности, в средние века ребенку предоставляли большую «телесную» свободу: не было регламентации в режиме питания, ребенка долго не отрывали от груди и кормили не тогда, когда положено, а когда он требовал. Детей поздно приучали к туалету и терпимо относились к «детскому греху» — проявлению сексуальности. Однако физическую подвижность младенцев жестко ограничивали: в течение первых четырех месяцев полностью пеленали, позже освобождали руки, а затем ноги.

Однако в вышеприведенной типологии стилей воспитания четко прослеживается рубеж на грани средневековья: когда ребенок становится не отчужденным элементом семьи, не объектом, а субъектом взаимодействия, хотя и не полноправным.

Победа христианской модели семьи над языческой характеризуется сменой типов отношений между отцом, матерью и ребенком, точнее проявлением этих отношений как самостоятельных.

Может быть, наиболее поздним остатком язычества в культуре европейских народов являются подробно изученные М. Крюбельсом «автономные детские общества». Они образуются как оппозиция миру взрослых. Вмешательство взрослых в жизнь детей порождает стремление жить втайне от них. Эти общества характеризуют наличие секретного языка, автономия групп по территориям, борьба между отдельными группами, половая сегрегация, игры, ритуалы и т. д. В бывшем СССР эпохи конца 80-х гг. эта закономерность проявилась в деятельности неформальных молодежных группировок.

Общехристианская модель семьи

Ни одна мировая религия не отводит столь важное место семье в системе вероучения, как христианство. Можно определить само христианство как религию **СЕМЬИ**¹.

Спаситель родился в настоящей земной семье, у него были, его кормили и воспитывали настоящие, земные отец и мать. Структура христианской семьи фиксирована триадой: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой. В Троице функции распределены своеобразно: Отец является творящим началом, Сын воспринимает влияние, идущее от Отца, Дух выполняет посреднические функции. Христос утверждал, что он лишь проводник воли Отца. Христос — богочеловек, и тем самым «ближе» к людям, нежели Бог Отец. О заступничестве перед Отцом небесным люди молят Христа, который является спасителем и защитником, Отец — суровый судия. Некоторые авторы считают, что в этом воплощается женское начало Христа².

На мой взгляд, заступническая роль Христа характерна для православия и объясняется его большей близостью к матери Богородице, нежели к Отцу в структуре идеальной семьи. Триаду, которая в хрис-

¹ о. *Анджей Белат*. Иосиф Обручник как икона отца // Человек. 1994, № 3, с. 96–110.

² *ЛевинМ. В.* Лекции по астрологии. Часть 1. М., 1994, с. 32–33.

тианстве олицетворяет семью, составляют Бог Сын, Бог Отец и Богородица. Богородица выполняет женскую функцию. О. Сергей Булгаков причислил Богородицу к одной из ипостасей Бога, построив Божественную Четверицу: Отец, Сын, Дух Святой и Богородица, за что и подвергся обвинениям в ереси.

Включение женского начала в состав христианской Троицы имеет глубокое основание. Дух на иврите — женского рода (Шехина, Шхна). В апокрифическом Евангелии от Филиппа есть такие строки: «Сын родился не от Духа, а от Отца, потому что не может женщина родить от женщины». Но можно и отождествить Дух Святой и Богородицу. Тогда он действительно будет «переходом» между Отцом и Сыном: Мария родила Мессию от Бога Отца. Церковники могут счесть это богохульством или ересью, но я пишу не богословский трактат. Таким образом, идеальная христианская семья включает Отца, Сына и Мать (Богородицу).

Но термин «СВЯТОЕ семейство» в христианстве относится совсем к другой семье. В состав ее входит Иосиф Обручник, Иисус Христос и Дева Мария. В христианстве произведено четкое разделение отцов-воспитателя (Иосиф) и отца генетического и духовного (Бог Отец). Следовательно, христианское вероучение предписывает миру две модели семьи: идеальную, божественную и реальную, земную, нормальную. И казалось бы, у христианина есть возможность выбрать, какой модели следовать в жизни. Дело обстоит несколько сложнее. Рассмотрим систему отношений, характеризующих оба типа христианской семьи.

Идеальная, божественная семья строится на основе принципа власти: совмещения ответственности и доминирования. Главенствует тот, кто несет **большую** долю ответственности. Психологическая близость (**афилиация**) служит вторым параметром отношений, компенсирующим вектор доминирования (ответственности). Наиболее интересными и сложными являются отношения между Богом Отцом и Богом Сыном. Но прежде следует остановиться на более общем отношении между мужским и женским началами в христианстве. Как и во всех мировых религиях (мусульманство, буддизм), в христианстве мужское начало является главенствующим. Бог — всегда мужчина. Аналогично в буддизме и исламе: Будда и Аллах являются носителями мужских качеств. В иерархии потустороннего и посюстороннего мира всех мировых религий мужчины доминируют. Святые, пророки, бохдисатвы — все мужчины. Особенно ярко доминирование мужчин видно в христианстве, поскольку Бог Отец, Христос и даже бесполое ангелы,

серафимы и херувимы, грамматически мужского рода. Не лучше обстоит дело в преисподней: черти, дьявол, сатана, падший ангел (демон) — мужские образы, хотя и не самые привлекательные (исключение — демон в интерпретации М. Лермонтова и М. Врубеля).

В языческой мифологии среди нечистой силы равно были представлены оба пола, а иногда женский преобладал (русалки, бабы-яги, нимфы и пр.). Здесь антропоморфные боги могли иметь и мужской, и женский пол, а иногда и оба сразу (гермафродит). Самые древние религии характеризуются доминированием женского начала. По мнению большинства культурологов, историков религии, искусствоведов, причиной является матриархат. Поэтому вавилонская Астарта, аккадская Иштар, индийские богини Хала и Шакти, фригийская Кибела возглавляли пантеоны богов. Позже матриархальные религии сменились религиями «борьбы полов», где равно были представлены мужские и женские образы, но даже при номинальной ведущей роли мужского начала (Зевс олимпийский, например) божества-женщины противостояли мужской власти и зачастую одерживали победу (Ника — богиня победы — женского рода).

В мировых религиях эпохи патриархата власть в божественном и земном мире принадлежит божествам-мужчинам. Женщине отводится второстепенная роль. Мусульманство вообще равнодушно к женщине, поскольку Аллах не имеет антропоморфной природы, а следовательно, не рожден земной женщиной. Он первичен. Женщине в мусульманстве уготована лишь вспомогательная роль — усладить сексом, пением и игрой на музыкальных инструментах правоверных мужчин в раю. Гурии прекрасны, но их так много, что они лишены индивидуальности. В этом смысле между христианством и мусульманством существует колоссальный разрыв: Дева Мария, хотя ей и отведена второстепенная роль, все же имеет имя, индивидуальность и причислена к Святому семейству, а гурии не имеют имени и индивидуальности. Для мусульманского бога и мужчины все женщины — прекрасные сексуальные партнерши на одно лицо, а отношение к ним психобиологическое, но не социально-психологическое. Мужчина один, женщин сколько угодно, а дети не в счет. В наличии доминирование мужчины над группой женщин, несущих ответственность за детей, о которых мужчина знать не хочет. Мальчики связаны с группой женщин психобиологической связью и потенциально готовы стать столь же доминантными отцами. Система отношений напряжена в высшей мере.

«В практике мусульманской церкви женщине вообще отводилось второстепенное место, ее положение было униженным и страшным. Уже

в Коране было сказано: "Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество над другими". Эти преимущества превратили женщину практически в собственность. Она должна была всю свою жизнь проводить в гареме, носить паранджу, беспрекословно подчиняться мужу и не имела права на общественную жизнь. Практика многоженства и право на развод только для мужчин в исламе приобретали иногда анекдотический характер. Так, один багдадский красильщик, умерший в возрасте 87 лет, последовательно женись и разводясь, состоял в браке с 900 женщинами, т. е. в среднем каждый месяц имел новую жену...»¹

В христианстве Дева Мария — единственная женщина, причастная к Божественной Троице. Правда у трона бога ее сопровождают двое мужчин — апостолы Петр и Павел, реже еще и Св. Анна.

В буддизме роль, аналогичную роли Девы Марии, выполняет Майя, родившая Будду.

Итак, женщины в патриархальных мировых религиях находятся в субдоминантном, подчиненном положении, причем положение Девы Марии не из худших.

Рассмотрим теперь отношения внутри божественного, идеального семейства. Наиболее сложна проблема отношений Бога Отца и Сына в православии и католицизме.

Общий для всех христианских конфессий Символ веры обязывает веровать в единого Бога. Бог триедин, то есть всегда и везде выступает в трех лицах (ипостасях): Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого. В этом заключена сущность Божественной Троицы. Догматика не предполагает рассмотрение трех ипостасей божества как отдельных субъектов, подобная интерпретация считается ересью и преследуется. Таким образом, с позиций церковной догматики все последующее изложение есть либо ересь, либо невежество.

Бог отец считается творцом мира видимого и мира невидимого. К видимому миру принадлежат природа и человек, невидимый мир — ангелы. Богом-сыном считается Иисус Христос, рожденный в результате непорочного зачатия Девой Марией (земной женщиной) от Духа Святого, исходящего от Бога Отца (в католицизме и от Сына). В православии Бог Дух святой исходит от Бога Отца. Католицизм предложил принцип «филиокве» («и от сына»), но восточное христианство его не приняло и отвергает по сей день. Ортодоксальный католицизм также отстаивает триединство. Можно сказать (вульгаризируя отношения между субъектами Божественной Троицы): в православии Бог Отец

¹ Яковлев Е. Г. Искусство и мировые религии. М., 1985, с. 75.

доминантнее Бога Сына, в католицизме их позиции практически одинаковы. Вообще вся мистическая традиция как западного, так и восточного христианства, а также многочисленные ереси связаны с попытками разорвать единство трех ипостасей, установить отношения иерархии, соподчиненности их друг другу. Причем разрыв идет по пути поляризации измерения «божественное-человеческое» (вспомним принцип **«филиокве»**). В мистической традиции и в некоторых ересях Бог Отец лишается своей антропоморфности, а Богу Сыну приписываются человеческие черты, что приводит к иерархизации отношений между Отцом и Сыном. Логические основания такой интерпретации отношений между мужскими ипостасями Троицы, несомненно, присутствуют, и они проявились на самом раннем этапе становления христианства как мировой религии в спорах о двуединой богочеловеческой сущности Христа.

Особое значение имеет арианство. Несмотря на то, что оно было осуждено в 325 г. Никейским собором и преследовалось церковью, арианство широко распространилось в Европе XV—XVIII вв. (ереси антитринитариев, унитаристов, социниан и пр.). Предпосылкой арианства была патриархальная структура семьи, сложившаяся в обществе к началу Раннего Средневековья. Богословские споры лишь отражали реалии, существовавшие в культуре, а ереси только эксплицировали, проявляли те отношения, которые складывались в социуме между мужчинами, детьми и женщинами.

Александрийский священник Арий провозгласил, что Сын Божий является лишь подобием Бога. Он не наделен божественными свойствами от природы, а получил их от божества. Арий был осужден и изгнан за пределы Церкви. Его антиподами выступили **монофизиты**, которые, наоборот, не признавали человеческую природу Христа, а только божественную. В середине III в. было объявлено еретическим учение Оригена о субординациализме. Ориген считал Сына ниже Отца, поскольку Сын является лишь его созданием.

Серьезным основанием для последователей иерархизации отношений Бога Отца и Бога Сына являлось то, что догмат о Троице установлен не священным писанием, а лишь апостольской традицией — священным преданием.

Особое значение отношениям Отца и Сына предавалось в различных протестантских учениях.

Майстер Экхарт различал Бога (**Deus**), состоящего из трех ипостасей-личностей, и божество (**Deitas**) — «основу» бога, но был объявлен еретиком. Позже получили распространение христианские концепции, отводившие доминантную роль Сыну.

Человеческие черты Бога поддерживал Мигель Сервет, уделявший внимание личностному отношению человека и Бога. Он различал Иисуса как вечное **несотворенное** начало и Христа — смертного человека, рожденного земной смертной женщиной.

Баптисты также сосредоточены на Иисусе Христе как единственном посреднике между Богом и людьми.

Большинство протестантских учений (исключения — кальвинизм, свидетели Иеговы и ряд менее значительных сект) отличается христоцентризмом, в противовес православию и католицизму, акцентируя человеческую природу Бога. Христос считается не столько вседержителем и чудотворцем, сколько моралистом, учителем, связанным с человеком непосредственной духовной нитью.

Иерархизация отношений между Богом Сыном и Богом Отцом проявляется в учении свидетелей Иеговы. Акцент на Ветхий Завет в их концепции приводит к тому, что Иегова считается единственным первотворцом: он породил лишь Иисуса Христа. Остальной мир создан Христом. Христос не является всемогущим, не равен Отцу и на земле был всего лишь совершенным человеком, но не Богом. Иегова проявляет свою власть, которую он даровал Христу и некоторым другим людям через Дух Святой. Богоизбранные уполномочены представлять его на Земле. В этом отношении учение иеговистов наиболее отличается от учения католиков и протестантов, поскольку традиция христианства полагает, что богочеловек уже родился и воскрес, и новый Мессия, носитель божественной воли, не будет рожден земной женщиной.

Арианская ересь в разных модификациях была весьма распространена и оказалась очень **живучей**¹.

Первые императоры уверовали в учение пресвитера, что ежели Отец раньше, а Сын позже, то Сын «меньше» Отца. Началось преследование противников арианства. И хотя позже с помощью императора Феодосия православные победили ариан, учение Ария распространилось среди многочисленных германских племен (готов, вандалов, бургундцев и пр.). В арианстве отразилась модель микросоциума, сложившаяся в сознании германцев: главенство отца и подчиненное положение сына.

Отрицание триединства Бога, разрыв ипостасей характеризует следующие ереси (алогов, **монархиан**, динамистов, адопциан, модалистов, савелиан): везде доминирующим членом Троицы, единственным

¹ *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало. М., 1994, с. 188.

Богом признается лишь Бог Отец, остальные ипостаси Троицы признаются лишь силами (*dinameis*) или формами (*modus*). Савелий, а вслед за ним Павел Самотский (ересь савелианиства) вообще отвергли миссию Христа и учили, что на кресте страдал сам Отец.

Константинопольский патриарх Несторий считал, что Христос не Бог, а человек и лишь прижизненно стал Мессией. Эфесский собор в 431 г. провозгласил анафему Несторию, но его учение передало мощнейшее течение в христианстве — несторианство, которое нашло прибежище на Востоке. Раз за разом христианские пастыри возвращались к рассмотрению проблемы отношения ипостасей божественной Троицы. На Никейском соборе был принят догмат о Боге Отце и Христе Сыне Божьем, но ничего не сказано о Духе Святом. Халкидонский собор (451) установил статью о Духе, постулируя «вопреки всем декларациям о единосущности и полном равенстве всех лиц Троицы, явное неравенство между ними: Дух существует не сам по себе и не в единстве с другими лицами Троицы, он исходит из одного из них, а с другой стороны, Сын оказывается не равным Отцу, ибо от него не исходит Дух»¹.

Важно то, что в христианстве Отец несет ответственность за Сына: посылает его в мир, поручая определенную миссию, и берет на небо (воскресение) после выполнения им божественной воли. Тем самым отношения ответственности и доминирования в идеальной, божественной семье, совпадают. Бог Отец не оставляет без внимания и Богородицу Деву Марию.

Более определена система отношений Бога Отца и Бога Сына с Богородицей.

Отношение к женщине в христианстве в целом рассмотрено в этом разделе ранее. Оно достаточно противоречиво: женщина явно занимает субдоминантную позицию по отношению к обоим мужчинам (Отец и Сын), но, с другой стороны, причастна к ним. Кроме того, отношение к женщине обусловлено и тем, что она согласно Ветхому Завету — причина грехопадения мужчины. Это ветхозаветное отношение к женщине как к источнику греха пронизывает мировосприятие многочисленных христианских авторов. Однако в Евангелии Дева Мария-Богородица является одним из главнейших персонажей (наряду с некоторыми другими, в частности, с грешницей, но Святой Марией Магдалиной). И образ ее очерчен весьма положительно, хотя поведение молодого Иисуса в отношении матери мало соответствует современному представлению о благодарном сыне.

¹Крывелев. И. А. История религий. Т. 1. М.: Мысль, 1988, с. 58.

Образ Марии — матери Иисуса Христа (она же Дева Мария, Богородица, Богоматерь, Мадонна и др.) наиболее важен для понимания структуры нормальной семьи, которая зафиксирована христианской догматикой и реализуется в христианской культуре. Марии было предназначено родить от Духа Святого сына-мессию, сохранив девственность. Иосиф Обручник, законный муж Марии, был несколько огорчен, когда беременность стала явной, и лишь из жалости не стал публично обвинять ее в нарушении супружеской верности. Богу Отцу пришлось прислать очередного ангела, чтобы убедить Иосифа в невинности его супруги (Матф. 1, 18-24). Метод возымел действие, и Иосиф занял свое место в структуре семьи — место, как сегодня сказали бы, трудолюбивого подкаблучника.

Отношения матери и сына были сложными, точнее, «векторными». Мария выступает заступницей перед Христом за всех людей, присутствует (физически или духовно) при всех важнейших событиях его земной страдальческой жизни.

Иисус же относится к матери более чем прохладно: сын отрекается от любви к матери во имя исполнения своей божественной миссии. Современный психолог заметил бы в этом явный эффект семейного воспитания по типу гиперпротекции («кумир **СЕМЬИ**»). Действительно, земная семья Иисуса Христа строится по схеме, характерной для так называемой детоцентрической семьи: ребенок обладает исключительными качествами (или они ему приписываются) и призван, с точки зрения родителей, совершить великую миссию; мать чрезмерно любит ребенка; отец выполняет подчиненную роль, обеспечивая семью в поте лица своего и выполняя прихоти жены и сына.

Вместе с тем Мария наделяется чертами, сближающими ее с Богом Отцом и Богом Сыном.

При трактовке образа Марии особенно четко прослеживается расхождение православной и католической церкви в представлениях о месте женщины в структуре нормативной семьи. Представление о телесном вознесении Девы Марии на небо сформулировано только в католической догматике. Причем, хотя акт телесного вознесения Богородицы зафиксирован еще в раннехристианских апокрифах, официальное признание он получил лишь в 1950 г. В 1964 г. католическая церковь объявила Марию матерью церкви. Ей отведена роль Царицы Небесной. Более того, католической церковью в 1854 г. принят догмат о непорочном зачатии самой Девы Марии в браке ее родителей. Тем самым она полностью вовлечена в сферу святости, с нее снята общечеловеческая греховность.

Западная традиция наряду с подчеркиванием общехристианских представлений о Марии как о заступнице за всех людей (даже за грешников) выделяет как важнейшую ипостась образ прекрасной дамы, т. е. объект преклонения, влечения, сексуальная основа которого совершенно очевидна.

На Руси и вообще в православной культуре, как отмечает С. С. Аверинцев, центральное место занимает ипостась **Марии-Богородицы**, матери Христа, властной царицы или жалеющей матери. Особенно ярко этот образ проявляется в культуре допетровской России: «Богородица великая мать сыра земля еси» (Ф. Достоевский).

В русско-византийском искусстве акцентируется материнская сущность Марии в двух основных проявлениях: любящей матери (икона «Умиление») и строгой воспитательницы, Царицы Небесной («Одигитрия», т. е. «Путеводительница»).

«Западного наблюдателя поражают, например, различия в трактовке образа Богородицы в русской и западной иконографии: для католических стран начала века — это вечно несовершеннолетняя Мария, для России — это взрослая женщина, женщина-мать, Богоматерь. Обе символизируют любовь и нежность. Но образ Богоматери — заступницы перед богом, символ могущества, который напоминает образ Царицы Небесной, господствовавший в католической религии в Средние века, вплоть до Ренессанса, — кажется гораздо более сильным. Трудно представить себе, что такая мощная символика не отражала в определенной степени социальную реальность. Подчеркну, что в русской модели и символика женственности, и символика мужественности почти в равной мере полновластны. В то время как на Западе символика отцовства была явно доминирующей, преобладающей, а в символике женственности использовался, скорее, образ дочери, чем образ **матери.**»¹

Вместе с тем Богородица — при всем ее значении в христианском культе — не может сама повлиять на ход земных и небесных дел: право решать и действовать остается за Богом Отцом. Ее земная задача — воспитание сына, который имеет божественную миссию. Ее роль в христианской мифологии — заступница за страждущих перед Богом. Она является посредницей между Богом и людьми, она ближе к людям, нежели ее сын Иисус Христос, поскольку в меньшей мере причастна божественной сущности, чем богочеловек. Вознесение Девы Марии

¹ Шанталь Курильски-Ожвен. Русская культурная модель семьи и эволюция нормативного регулирования семьи // *Общественные науки и современность*. 1995, № 5.

на небеса является воздаянием за выполнение ею земной миссии со стороны Бога Отца. Однако все дела божественные вершит мужская власть. Великая нравственная сила, духовная красота и доброта Богородицы не могут воплотиться в самостоятельном деянии.

Следствием этого явилось подчиненное положение жены в идеальной христианской семье. Вместе с тем это подчиненное положение предполагает включение жены в сферу психологической близости (**аффилиативной** связи) с мужем и сыном, что и зафиксировано в Писании. Например, в Первом послании Петра сказано:

«**Также** и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жен своих без слова преображаемы были... Также и вы, мужья, обращайтесь благоразумно с женами, как с немощным сосудом, оказывая им честь как наследницам благодатной жизни, дабы не было вам препятствия в молитвах».

Жена из «зоны вражды», где ее помещало язычество, или «зоны пренебрежения», где ее помещает магометанство, переходит в «зону любви» психологического пространства отношений, характеризующих семью.

Эта связь отношений любви с отношением доминирования-подчинения в христианской семье просматривается весьма явно. В послании к **Ефесеям** Св. апостола Павла сказано:

«Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела... Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал себя... Так должны мужья любить своих жен, как свои тела, любящий свою жену любит самого себя... Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя, а жена да боится своего мужа... Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость...»

Каким же образом разрешает христианство противоречие между представлениями о женщине как «сосуде греховном» и об объекте любви, носителе добра, заботы и милосердия? Только через установление отношений матери с сыном: до рождения сына она греховна, и в этом ограниченность христианства. Дева Мария потому заслуживает уважения, что родила Мессию!

В первом послании к Тимофею Святого апостола Павла эта мысль звучит наиболее отчетливо:

«Жена да учится безмолвию, со всякою покорностью; а учить жене не позволено, не властвовать мужем, а быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а позже Ева; и не Адам прельщен; но жена прельстивши впала в преступление, впрочем спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием».

Можно подвести некоторый итог. В идеальной христианской семье муж является субъектом власти (доминирования и ответственности), часть ответственности лежит и на жене (воспитание сына). Как это ни кощунственно с позиций богословия, но иерархия по шкале доминирования-подчинения такова: отец, сын, мать. По шкале ответственности иерархия иная: отец, мать, сын. И, наконец, психологическая близость (любовь) связывает всех членов семьи.

Правда, в разных вариантах христианства (католицизм, православие, протестантские вероисповедания) мера психологической эмоциональной близости между членами идеальной семьи различна. Можно заметить, что в канонической версии (учитывая поведение Иисуса Христа по отношению к матери) сын ближе к отцу, а мать ближе к сыну.

Порядок величины попарной эмоциональной близости в католицизме таков: отец-сын, мать-отец, сын-мать.

Совершенно иную картину идеальных семейных отношений дает текст Ветхого Завета: доминирование отца над матерью и доминирование родителей (отца и матери) как единой группы над детьми. Прочитируем Писание:

«Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобой». Не менее суровые наставления даются сыновьям: «Почитай отца твоего и мать твою (чтобы тебе было хорошо), чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Исход. 20). И более того: «Если у кого будет сын буйный и непокорный, не повинующийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их, то отец его и мать его пусть возьмут его и приведут его к старейшинам города своего и к воротам своего местопребывания... тогда все жители города его пусть побьют его камнями» (Второзаконие. 21).

Кроме идеальной божественной семьи христианство предлагает вариант земной нормальной семьи. Напомню, что слова «Святое семейство» характеризуют земную семью Иисуса Христа: его самого, приемного отца Иосифа, Деву Марию и (иногда) Св. Анну (мать Марии).

Христианство разделяет отца-воспитателя, несущего ответственность за жизнь, здоровье, образование и благосостояние семьи (в первую очередь ребенка), и отца генетического, духовного, функцию которого реализует Бог Отец.

Скромный плотник Иосиф, обрученный с Девой Марией, несет ответственность за семью, но отнюдь не доминирует в ней. Доминирует сын Иисус Христос. В образе Иосифа воплощено христианское отно-

шение к ребенку: не как к своей собственности, а как к богоданному существу. Поскольку ребенок не мой, а Божий дар, то отец-воспитатель испытывает уважение и почтение к ребенку. Интересную мысль по этому поводу высказывает польский теолог о. Анджей Белат. Он полагает, что Иосиф является иконой Отца. Отличие иконы от образа состоит в том, что икона определяет настоящее лицо человека, ибо показывает его становление, которое должно стать целью всей человеческой жизни, Иосиф реализует мужскую любовь к ребенку, которая является более твердой и последовательной, теплой и сердечной, чем природная и непоследовательная любовь матери. Ребенок дан Богом Иосифу на хранение, это дар Божий, посему у Обручника нет права распоряжаться его душой, телом и судьбой, он обязан создать предпосылки выполнения ребенком миссии земной жизни, обеспечить ему душевный комфорт. Именно поэтому Иосиф спокоен и немногословен: покой отца обеспечивает спокойствие ребенка. Но все же подлинный отец — Бог, и хотя не надо бояться Бога, «поскольку Он Царь и Отец этого мира», разделение образа Отца на земного и небесного ведет к важным психологическим следствиям. Одно из них: разделение образов идеального отца и отца реального в психике ребенка и отсутствие идентификации с отцом-воспитателем. Согласно психологическим исследованиям, это ведет к повышенному уровню притязаний и является условием развития креативности, но чревато и невротическими нарушениями¹.

Земная модель христианской семьи является классическим вариантом детоцентрической семьи. На шкале ответственности за семью члены ее располагаются в следующем порядке: Иосиф, Мария, Иисус (отец, мать, сын). На шкале доминирования (причастность божественной сущности) последовательность противоположная: Иисус, Мария, Иосиф. Психологически Мария ближе к Сыну, а Сын к матери, чем оба к отцу.

Иосиф Обручник покорно выполняет свое земное предназначение. Ребенок, рожденный Марией, сыграл свою великую роль. Что не скажешь о большинстве детей, воспитанных в детоцентрических семьях.

Христианство предлагает две нормативных модели семьи. Поскольку Мессия уже родился и выполнил свою земную миссию, второго Святого семейства не будет, и религия ориентирует верующих на патриархальный вариант семьи как идеал человеческих отношений. Западное и Восточное христианство дают два различных варианта этого идеала.

¹ Дружинин В. Н. Психология общих способностей. М., 1995.

Семья в русской православной культуре и культуре католицизма

Двоеверие — так можно обозначить систему религиозного мировоззрения россиян.

Язычество переплеталось с христианством в системе обычаев, поведения, отношения к миру и к семье. «По древнерусскому праву, дочери не получали наследства, и общество было заинтересовано в том, чтобы они были обеспечены браком еще при жизни содержавших их родителей...»¹

Женщину взаперти не держали, а жены казаков пользовались еще большей свободой, которую они сохранили до XX в.

Но права были суровыми: жены обманывали мужей, мужья били жен, бывало, и пропивали их. Источники свидетельствуют, что счастливое замужество было исключительной редкостью².

Как правило, жена старалась «извести» мужа, муж отвечал подозрительной враждебностью, иногда муж и жена жили порознь, не встречаясь друг с другом. Родители опекали своих дочерей и заключали письменные договоры с зятем, чтобы он не бил жену.

Вместе с тем, мужчины испытывали страх перед женщинами: женское начало считалось источником таинственной мистической силы, как правило, злоторной. Уважение не к женщине, а к ее «магическим» способностям характеризует поведение мужчин эпохи язычества. Смягчение нравов и нормирование отношений в русском семейном быту связывают с победой православия в конце XVI в.

Православный Символ веры обязывает верить в единого Бога, который всегда и повсеместно выступает в трех лицах. Но акценты в православном вероисповедании по сравнению с католическим иные.

Основные догматические предписания в православном культе относятся к почитанию Иисуса Христа. Важнейшие из догматов: догмат боговоплощения и догмат искупления. Иисус Христос — одна из ипостасей бога (Бог Сын); вместе с тем, он стал человеком, родившись от земной женщины, Девы Марии, своими страданиями искупил грех людей и принес себя в жертву Богу Отцу.

В православии Дух Святой исходит лишь от Бога Отца. Догмат о троице не зафиксирован в Священном Писании, а принят лишь на ос-

¹ Шапов Я.Я. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989, с. 109.

² Костомаров Н. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992.

нове апостольской традиции. На I и II соборах (325 и 381) был принят Символ веры, что Дух Святой исходит лишь от Бога Отца. Этот догмат был подтвержден и на III Эфесском соборе (Правило 7). Принцип «филиокве» (лат. «И от сына»), согласно которому Дух Святой исходит равно от Отца и от Сына, был сформулирован на Толедском соборе в 589 г. и добавлен к христианскому Символу веры (8-й член).

Однако Греко-Византийская Церковь не приняла принципа «филиокве», что и послужило почвой для многочисленных ересей, авторы которых (Ориген, Арий и пр.) считали Бога Сына «меньшим» по сравнению с Богом Отцом.

Субординационализм имел социально-психологическую основу: подчеркивалось доминирование отца в системе идеальной семьи, что более соответствовало патриархальной традиции восточно-христианской цивилизации. Не меньшую роль играли и представления о системе власти в обществе: не известно, что было первичным — структура власти в семье или в государстве. На мой взгляд, первичны отношения в семье.

Таким образом, что бы ни говорили православные богословы, Иисус Христос не равен Богу Отцу хотя бы в том отношении, что он не обладает важнейшим атрибутом божественной природы: от него не исходит Святой Дух.

Не менее, а может быть, более важно для русского православия место Богородицы в структуре семьи. Поистине необъятное число работ посвящено анализу культа Богородицы в православии.

Христианство задает вектор, определяющий иерархию отношений между элементами мироздания: небесное-земное. Небесный мир — мир божественный (потусторонний), мир высший. Мир земной-грешный, низший, мир греховный. Место человека определялось между полюсами «небесное-земное» в зависимости от точки зрения, диктуемой религиозной культурой. В христианстве наметились всячески варьировавшиеся две основные тенденции понимания человека:

- 1) человек — существо земное и божественное, в нем сосредоточены две эта ипостаси, он существо телесно-духовное;
- 2) человек есть только земное, греховное существо. Его земное существование, его физическое тело есть только временная оболочка, в которой пребывает бессмертная душа.

Первая тенденция наиболее характерна для восточного, византийского христианства, а затем для идеи православия **Е** целом.

Вторая **тенденция** была характерна для **Западного** христианства и особенно для католицизма. Она тоже оказала большое влияние

на искусство, связанное с западным христианством. В этом искусстве пренебрежение к телесной оболочке, унижение человеческой плоти приводило к тому, что в нем были очень явны натуралистические приемы, связанные со смакованием человеческих физических страданий, страданий человеческой греховной плоти.

Антитезой этому выступали Возрождение и протестантские учения, в трактовке человека более близкие к православию, чем католицизм.

Человек как божественное существо ближе к Богу, нежели человек как существо лишь греховное. А низшую ступень в иерархии православной божественной семьи занимает Богородица. Культ Богородицы ближе для земного человека, тем паче, что Мария в православии очень далека от Отца и ближе к Сыну.

Бог Отец, от которого исходит Дух Святой, доминирует в идеальной семье. Ниже него Бог СЫН (богочеловек), хотя и божественный по природе, но от него не исходит Святой Дух. Ниже него Богородица.

Не случайно христиане в эпоху Средневековья обращались со своими молитвами и просьбами не к Богу, а к Богородице. Вседержитель представлялся слишком далеким, к тому же грозным и страшным. Ближе были разные святые угодники, ангелы и, главное, Богородица. Женщина в роли «почти Бог» представлялась более мягкой, милосердной и доступной, чем даже ее сын. Почитание, которым пользовалась Богородица в народной массе, находило отклик у церкви: последняя была достаточно гибка, чтобы видеть, какие верования можно наилучшим способом использовать в своих интересах. Церковь всеми средствами стала раздувать культ Девы Марии. В иконах, заполнявших церкви, вообще в изобразительном искусстве, в проповедях, в практике богослужений Мадонна заняла центральное место. Следует лишь оговориться, что это в большей мере относится к католическому культу, нежели к православному. И причин этому несколько. Как ни близка Богородица людям, силы ее ограничены: в православном мировоззрении слишком далека она от Бога, посему влиять на его действия может мало. Она лишь утешительница, заступница, просительница за обиженных и униженных.

Иное в католицизме, где связь ее с Божественной Троицей более тесна; католическая Дева Мария ближе к божественной власти. Поэтому есть смысл молиться: вмешательство Девы Марии имеет больше шансов на успех.

Иисус Христос в православном культе тоже выполняет роль ходатая перед Отцом Небесным, он ближе к людям, к их болям и чаяниям и психологически ближе к Богородице, нежели к Богу Отцу.

Культ Богородицы среди верующих более распространен, чем культ абстрактной Троицы. Считалось, что она лучше знает нужды людей, и в первую очередь женщин. Популярности ее в России способствовала традиция, считающая Богородицу покровительницей земледельцев.

«В народном понимании спасения милостыня имеет первостепенное значение. Очень сильна в русском народе религия земли, что заложено в очень глубоком слое русской души. Земля — последняя заступница. Основная категория — материнство. Богородица идет впереди Троицы и почти отождествляется с Троицей. Народ более чувствовал близость Богородицы-Заступницы, чем Христа. Христос — Царь Небесный, земной образ его мало выражен. Личное воплощение получает мать-земля. Часто упоминается о Духе. Священник Г. Федотов подчеркивал, что в духовных стихах недостает веры в Христа-Искупителя, Христос остается судьей, т. е. народ как бы не видит Христа. Г. Федотов объясняет это роковым влиянием иосифлянства, исказившего образ Христа у русского народа. И русский народ хочет укрытия от страшного Бога Иосифа Волоцкого за матерью-землей, за Богородицей. Образ Христа, образ Бога был подавлен образом земной власти и представлялся по аналогии с ней.»¹

В этих замечательных мыслях Н. Бердяева о природе культа Богородицы есть определенное двоемыслие и лукавство. Здесь автор делает подмену и ставит на место Бога Отца (сурового властелина) Бога Сына — кроткого Иисуса. Отождествление двух ипостасей Троицы: Отца и Сына вообще характерно для некоторых ветвей протестантизма (например, для кальвинистов). Это отождествление сближает трактовку христианского Бога с образом иудейского Яхве — бога Ветхого Завета. Властелином в православии является Бог Отец, а не Христос: православие разделяет эти ипостаси более четко, чем даже католицизм (неприятием принципа «филиокве»).

Н. Бердяева можно упрекнуть в неправославии: Христос православный утешитель, всеблагий, заступник (равно как и Богородица) за людей перед Богом Отцом.

Структура идеальной православной семьи является производной от общехристианской модели. Но выбор православие делает в пользу божественной семьи, а не Святого семейства (Иисус, Иосиф-Обручник, Мария). Доминирует в триаде Бог Отец, причем его доминантная роль чрезвычайно выражена: он высится над Сыном и Богородицей и не виден в своей небесной резиденции. Возникает ощущение его незримого присутствия в мире, но нет его конкретного облика. Он правит

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990.

миром семьи издали, не присутствуя в нем. Мать и дитя предоставлены сами себе, но периодически ощущают незримую и грозную власть Отца. Доминирование Отца над Сыном в православии более выражено, чем в католицизме. Богородица в подчиненном положении. Менее выражена ответственность Бога Отца: он доминирует, властвует, но не управляет, или же его управление не подвластно земному разумению. Отвечает за дела семьи Мать и Царица Небесная. Сын психологически ближе к матери, чем к отцу, и мать также ближе к сыну, чем к отцу.

Большая психологическая эмоциональная близость Марии к Сыну воплощается в доминировании одной из двух ее ипостасей — жены и матери. Женщина в доме выступает в качестве жены и в качестве матери. В идеальном образе христианской женщины две ипостаси: Дева Мария, которая является супругой Бога Отца, и Богородица — мать Иисуса Христа.

В православном вероисповедании доминирует роль Богородицы над ролью жены и, соответственно, материнское отношение над отношением любовным (отношением полов). Не случайно в православной культуре нет акцентуации эротических отношений между супругами: они не отрицаются и не репрессируются, а как бы признаются **МАЛО**-значительными («нулевая» валентность). И тем самым отдаются на откуп российскому язычеству (учитывая российское двоеверие). Эротика в российской культуре не освящена христианским светом. Этот архетип вошел в коллективное бессознательное русского народа чрезвычайно глубоко. Например, для большинства современных искусствоведов непонятен факт, почему российский рок практически асексуален, в **ОТЛИЧИЕ** от англо-американского, в котором тематика любви и секса доминирует. Сексизм, или ограничение сексуальности, — показатель значительности этой сферы отношений, в русской же культуре эротическая тематика — чаще сфера непристойного, целиком принадлежит «низовой» (равно — языческой) культуре.

И для Матери Бог Отец является не партнером, а именно отцом ее ребенка. От грозного Бога Отца людям ничего хорошего ждать не приходится, но Богоматерь с младенцем Христом на руках может вымолить у всемогущего прощение и заступиться за своих детей, уберечь их от гнева господня. Отчуждение Иисуса Христа от Бога Отца в православной традиции проявляется в неформальности самого облика Иисуса: на иконах он либо младенец на руках у Марии, либо Спас («Ярое око», «Нерукотворный», «Спас в силах»), по сути в образе не Спасителя, но **Отца-Вседержителя**, грозного и повелевающего.

В русской православной иконописной традиции практически нет изображений Христа на его земном жизненном пути. Сюжеты тайной вечери, распятия, несения креста, страстей не характерны для русской иконописи и появляются лишь на картинах живописцев школы XVIII—XIX вв., а также у ряда новаторов (в том числе Н. Ге).

Н. Бердяев отчасти прав, когда строит свои рассуждения на отождествлении в российском менталитете образа Христа с образом Бога Отца. Вместе с тем, в структуре модели православной идеальной семьи он — божественный младенец, который близок к людям в той же мере, как и Богородица, у которого можно вымолить прощение и заступничество перед Отцом.

Жесткая **иерархизация** структуры идеальной православной семьи выявилась в положениях «Домостроя». Книга, созданная Сильвестром, священником Благовещенского собора в Кремле и наставником Ивана IV, стала кодексом русской семейной морали. По мнению одного из наиболее вдумчивых исследователей «Домостроя» В. Г. Иваницкого, Сильвестр, предполагая положить конец полуязыческому нравственному беспределу, боролся с язычеством женским доминирующим началом в семье: «Новгородчина (родина Сильвестра. — В. Д.) знала образы сильных женщин-богатырок языческого типа. То, что юноша **Спиридон** (мирское имя Сильвестра) был зафиксирован на образе матери, доказывает факт, что его внимание в "Домострое" приковано к проблеме распределения ролей в семье. "Поучение отца к сыну" — послесловие Сильвестра к своему труду, куда он вложил много личного, — рассказывает, как сделать, чтобы главное место в доме принадлежало не жене, а мужу. Следовательно, было с чем **бороться**»¹.

Православное христианство не противостояло мужскому деспотизму отцов семейств, как полагал великий русский историк С. Соловьев, а, скорее, встало в борьбе между двумя языческими началами: женским и мужским (на сторону мужского, разумеется), освятив и окультуривав **отношения** доминирования мужчины над женщиной в семье. От природной «звериной» борьбы, где победа чаще была на стороне физически сильного мужчины, христианство привело семью к цивилизованному нравственному доминированию мужа над женой и детьми.

Там же В. Г. Иваницкий отмечает, что предписания «Домостроя» значительно мягче и гуманнее, чем аскетические воззрения на женщи-

¹ Иваницкий В. Г. Русская женщина и эпоха «Домостроя» // Общественные науки и современность. 1995, № 3, с. 169.

ну как «сосуд диавольский» (византийское сочинение «О злых женах»). Но «снижение» образа женщины (как следствие «снижения» места Марии в иерархии идеальной божественной семьи) привело православие к тому, что в нем очень мало женщин-святых, по сравнению с католицизмом. Из 300 упоминаемых в разных источниках российских святых всего лишь 36 женщины. Шесть из них общерусские святые, и все княжеского звания. Поскольку в России культ Богородицы был связан с культом земли, то он принял ряд языческих черт.

«Домострой» выразил тенденцию развития отношений между мужем и женой в российской православной семье. Вместе с тем преодолеть элементы языческой борьбы полов православие оказалось весьма сложно. На практике предписанная христианской православной верой иерархия освящала и аргументировала деспотизм мужчины-отца, давала правовое основание для чисто языческого насилия над женщиной, творимого ежедневно и еженощно. Жен били, но побои не преследовались, а поощрялись обычаем. Изнасилование наказывалось лишь тогда, когда женщина принадлежала к знатному роду. Неудобных жен заточали в монастыри: пример подавали великие князья (Василий III), цари (Иван IV Грозный) и императоры (Петр I). Если жена Василия III еще сопротивлялась пострижению (она была бездетна, и Василий очень тяжело решился на этот шаг), громко и публично выражала свое возмущение произволом, то жена Петра I Наталья Лопухина безропотно удалилась в келью. Что до жен Ивана IV, то там вопрос решался еще проще: неудобную жену можно было быстро спровести на тот свет.

Однако медленно, но верно догматы православия проникали в глубь народной жизни. Российские императрицы также внесли определенный вклад в решение проблемы власти семейной. Все державные женщины либо были европеизированы, как правительница Софья, либо воспитаны в лютеранской вере, как Екатерина I, Екатерина II, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, хотя формально и принимали православную веру.

Женщине, воспитанной в православной вере, не дано было задумать и организовать убийство своего мужа, чтобы потом спокойно править империей в окружении многочисленных любовников.

Утверждая доминирование мужа над женой, Сильвестр не меньше внимания уделяет проблеме отношений отца и детей. Причем (вот сила стереотипа христианской семьи) под ребенком почти всегда подразумевается сын, а не дочь.

Проблема непослушания, языческой борьбы поколений не менее остро стояла в то время, чем сегодня. Но христианство Сильвестра

здесь кончается, поскольку он предлагает силовое и языческое решение этого вопроса:

«Наказывай сына своего в юности его и упокоит тебя в старости твоей и придаст красоты душе твоей, и не жалея бей ребенка; если крутости посечеь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочери у тебя, направь и на них свою строгость, тем сохрани их от **бедтелесных...**»¹

Своеобразно понимается содержание эмоциональной близости отца и сына:

«Любя же сына своего, увеличивай ему раны, и потом нахвалишься им, наказывай сына своего в юности и порадуешься на него потом в зрелости и среди недоброхелателей сможешь им похвалиться и позавидуют тебе враги твои. Воспитаи дитя в запретах и найдешь в нем покой и благословение; не улыбайся ему, играя; в мелочи послабишь — в большом пострадаешь, скорбя, и в будущем будто занозы вгонишь в душу свою. И не дай ему воли в юности, но сокруши ему ребра, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой, болезнью души, и разорением дома, погибелью имущества, и укоризною соседей, и насмешками врагов, и пеней властей, и злою досадой».

Физическое насилие и жесткая регламентация поведения — лучшие методы, чтобы воспитать невротиков и психопатов. Россия, кровью умытая, доказала это всему миру и доказывает по сей день.

Более увещательно обращается Сильвестр к сыновьям:

«Чада, зслушайте в заповеди Господни, любите отца своего и мать свою, и слушайте их, и повинуйтесь им в Боге во всем, и старость их чтите, и помощь их и всякую скорбь от всей души на себе понесите, и благо вам будет, и долго пребудете на земле, за это простятся грехи ваши, и Бог все помилует, и прославят вас люди, и дом ваш благословится **навек**, и наследуют сыны сынам вашим, и достигнете старости маститой, в благоденствии дни свои проводя». Оставляя за отцами права «сокрушать ребра» своих чад, Сильвестр проповедует послушание и любовь детей к родителям. Но, понимая, что благих слов может оказаться недостаточно: сыновья подрастут, и, помня «родительскую ласку», могут взять в руки палки или топоры, — автор-редактор «Домостроя» переходит к угрозам: «**Если же кто осуждает, или оскорбляет своих родителей, или клянет их, или ругает, тот перед Богом грешен и проклят людьми; того, кто бьет отца и мать, пусть отлучат от церкви и всех святынь, и пусть умрет он лютой смертью от гражданской казни, ибо написано: "Отцовское проклятие иссушит, а материнское искоренит"**».

¹ Домэстрой // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985, с. 85-93.

Прибегая к магическому заклинанию в качестве последнего аргумента, православный книжник показал свою совершенную неспособность решить проблему отцов и детей, а точнее отца и сына с христианских позиций: через воспитание не только послушания отцу, но и чувства ответственности сыновей за мать и семью в целом.

Каким же образом модель идеальной православной семьи воплотилась в быте русского человека досоветской эпохи?

Христианская семья относится к типу малой индивидуальной семьи, где совместно живут два поколения — родители и дети. Однако у русских, как и у всех восточных славян, долгое время преобладала большая семья, объединявшая родственников по прямой и боковым линиям¹.

Несколько брачных пар совместно владели имуществом и вели хозяйство. Причем в Центральной России семьи были более простого типа и строились на основе прямого кровного родства: они включали родителей, несколько женатых сыновей с их семьями. В барщинных районах южной России в семьи включались родственники как по прямой, так и по боковой линиям. Вместе жили двоюродные и троюродные братья, племянники и приемыши. Среди семей различались «отцовские» и «братские». В первых во главе стоял «большак». «Большаком» считался наиболее опытный, трудоспособный и зрелый мужчина. Семья включала деда, сыновей, внуков, правнуков. В «братские» семьи входили женатые братья со своими женами и детьми. Главой в такой семье был старший брат. Имущество считалось общей собственностью. Но патриархальная власть «большака» распространялась на всех членов семьи. Советницей «большака» была «большуха», старшая женщина, которая вела домашнее хозяйство. Если в XII–XIV вв. «большуха» имела реальную власть над младшими мужчинами семьи, а зачастую и над мужем, то позже роль ее изменилась. Положение остальных женщин было незавидным. Овдовевшие женщины (кроме «большухи») не наследовали имущество мужа. Вдовы, солдатки, сироты были совершенно обездолены. На нужды оных и их детей ничего из общесемейных средств не тратилось. Свои роли «большак» и «большуха» исполняли прижизненно.

Позже, в XVIII и к середине XIX в., в России начала преобладать малая индивидуальная семья из 2–3 поколений родственников по прямой линии. И это послужило предпосылкой завершения христианизации.

¹ Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987.

ции структуры русской семьи, поскольку модель православной семьи описывает малую семью.

Христианизация отношений повлекла за собой, с одной стороны, преодоление забитости младшего поколения сложной семьи. Сыновья стали вмешиваться в хозяйственную деятельность отца и сами строить личную жизнь. С ослаблением роли «большака» женщина стала **независимой**, и жены, на первый взгляд, стали равноправны с мужьями. Но с другой стороны, главой семьи остался отец. Именно отец представлял семью перед обществом, в сельских собраниях и т. д. В отсутствие отца интересы семьи в миру отстаивал старший сын, он же руководил делами внутри семьи и наследовал отцу. Женщина становилась главой семьи после смерти мужа лишь в том случае, когда в семье не было взрослого сына.

Хотя этнографы и подчеркивают, что к концу XIX в. женщина в российской традиционной семье (низших классов и сословий) получила большую самостоятельность, поскольку мужья часто уходили на заработки, но признают, что в крестьянской среде долго держалось мнение, что женщина должна быть в подчинении мужчины. Это мнение поддерживалось церковью и закреплялось юридическим неравенством.

Пролетаризация приводит к повышению авторитета женщины в рабочей семье. Скорее всего, за счет падения авторитета мужа. Современная российская семья не подходит под категорию православной, и о ней пойдет речь в дальнейшем.

Таким образом, к XIX в. в российской культуре низших слоев населения утвердился тип малой семьи со структурой соответствующей модели православной семьи: шкала доминирования соответствует шкале ответственности, члены семьи ранжированы в порядке убывания ответственности: отец, сын, мать.

Семейные отношения в католицизме и протестантизме

Сегодня западное христианство неоднородно и включает католицизм, а также многочисленные ветви протестантизма.

Католицизм проповедует догмат триединства, но поскольку логически это основное положение христианства не доказуемо, схоласты-рационалисты и мистики в разное время пытались его осмыслить.

Мистическая традиция движима стремлением разорвать три ипостаси божества по линии поляризации качеств «общественное-челове-

ческое». Причем Бог Отец лишается антропоморфных черт, а в Боге Сыне акцентируются человеческие черты либо он рассматривается как земной человек. И в этом отношении многие ветви протестантизма ближе к православию, нежели к католицизму, поскольку православие хотя и признает богочеловеческую сущность Иисуса Христа, но отвергает принцип «филиокве».

Католицизм рассматривает Христа и Бога Отца как более близкие по сути ипостаси единого бога. Зачастую в католическом культе образ Христа заменяет образ Бога Отца, который отходит на задний план.

Если для восточного, в том числе православного российского христианства характерно придание Христу черт Отца и вообще доминирование образа Бога Отца в Святой Троице, то католицизм, напротив, придает большое значение чертам Иисуса Христа. Доминанта Отца признается, но в реальном культе он уступает место Сыну.

Особое значение в католицизме имеет культ Девы Марии. Православие подчеркивает земное начало в Богородице (вплоть до слияния ее культа с языческим культом богини плодородия). Культ Мадонны в католицизме настолько значим, что католическая церковь изменила ортодоксальную догматику. Напомню, что в XIX в. был провозглашен догмат о непорочном зачатии Марии ее матерью Св. Анной («деимманулата консенционе»), в 1950 г. — о телесном вознесении Богородицы после смерти на небо. Наконец, папа Павел VI в 1964 г. провозгласил Богородицу Матерью Церкви. Тем самым с течением времени Бог Отец, Бог Ветхого Завета, в католицизме терял свою значимость и главенствующее положение, а все большее значение приобретали фигуры Иисуса Христа и Девы Марии.

При том, что православие возвышает Бога Отца, большее значение в православной морали придается не отношению власти-подчинения, а аффициации, психологической близости, любви, чем как бы компенсируется мощный вектор власти: Отец-Сын-Богородица. Обратимся к мысли великого русского философа И. А. Ильина:

«Православие взывает к свободному человеческому сердцу. Католицизм взывает к покорной воле. Православие ищет побудить в человеке живую, творческую любовь и христианскую совесть. Католицизм требует от человека повиновения и соблюдения предписания (законничество)... Православие идет в глубь души, ищет искренней веры и искренней доброты. Католицизм дисциплинирует внешнего человека, ищет наружного благочестия и удовлетворяется формальной видимостью благодеяния». И далее: «Первичное основное побуждение для православного есть движение сердца, созерцающей любви...

Напротив, у католика "вера" пробуждается от волевого решения: довериться **такому-то (католически-церковному авторитету)**, подчиниться и покориться ему и заставить себя принять все, что этот авторитет решит и предрешит, включая вопросы добра и зла, греха и его допустимости»¹.

Трудно сказать, что лучше: возлюбить абсолютную власть Отца (или власть государства, даже преступную) или волевым рациональным решением покориться власти!

Иерархия господства-подчинения в модели божественной семьи раннего католицизма совпадает с общехристианской моделью: главенствует отец, на втором месте сын, затем мать. Дева Мария психологически (эмоционально) несколько ближе к Отцу, чем к Сыну, что проявляется в большей акцентуализации связи **«МАТЬ–ОТЕЦ»**, чем «мать-сын» (в отличие от православия). Эта особенность ярко проявилась в живописи и **литературе**. Для православия главным было изобразить любовь матери к сыну, Богородицы к Иисусу Христу, любовь, которая является духовной и вместе с тем земной. Образы Богоматери на иконах одухотворены и излучают кротость.

В католицизме акцентирована другая ипостась Мадонны: Дева Мария, непорочная жена Бога Отца. Сексуальные отношения Отца и Марии очень выделены и напряжены, что и проявилось в лирике трубадуров, рыцарском романе и т. д.

«Католический мистик конца XIX в. Леон Блуа писал: "Для женщины, существа пока еще временно низкого, есть только два существенных образа — святость и сладострастие", определив этим отношение церкви (католической. — *В. Д.*) к женщине и ее образу в искусстве.»²

В позднем **каголицизме** модель семьи преобразуется в сторону паритетности отношений «ребенок, мать, отец» и даже в направлении уменьшения доминантной роли отца при сохранении его ответственности за семью. Модель идеальной католической семьи становится очень похожей на систему отношений внутри «Святого семейства» (Иосиф Обручник, Мария, Иисус). Не случайно некоторые современные католические теологи считают Иосифа Обручника идеальным образцом («иконой») Отца.

Обратимся еще раз к размышлениям о. Анджея Белата, который отмечает, что и в христианской, и в католической, и в православной

¹ Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Т. 1. М., 1992, с. 300-301.

² Бердяев Н. Рыцарь нищеты. София, 1914, № 6, с. 64.

церкви верующие обращаются к клирику, говоря: «Отче!» И это не случайно. Главное для священника — быть отцом для верующих, духовным отцом людей.

Он считает, что пастыри исходят из понятия «естественного отца», отца семейства. При социализме у мужчин отсутствовал естественный опыт отцовства. Социализм — это крушение семьи: масса матерей-одиночек, в армии власть кулака, нереализованность супругов в сексе и в общении. Массовая пропаганда высмеивала женщин, которые направлены на воспитание детей, на семью. Женщины устремились в профессиональную карьеру. Результатом явилось разрушение эмоциональных связей между ребенком, матерью и отцом.

Каким же должен быть, по мнению о. Анджея, идеальный отец? Его функции состоят в том, чтобы охранять и передавать историческую память (все мы носим фамилии отцов) и быть первым образцом, примером правителя, то есть формировать доверие или недоверие к власти. Но эту функцию выполняет идеал отца — Бог Отец. Однако о. Анжей считает, что не отец духовный (Бог), а отец-воспитатель является «иконой» (идеальным образцом) отца. Ибо главная роль современного отца, с его точки зрения, — дать возможность ребенку быть самим собой, то есть развить и проявить свой личностный потенциал. Чего, разумеется, не может сделать доминантный отец.

Протестантизм (в разных вариантах), на мой взгляд, меньше внимания уделяет проблемам семьи, чем православие и католицизм. Главная причина — эгоцентричность протестантских вероучений, смещение акцентов на индивидуальную проблему отношений Бога и человека. Радикальный шаг, который совершил протестантизм, заключается в ликвидации разрыва мира божественного и мира земного: земной мир столь же божественен, как и мир небесный.

Преодоление этого разрыва может идти по двум линиям:

- 1) «снижение» небесного мира до мира земного (десакрализация);
- 2) «возвышение» земного мира до мира небесного, освящение земного существования.

Кардинальная разница между двумя основными направлениями раннего протестантизма (лютеранством и кальвинизмом) заключается в том, что Лютер шел в большей мере по первому пути, а Кальвин по второму.

Католицизм культивировал веру через действие и посредничество — «экстравертную веру» человека с внешним локусом контроля. Протестантизм породил новое отношение к вере как вере через пережива-

ние, через внутренний психический акт («интровертная вера»). Этика поведения заменена этикой переживаний и мотивов. Протестант сам дисциплинирует себя и обладает внутренним локусом контроля. Значит, меньшее значение имеет ответственность за других, а большее — ответственность за себя перед Богом.

Если ортодоксальное христианство — религия семьи, то протестантизм — религия личности.

Напомним, что католическая церковь отделяет сакральную деятельность клира от мирской жизни прихожан. Угодна Богу и обеспечивает спасение лишь первая, а вторая не имеет никакого значения для загробной судьбы. Райское блаженство человек может получить лишь за заслуги перед церковью. Следовательно, дело прихожан — подчиняться церковной регламентации и совершать святые дела, а дело церкви — отпускать грехи и молиться за паству.

Лютер отверг посредничество церкви между Богом и людьми: судьба человека не зависит от церкви и собственных домогательств, а находится в божьей воле. Человек греховен, но если он осознает себя греховным, верит в Бога и в искупительную жертву Иисуса Христа, то может обрести райское блаженство. Священной является вся мирская повседневная жизнь, а церковная регламентация ее уменьшена. На первое место Лютер ставит не проблему дисциплины, власти и пр., а проблему любви и служения ближнему:

«Служить Богу есть не что иное, как служить ближнему, будь то ребенок, жена, слуга, **любому**, кто телесно или духовно в тебе нуждается; и это есть богослужение»¹.

Тем самым: православие и католицизм акцентируют отношение власти (господства — подчинения), причем православие в большей мере, а протестантизм в лютеранском варианте придают большее значение любви и ответственности (помощи, служения людям). Поскольку все протестанты равно слуги бога (уже **спасены!**), они независимы от земной власти, равны друг перед другом, лично свободны. Отсюда вытекает концепция равенства шансов: возможность спастись есть у каждого.

В отличие от Лютера, Кальвин «поднял» грешный мир до уровня церкви и ввел жесточайшую регламентацию, контроль над действиями, мыслями и чувствами прихожан:

«**Кальвинизм** создал новый тип людей, сыгравших огромную роль и в экономическом перевороте, и в политических бурях начала капиталистической эры.

¹ Протестантизм. М., Политиздат, 1990.

Эти люди, отличающиеся от окружающих темной простой одеждой, коротко остриженными волосами, суровой и постной внешностью, неразговорчивостью, враждебные всем удовольствиям и всем искусствам, вечно с молитвой, псалмом и текстом писания на устах, повсюду несли фанатичную уверенность в правоте своего дела и колоссально концентрированную энергию, подстигаемую сознанием греховности каждого часа, проведенного без пользы и трудов во славу божью»¹.

В кальвинизме на первый план вышли отношения власти и ответственности. Какая и к кому может быть любовь в одиночной тюремной камере, келье, кроме как к Богу? Да и тот требовал от кальвиниста не любви, а исполнения внутреннего долга! Лютеране, а вслед за ними баптисты в большей степени акцентируются на Христе, чем на Боге Отце.

У кальвинистов Христос приобретает, как и у православных, черты ветхозаветного Бога Отца: могучего и непреклонного, с некоторым налетом самодурства и жестокости. Перенос Кальвином внимания с Евангелия на Ветхий Завет проявился в сближении морали кальвинистов с иудаизмом (меркантилизм, индивидуализм, культ успеха и пр.). Христос стал единственным посредником между Богом Отцом и людьми. Для большинства протестантов Христос является прежде всего человеком, не столько чудотворцем, сколько учителем и пастырем человеческих душ, образцом нравственного поведения. Почти все протестантские вероучения игнорируют какую бы то ни было роль Девы Марии. Отношение к женщине (жене, супруге, дочери) осталось за пределами сферы отношений, освященных религией. Семья протестантов — это отношения мужчины к мужчине: отца к сыну, хозяина к наследнику (а не к рабу или слуге), т. е. к потенциально равному. Женщина может быть лишь подражателем, может лишь бороться за мужское место в жизни: равные юридические права с мужчиной, равенство в бизнесе, в профессиональной деятельности и т. д. Протестантизм породил явление эмансипации. Женщины, оставшись за пределами мужского мира и (другая сторона медали) выйдя из-под мужского контроля, начали атаку на этот мир извне, чтобы занять в нем как минимум равное положение, а еще лучше победить.

Языческая и атеистическая культуры характеризуются борьбой полов и поколений, для протестантской культуры характерна не борьба полов, а борьба женщин за право быть мужчинами! Феминизм растет на этой почве.

¹ Поршнев Б. Ф. Кальвин и кальвинизм // Вопросы истории религии и атеизма. 1958, № VI, с. 100.

Э. Эриксон заметил, что система пуританского воспитания формирует из детей неудовлетворенных и внутренне нестабильных людей. Однако эти люди способны длительно переносить одиночество, физические и моральные тяготы и лишения. В пуританских семьях вырастают индивидуалисты, готовые к борьбе, конкуренции и рассчитывающие только на свои силы. Они мотивированы надеждой на успех, верят в себя и не боятся неудач. Не являясь игроками и не рассчитывая на счастливый случай или добрую фею, они своими руками, умом и волей строят судьбу.

Пороком пуританской модели семейных отношений является отсутствие женского образа матери. Маскулинное поведение становится нормой и для женщин. Из-за большей продолжительности жизни женщин они чаще наследуют капитал отцов и мужей и начинают распоряжаться семейным делом, а не только домашним хозяйством.

Э. Эриксон описывает тип властной матери, которая заимствовала идеал «Я» от отца или деда. Такая мать стремится к доминированию, абсолютному господству над детьми. Следствия такого воспитания плачевны: мать теряет авторитет у детей (авторитета у отца в таких семьях нет изначально). Дети шизофреногенных матерей уходят из семьи, бродяжничают, спиваются, пополняют ряды наркоманов, воров и проституток. Таковы побочные следствия системы отношений в протестантских семьях.

Сведéние на нет роли матери в кальвинистских семьях привело к ожесточению нравов. Считалось, что дети не должны проявлять собственную волю и даже знать о ее наличии у себя. Телесные наказания распространялись повсеместно. В XVI–XVIII вв. битье детей стало еще более жестоким. В Англии наказывали розгами даже студентов университетов. Позже, несмотря на смягчение нравов, жестко подавлялись и регламентировались сексуальные и телесные отправления детей. Введение норм протестантизма в мир семьи привело к тому, что возникло разграничение семьи кормилица и семьи генетических родителей. Жизнь в деталях воспроизводила библейское разделение божественной семьи и «Святого семейства», отца генетического и отца-воспитателя. В Англии XVI–XVII вв. разные социальные институты отвечали за вскармливание младенцев и воспитание подростков. До 12–13 месяцев детей вскармливала кормилица (отчуждение детей от матери: куда делась Мадонна, кормящая грудью младенца?), старших детей с 10–12 лет отправляли жить и учиться в соседские семьи, откуда дети обычно к родителям не возвращались. В итоге повысилась значимость других детей, дворовых компаний, соучеников в социализации ребенка.

Аналогичные нравы процветали в семьях французской аристократии XVIII в., получившей и переважившей изрядную порцию вольтеррианства.

Однако есть и другая причина падения семейной морали в кругах европейской элиты. Ожесточенная борьба католиков и протестантов вызвала разочарование в нравственных основаниях христианства в целом. Возник вакуум веры. Но свято место пусто не бывает, и на смену христианской морали пришла мораль языческая. Возродился пантеон греко-римских божеств, культура Европы XVII-XVIII вв. заполнена образцами античной мифологии. А в жизни возникали конфликт полов, социальная самостоятельность женщины и безответственность мужчин за жену и детей. Аристократическая семья того времени — аномальная языческая семья. Следствием было насильственное отчуждение детей от семьи и конфликт поколений.

С горечью вспоминал о своем детстве князь Ш. М. Талейран-Перигор. Он родился в знатной аристократической семье. Мать сразу после рождения отправила его к кормилице и забыла о нем. Он никому не был нужен, никто его не любил и не ухаживал за ним. Кормилица как-то ушла из дому, посадила ребенка на высокий комод и забыла про него. Талейран упал, повредил себе ногу и на всю жизнь остался хромым. В четыре года его забрали у кормилицы и отправили к дальней родственнице княгине Шале. К ней мальчик привязался, как к матери. Но по достижении шести лет его забрали у любящей старухи и поместили в закрытый колледж в Париже. Раз в неделю он посещал родителей, но им он был не нужен. Следствия воспитания проявились в характере и поступках выдающегося взяточника, дипломата и изменника¹.

Не обошла эта болезнь и Россию. Языческие нравы царили в кругах российской аристократии, воспитанной в антиправославных традициях века Екатерины II. Достаточно вспомнить детство Александра Сергеевича Пушкина. Арина Родионовна, няня, — единственный светлый образ, который он вынес из детства. Близость к няне заменила ему материнскую любовь. Эмоциональное отвержение и гипопротекция — основные стили детско-родительских отношений в семьях элиты той эпохи.

Следовательно, изменение отношения дворян к семье и детям в России начала и середины XVIII в. напрямую связано с западноевропейским влиянием, что и отмечается многими исследователями. Например, красочно пишет об этом Ю. М. Лотман: «Семья в начале XVIII в. очень

¹ *Тарле Е. В.* Талейран. М., 1992.

быстро подверглась такой же поверхностной европеизации, как и среда. Женщина стала считать нужным, модным иметь любовника, без которого она как бы "отставала" от времени. Кокетство, балы, танцы, пение — вот женские занятия. Семья, хозяйство, воспитание детей отходили на задний план. Очень быстро в верхах общества устанавливается обычай не кормить детей грудью. Это делают кормилицы. В результате ребенок вырастал почти без матери (конечно, это не в провинции и не у какой-нибудь бедной помещицы, у которой двенадцать человек детей и тридцать душ крепостных, а у дворянской, чаще всего петербургской знати)»¹.

Ю. М. Лотман несколько лукавит. Не в числе детей, не в бедности или богатстве дело — в «провинцию» не проникли нравы Европы, раздираемой религиозными распрями, «эмоциональным» вольтеррианством вкупе с атеизмом, и православная семейная мораль еще держалась в душах людей.

Надо сказать (это точно отметил Л. Н. Гумилев), что и Петр I, и Екатерина II ориентировались в контактах преимущественно на протестантские страны. Вообще победа Петра I над Софьей и Василием Голицыным интерпретируется как победа сторонников протестантской ориентации реформ в российской верхушке над прокатолической партией. Протестанты из Германии, Чехии, Англии составили основную массу эмигрантов в Россию.

Ю. М. Лотман связывает переход в конце XVIII в. к естественности в поведении с влиянием руссоизма, культом природы: стремление к естественности прежде всего оказало влияние на семью. Во всей Европе кормить детей грудью стало признаком нравственности, чертой хорошей матери. С этого же времени начали ценить ребенка, ценить детство. Но почему в Европе и в России вдруг победили идеи именно Руссо (одного из легиона писавших и мысливших), чем обусловлен откат к семейным ценностям? Не крахом ли вольтеррианской морали и ликвидации издержек морали квазизыческой?

Похоже, что в европейском обществе сработали психобиологические механизмы саморегуляции: нельзя выключать женщину из семьи, нельзя бросать детей на произвол судьбы, за такие «изыски» культуры **расплачиваются** и родители, и дети, и внуки. Происходит возврат к основам христианской культуры, что и фиксируют историки. С включением женщины в семью, в домашний быт вносится любовь к ребенку, гуманность и стабильность. И правильно отмечает тот же Ю. М. Лот-

¹Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. М., 1995, с. 51.

ман, что именно девушки этого поколения проявили невиданную нравственную стойкость (жены декабристов лишь наиболее известный пример).

Влияние же протестантской морали при Петре I проявилось в законодательном закреплении права женщины на развод, что явилось, несомненно, важным шагом гуманизации отношений в семье и шагом на пути установления равноправия женщин: перед протестантским Богом все равны, каждый — и дитя, и женщина, и мужчина — имеет шанс на спасение!

Не случайно я описываю семейные отношения в русской дворянской среде XVIII—XIX вв. в главе, посвященной западноевропейской христианской модели семьи: русская дворянская культура (точнее культура придворных верхов) по сути своей западноевропейская. Недаром сподвижник Петра I, главный реформатор русской церкви Феофан Прокопович, был близок к протестантизму и прямо обвинялся в протестантизме русскими священнослужителями.

Сын и дочь

Отношение к сыну и к дочери в семье не сводится к формированию представлений о половой роли и месте мужчины и женщины в обществе. Проблема женской эмансипации — порождение протестантской культуры. В эпоху язычества такой задачи перед женщинами не было: «матриархат», «патриархат» — условные термины для обозначения исхода борьбы полов, точнее двух группировок внутри племени. Причем чаша весов могла склоняться в любую сторону.

Русская летопись рассказывает о том, как новгородские девки-ушкуйницы взяли приступом городок Кострому и учинили с местными мужиками «всяческое безобразие». Что касается любви, то в русском фольклоре воспевается сладкая ночь с «милым дружкой» (любовником), а про мужей не сказано ни единого хорошего слова. Темы любви к мужу и счастья в браке нет. Любовник — образ положительный, а муж — отрицательный.

В раннехристианской и православной традиции место женщины так же четко определено, как и определены ее функции: воспитание детей (сына), послушание мужу, забота о детях и их защита, а также защита всех нижестоящих перед главой семьи и т. д.

Протестантизм (особо кальвинизм), ставящий в основу жизни дело, служение Господу земным трудом, подчиняет задачи воспитания семейному бизнесу и формированию из ребенка наследника. Традици-

онные женские функции приобретают новые черты: с одной стороны, связи «отец-жена», «сын (дети)-мать» становятся малозначительными по отношению к главной связи «отец-сын»; с другой стороны, женщина предоставлена хозяйству и сама себе, освобождена от диктата, поэтому может начать борьбу за свое место под Богом. Согласно протестантской догматике перед его властью все равны, и каждый (мужчина то или женщина) имеет шанс на спасение. Отсюда возникает предпосылка установления юридического и экономического равенства мужчины и женщины. Дорога к овладению традиционными мужскими ролями (маскулинизация женщины) открыта. Ни православие, ни католицизм не знали движения феминисток, суфражисток и пр.

Атеизм предлагает еще один ПУТЬ эмансипации: полное избавление от обязанностей матери и ответственности ее перед ребенком.

Все три варианта освобождения женщины имеют вполне определенные следствия.

Драматизм ситуации, которая сложилась в семье в европейской культуре, конечно, не сопоставим с положением женщины в исламской культуре, Однако у такого положения есть глубокая причина. Идеальная модель христианской семьи включает в себя мать, отца и сына; место дочери не определено. В структуре идеальной семьи для нее нет места. Как это влияет на социализацию дочери, какую роль она может выполнять в христианской семье? Повод для размышлений и гипотез есть. Осмелюсь высказать одну из них.

Дочь в христианской культуре (и в патриархальной культуре вообще) выступает заместительницей жены-матери. В эпоху Раннего Средневековья, эпоху «двоеверия», это проявлялось в жестоком отношении отца к дочери, которое фиксировало «победу» (христианство как средство ПОМОГЛО!) мужчины-язычника над женщиной. Жену секли как маленького ребенка. Просвечивает грозный архетип отношений отца и дочери. Ритуал свадьбы говорит о том же: передавая дочь на руки мужу, отец символически стегал ее плетью, передавая плеть мужу из рук в руки вместе со своими отцовскими правами на дочь, так что муж становился вторым отцом (заметьте: отцом, а не братом или партнером — акцентируется вектор **власти!**).

В православии девочка может быть «заместительницей» матери, поскольку в модели православной семьи мать ближе к сыну, чем к отцу. Русская девочка, дочь — всегда «вторая мама». В песнях, сказках она, как правило, старше своего младшего брата. «Сестрица Алenuшка» заботится о своем «братце Иванушке», который ведет себя весьма вольно и непослушно (как и положено более доминантному члену се-

МБИ), удовлетворяет его насущные нужды и оберегает от всяческих опасностей.

Отношение к дочери как «заместительнице **ЖЕНЫ**», предполагающее «любовную» (сублимированную) эмоциональную связь, — стереотип, характерный для западнохристианской культуры. Сюжет сказки Аксакова «Аленький цветочек», как известно, полностью заимствован.

В западнохристианской (католической) модели семьи мать ближе к отцу, чем к сыну. Причем Бог Отец имеет черты Иисуса Христа!

Такова «балансировка» признаков в христианских моделях семьи: уменьшение значимости одного признака компенсируется увеличением значимости другого.

Подчеркивается любовно-эротическое отношение Марии и отца. Следовательно, дочь может принять только роль «второй жены», которую в норме любят и лелеют (а при отсутствии матери вдвойне), или (при аномальном развитии отношений) вступают с ней в связь. Проблема инцеста не имеет никакого значения в православной культуре, но весьма значима в культуре западнохристианской.

Впрочем, поведение Гамлета, принца Датского, также характерно для западнохристианской культуры: ревность (сексуальная по природе) к матери толкает Гамлета к убийству отчима. Отождествление себя с отцом в православии предполагает только «внутреннее» принятие власти в доме и в семье, а в западнохристианской культуре такое отождествление приводит к актуализации эротического влечения к матери. Поскольку оно запрещено, влечение преобразуется в агрессию по отношению к объекту — мнимому препятствию на пути реализации влечения. Гамлет слишком отождествлял свое «идеальное я» с отцом, такова причина его трагедии. Правда, это всего лишь дилетантская психоаналитическая трактовка трагедии Гамлета.

Воспитание девочки в русской православной семье — воспитание будущей мамы, воспитание девочки в западнохристианской семье — воспитание будущей жены, даже не столько жены, сколько прекрасной дамы.

И лишь протестантская среда готовит девушку к роли деловой женщины, конкурентки мужчины на почве экономической деятельности, а позже и в других сферах жизни.

Воспитание мальчика в христианской культуре это, в первую очередь, формирование будущего отца, доминантного и несущего ответственность за семью (модель божественной семьи) или, реже, субдоминантного (Иосиф Обручник как идеал), но столь же ответственного. В последнем случае образы идеального и нормального мужчины рас-

ходятся: идеальный сильный и доминантный нормальный, тихий, кроткий и работающий. Возможно (это всего лишь гипотеза), социализация мальчиков в католической и протестантской семьях во многом облегчается за счет большей психологической близости отца и сына в модели семьи, чем в православной модели.

Есть в сценарии социализации, который предусматривается христианской моделью семьи, одна особенность, которая чрезвычайно, на мой взгляд, важна для формирования **МОТИВАЦИОННОЙ** структуры личности ребенка.

Христианский ребенок (мальчик) воспитывается с представлением об идеале, которому он должен соответствовать, но с которым он никогда не сможет сравняться или превзойти его, а тем более самому стать **ИДЕАЛОМ**. Для понимания этой особенности требуется проанализировать представление о мессианстве.

Идея мессии (помазанника) не случайно возникла в иудаизме: поскольку Яхве требует от своего народа абсолютной святости и беспрекословной верности, цель эта не может быть достигнута без сверхчеловека, наделенного абсолютной властью, необычайными способностями и высшей святостью. Он должен явиться в определенный Яхве срок и происходить из династии Давида, чтобы выполнить сверхзадачу: умиротворить врагов своего народа путем завоевания. Идея победы над враждебными силами является центральной.

Поскольку проблема родства и **ГЕНЕАЛОГИИ** достаточно запутана, то потенциально любой ребенок может быть мессией и обладать **ГИПЕРСПОСОБНОСТЯМИ**. Поэтому за время существования еврейского народа неоднократно появлялись личности, претендовавшие на мессианскую роль. Возможно, **ЭТИМ** объясняется особое отношение к мальчикам при их воспитании в еврейской семье: надежда на их способности выражается родителями, стимулируется мотивация достижений, оказывается эмоциональная поддержка любым творческим действиям и протекция развитию и проявлению способностей.

В **ХРИСТИАНСТВЕ** мессия рассматривается не в качестве спасителя своего народа от врагов, а в качестве искупителя грехов всего человечества: талант (если такой термин можно здесь употребить) мессии есть талант **СТРАДАЮЩИЙ**, терпящий прижизненные муки во имя спасения рода людского. Мессия с точки зрения христианства уже родился: им был **Иисус Христос**. И нет особого смысла ждать проявления гиперспособностей, сверхчеловеческой одаренности от других детей. В лучшем случае они могут лишь приблизиться к некоторому идеалу бескорыстного служения своим талантом всему человечеству.

Христианская традиция, с одной стороны, как бы сдерживает притязания личности, избавляя ее от неадекватного уровня притязаний и завышенной самооценки, но с другой стороны, задает некоторый идеал или «потолок способностей» личности, который простой смертный превзойти не может, но может бесконечно близко приблизиться к нему. В христианской системе нет места личной исключительности: по сравнению со сверхспособностями Сына Божьего все прочие способности не столь велики. Так у ребенка формируется мотив стремления к совершенству (перфекционизм) в сочетании с личной скромностью: Творца не превзойдешь и сам Творцом и идеалом для других не станешь. Отсюда атрибуция (приписывание) личных творческих достижений не себе, а Богу, столь распространенная среди гениев, воспитанных христианской культурой (Моцарт, Микеланджело, Пушкин и т. д.): «Не я пишу, а Бог водит моей рукой».

Семья в советской России: гибель и воскрешение

Отношение советского государства и КПСС к семье как социальному институту и психологическую структуру советской семьи нельзя понять, не проанализировав взгляды основателей и проводников коммунистической идеологии.

Классики марксизма считали, что семья, основанная на частной собственности, праве наследования и домашнем воспитании детей, должна быть упразднена победившим пролетариатом. Главная задача большевиков состояла в том, чтобы лишить отца возможности отвечать за семью и обеспечивать ее существование и отнять у родителей (в первую очередь у отца) возможность воспитывать своих детей. Семья рассматривалась как главный оплот коммунизма. Эти идеи громко прозвучали в «Коммунистическом манифесте».

Продолжателем дела К. Маркса и Ф. Энгельса стал К. Каутский: он считал, что с ликвидацией товарного производства отомрет и семья, поскольку будет отсутствовать экономическое основание для родительских чувств. Для Л. Троцкого семья выступала препятствием в деле революции: **в политике и экономике рабочий класс действует как целое, а в быту он раздроблен на клеточки семей.**

Другие идеологи революции в области человеческих отношений более примирительно относились к семье, по сути подменяя семейные отношения отношениями брачными и любовными. Особенно усерд-

СТВОВАЛИ А. М. Коллонтай (с женских позиций) и А. В. Луначарский (как мужчина). Для Коллонтай все отношения в семье сводились к отношениям «мужчина-женщина» (даже не «муж и жена», тем более не «МАТЬ—ОТЕЦ»). Мужчина и женщина должны быть связаны любовью и товариществом, сознанием коллективной ответственности и верой в коллектив как носитель пролетарской морали. Что касается бытовой и воспитательной функций семьи, то они должны быть делегированы обществу. Луначарский полагал, что дети при коммунизме должны воспитываться и обеспечиваться обществом, однако считал, что в течение переходного периода семья должна сохраниться.

И хотя в период раннего сталинизма А. В. Луначарский, А. М. Коллонтай и прочие были заклеены как распространители вредных теорий об отмирании семьи, практика свидетельствовала о другом. Была провозглашена идея о смене буржуазной семьи на советскую, прогрессивную и социалистическую. Семья как независимый агент воспитания детей не могла вписаться в тоталитарную систему. За социализацию детей в нормальной семье отвечает отец. Поэтому вся политика советской власти была направлена на то, чтобы свести роль отца в российской семье к нулю, а всю ответственность за воспитание детей переложить на общество. Но общество никак не справлялось, да и не могло справиться с этой задачей. Посему весь груз ответственности за семью и детей лег на плечи матери.

Дадим определение: *типичную советскую семью* можно рассматривать как *вариант модели АНОМАЛЬНОЙ языковой СЕМЬИ с рудиментами православной модели*. В такой семье мужчина и женщина борются за доминирование. Победа достается более сильному — не столько физически, сколько психически. Существуют противостояние поколений, подавление детей и борьба детей с властью родителей. Аномальность этой семьи в том, что мужчина не несет ответственности за семью в целом (определение аномальной семьи по Мид). Равенство мужчины и женщины **рассматривается** как достижение социализма. Первоначальным идеалом женщины при социализме была рекордсменка, рабфаковка, ударница, боец Красной армии. И. В. Сталин вспомнил о женщине-матери в связи со страшной убылью населения после Великой Отечественной войны: были введены звание «Мать-героиня», ордена и медали за воспитание родных и приемных детей. Фактически эти награды давались не за **ВОСПИТАНИЕ**, а за рождение детей, за вклад в прирост населения. О каком воспитании, или же проще — создании минимальных условий для здоровья ребенка в бедных многодетных семьях могла идти речь?

Пролетаризация, точнее люмпенизация народа, привела к тому, что сместились отношения в семье: ответственность за семью в целом при социализме несет женщина.

Еще в начале века этнографы отмечали, что авторитет женщины в семье рабочего выше, чем в крестьянской семье.

Что касается определения лидерства в семье, то существует три варианта:

- 1) наличие явного фактического главы семьи;
- 2) наличие формального главы при фактическом равноправии родителей;
- 3) семьи с неопределенным понятием главы.

Семьи второго типа чаще встречаются в городах, семьи первого типа в сельской местности. Сегодня в России преобладает малая семья: родители-дети. Из-за жилищных проблем, трудностей в воспитании детей, а также по ряду иных (чаще психологических) причин женатые дети остаются с родителями. Причем с родителями остается замужняя дочь. Причину этого видят в более безболезненном разрешении разногласий между двумя хозяйками — матерью и дочерью, чем между свекровью и снохой. Психологическая близость к сыну мотивирует ревность у свекрови ПО отношению к снохе, дочь же с самого начала воспитывается как «вторая МАМА». Пожилые родители также чаще проживают с замужней дочерью, чем с женатым сыном.

Единственный вариант приобретения устойчивости советской семьей — установление связи доминирования и ответственности: если ответственна за дела семьи мать, ей должна принадлежать власть.

Многочисленные исследования подтверждают мысль, что удовлетворенность браком сегодня определяется в основном наличием лидера в семье, что должно дополняться (но не заменяться!) партнерскими отношениями в решении проблем семьи, совместным проведением досуга. При этом для женщин важнее досуг во внесемейной сфере, а для мужчины — в семье, включая занятия с детьми. И вместе с тем воспитание детей является самостоятельной ценностью, не зависящей от стабильности семьи, под которой подразумевается риск **развода**¹.

Поскольку при социализме проблемы семьи — это в первую очередь проблемы, решаемые матерью, а не отцом, постольку большинство исследований в советской психологии, посвященных семье, отра-

¹ Янкова З. А., Ачилова Е. Ф., Лосева О. К. Мужчина и женщина в семье. М., 1983.

жают особенности отношений матери и ребенка. Причины трудностей социализации ребенка видят в искажении структуры семьи (неполная семья), в аномальных стилях воспитания, которые применяет мать. Между тем, на мой взгляд, основное решение проблемы — возвращение отцу его роли, характеризующей нормальную семью.

Большинство вдумчивых психологов и психотерапевтов осознают эту ситуацию. Например, А. И. Захаров считает, что главной причиной детских неврозов является извращенная ролевая структура семьи: мать в такой семье излишне «мужественна», недостаточно отзывчива и эмпатична, но требовательна и категорична. Если отец мягок, раним и не способен управлять ситуацией, ребенок становится для матери козлом отпущения.

Если в так называемой патриархальной (нормативной христианской) семье отец одновременно является кормильцем, носителем власти, а также наставником и примером для подражания, то в развитых обществах (к которым в равной степени исследователи относят и США и СССР —?!) наблюдается разрушение структуры семьи: частое отсутствие детей в семье, бедность отцовских контактов с детьми, немелость отцов, неспособность к уходу за младенцами и незаинтересованность в воспитании детей.

Еще раз вспомним о том, что православные богословы подчеркивали значение трех основных отношений в семье: отношения власти, отношения ответственности (в том числе за воспитание детей) и отношения любви. Ей в православии придавалось особое значение как компенсатору напряженного отношения «доминирования-подчинения». Муж признается в православии единственным главой семьи:

«Господство мужа над женой естественно. Муж **старше** жены по сотворению. Он является как нечто основное, а жена как нечто последующее. Он творится самостоятельно, а жена, как младенец от матери, уже рождается от него, получает свою жизнь из ребра его. В этом смысле она называется в слове Божиим "останком духа мужа"» (Быт. 5, 24).

Притом не муж создан для нее, а она сотворена из потребности его, чтобы быть ему в сообществе с подобным.

В душевных силах и способностях муж тверд, самостоятелен. Жена же обладает более памятью и воображением, но и глубоким взглядом на предметы, особенным чутьем к частностям в деталях (отсюда понимание его тонких приличий); в ее суждениях более чувства, чем мысли, в действиях более **Подражательного**, чем самостоятельного.

В отношении долга и семейства муж «голова и руки», а жена только «грудь и **сердце**». Словом, жена по всему своему виду уступает мужу.

Жена совершенно равна мужу по общечеловеческим правам, или по природе, подобно тому как Отец и Сын в Божеской природе лица равносильные, равночастные. Равна жена мужу более по духовным и христианским правам.

Но за всем тем равенство ее с мужем во Главе Христа не уничтожает ее подчинения мужу, как и подчинение не уменьшает равенства в Господе (первоисток марксистско-ленинской диалектики в христианском богословии, не правда ли? — *В.Д.*).

«Но лишь только жена будет искать и действительно достигнет первенства над мужем, тотчас внесет беспорядок и в собственную жизнь и во весь дом. Но скажут: «Муж может быть слаб характером или поведением своим, не лучше ли ему быть под управлением своей жены? По своему **необразованию**, а то и по недостатку способностей от природы, он совсем не заслуживает, чтобы ученая и способная жена повиновалась ему». Напрасно. И слабый муж (кроме нравственной слабости) будет тверже самой крепкой по характеру **жены**.»¹

Нравственная слабость поразила советского мужчину. Автор начала XX в. оказался пророком в своем отечестве. Предсказания сбылись в деталях: чем более различия в образовательном уровне жены и мужа (особенно при преимуществе жены), тем больше шансов, что брак завершится разводом. Одна лишь разница между предсказанием протоиерея Евгения Попова и историей: доминантную роль русской женщине навязали советская власть и коммунистическая идеология, лишив отца основных отцовских функций.

Православие считало ответственными за воспитание детей в равной степени мать и отца.

«Воспитание входило в состав собственных благочестивых занятий отца и матери. Преимущественно же обязанность эту брали на себя матери семейств, так как природа вложила в их сердце более нежности к детям, и внешние занятия не отвлекают их от обязанностей семейных, и следовательно, в их руках более средств к **благоуспешному** воспитанию. Отцы Церкви тоже поставляли отцам семейства в обязанности говорить и делать только то, через что мог бы назидаться в благочестии весь дом их, а матерям, охраняя дом, преимущественно смотреть, как семейство делает то, что принадлежит небу. Мать, носившая в своем сердце христианскую жизнь, была истинной образовательницей детей в христианском значении этого **слова**.»²

¹ *Протоиерей Попов Е.* Общенародные чтения по православно-нравственному богословию. СПб., 1901.

² Христианское воспитание детей. М., 1905.

Мать, с точки зрения православной этики, является транслятором, **передатчиком** воспитательной воли отца, главным посредником между отцом (**воплощающим** волю небесную) и детьми.

Наиболее глубокий анализ тенденций развития российской семьи в XX в. дала в своей работе французский правовед Ш. Курильски-Ожвен, хотя ее взгляды на русскую семью отличаются некоторыми несообразностями. Впрочем, это характерно для работ всех западноевропейских ученых, судящих о русской культуре по трудам Бердяева и **Достоевского**, журналам и мнениям эмигрантов.

В частности, он считает, что в России не было классического патриархата, «при котором власть мужа над женой и детьми осуществляется бесконтрольно», смешивая христианские патриархальные отношения с семейным мужским языческим деспотизмом.

Аргументируется отсутствие патриархата тем, что в российской культуре:

- 1) община осуществляла контроль за действиями главы семьи (?);
- 2) **авторитет** в большой (расширенной) семье принадлежал не мужу, а его родителям, велика была роль жены отца;
- 3) в молодых русских парах женские и мужские роли определялись нечетко.

Здесь происходит смешение ряда отклонений. В расширенной семье, включавшей родственников во втором и третьем колене, роль отца отводилась старшему мужчине (классический патриархат), а сыновья и их жены **были** на положении «детей», т. е. **неполноправных** членов семьи.

Община в России никогда не вмешивалась во внутреннюю жизнь семьи, а если и оказывала давление на отдельных членов, то лишь укрепляя авторитет «большака» или «большухи». Широко распространенный обычай общения, жизнь миром и на миру Курильски-Ожвен принимает за проницаемость семейных границ для внешнего общества, когда в делах семьи якобы участвуют не только родственники всех степеней, но и друзья со знакомыми. Достаточно прочитать «Грозу» А. Островского или «Тихий Дон» М. **Шолохова**, чтобы понять, насколько эти наивные суждения далеки от российского быта.

Однако Ш. Курильски-Ожвен замечает, что в России конца XIX в. складываются три модели семьи:

- 1) традиционная состоятельная семья, сельская и городская («большая **семья**»);
- 2) семьи **интеллигенции** нуклеарного типа;
- 3) свободный эгалитарный вариант семьи.

По мнению Ш. Курильски-Ожвен, советская власть в 1917 г., пытаясь внедрить модель свободного брака, натолкнулась на препятствие — культурную модель русской семьи. Эта модель базировалась на православной религии.

«В традиционной системе право, так же как и религия, одновременно передает ценности, нормы и модели поведения и систематизирует, оформляет, формализует способы мышления, чувствования и действия, характерные для данной культуры. Но русское семейное право, которое воспроизводит каноническое право, воспринимает эти явления опосредованно, через модели, распространяемые религией. Однако из двойственной религиозной символики аффективности и могущества право удерживает прежде всего понятие власти. Социальные отношения пола оно представляет в соответствии с типичной патриархальной моделью, которая назначает мужчине абсолютную власть, женщине — абсолютное повиновение. Эту иерархию отношений право подает как естественную и оправдывает ее аффективностью.

Хотя право и религия распространяют модели поведения исходя из одного и того же источника, они все же представляют собой взаимодополняющие и конкурирующие нормативные системы. Право придает большую жесткость и законченность моделям поведения, одобренным религией, преобразуя их в санкционированные нормы. Однако главным каналом распространения этих моделей остается религия. Она передает их с помощью своего рода послания, менее строгого и не формализованного, отсылающего, скорее, к чувству, чем к моральным нормам. Она представляет нечто вроде связующего звена между культурными и правовыми моделями семейных отношений.»¹

К сказанному выше можно добавить лишь то, что религиозное опосредование правовых норм характерно не только для российской, но и для любой другой культуры. И более того — религиозная модель лишь проявляет психологическую модель семьи и распространяет на все общество в целом. Правовые нормы являются лишь результатом признания со стороны светского государства определенной культурной модели семьи в качестве нормативной. Такое признание необходимо лишь со стороны светского государства. Оно излишне в государствах, где господствует идеология религиозного фундаментализма (например, Иран): светское семейное право совпадает с религиозными нормами.

Ш. Курильски-Ожвен совершенно справедливо замечает, что ценность православной религии является основной доминантой русской

¹ Шанталь Курильски-Ожвен. Русская культурная модель семьи и эволюция нормативного регулирования семьи // Общественные науки и современность, 1995, № 5, с. 160.

национальной культуры. Ее особенности он видит в отрицании дуализма души и тела, в **преобладании** аффективных ценностей над ценностями действия (любовь и вера важнее, чем поведение), в преобладании категории материнства среди религиозных символов русского народа.

Столкновение традиционной культурной модели семьи с отрицанием роли семьи как таковой тоталитарной идеологией привело к парадоксу: к акцентуации особенностей русской культурной модели, которая выразилась в отрицании роли отца (его функцию взяло на себя тоталитарное государство) и превращении матери в центр семьи. Предпосылка к этому — культ Богородицы в православии. Если нормативного отца нет, то доминирование и ответственность в реальной семье переходят к матери.

После революции 1917 г. правовая модель брака в РСФСР была близка к модели свободной любви. Но семья — не брак, она предполагает детей. Резкое увеличение числа разводов привело к тому, что женщины оказывались без средств к существованию. Из-за легкости процедуры развода все обязанности по содержанию и воспитанию детей были переложены на женщину. Пропагандировалось так называемое социальное материнство, что привело к возвеличиванию роли женщины, а мужчине отводилась второстепенная роль. Мужчина — главный субъект социализации детей в нормальной семье, а женщине отводится природная функция — защита, любовь, забота.

Советское государство перенесло семейную ответственность на женщину и породило аномальную языческую семью, опираясь на природную функцию **женщины** в семье и возводя эту функцию в юридическую норму. Затем к ней добавилась и воспитательная функция. После коллективизации произошла деструкция православной семьи и увеличилось число беспризорных детей. Государство ответило на это поощрением родительских обязанностей. Превозносились радости материнства для женщины. **Постановлением ЦИК и СНК от 27 июня 1936 г.** были запрещены аборты. В этом постановлении подчеркивалась роль матери не только в воспроизведении рода, но и в воспитании детей. Отец упоминался лишь в связи с выплатой алиментов. Роль женщины и в экономике, и в семье стала основной. В Конституции СССР 1936 г. проблемы семьи обходились молчанием, но роль материнства подчеркивалась.

В годы войны после **массовой** гибели мужчин роль женщины еще более возросла. Семейное законодательство 1944 г. утверждало, что общество позволяет женщине воспитывать детей одной при помощи

государства. А в законодательстве 1968 г. семья уже рассматривается как субъект социализации детей и, по мнению Ш. Курильски-Ожвен, нагружается традиционными ценностями русской культурной модели семьи (любовь и пр.). Но центральная роль женщины в семье утверждается окончательно.

Именно к брежневской эпохе следует отнести окончательное преодоление революционного беспредела и становление советского типа семьи. Брежневская конституция отводила женщине роли труженицы, матери, воспитательницы своих детей и домохозяйки. Но в это время в общественном сознании возникает конфликт между советской моделью семьи и эгалитарной моделью. На мой взгляд, эгалитарная модель, где семейные функции распределяются между женщиной, мужчиной и ребенком (детьми), является переходной. Ее появление обусловлено ростом экономической независимости семьи от тоталитарного государства, возрастанием экономической, социальной и политической роли мужчины, а также увеличением числа полных семей.

В Конституции 1993 г. эта переходная модель семьи закреплена в качестве нормативной: было провозглашено равенство полов и равная ответственность женщины и мужчины. Мужчина и женщина (но еще не мать и отец, — вдумаясь в авторскую терминологию!) имеют равные права и обязанности в семье: «В Российской Федерации... обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства».

До 1993 г. все официальные тексты говорили лишь о равенстве прав родителей, но не говорили о равенстве обязанностей. В частности, в статье 35 Конституции СССР 1977 г. можно прочитать только о «создании условий, позволяющих женщине сочетать труд с материнством».

Переход к нормальной модели семьи в России произойдет только тогда, когда наряду с равенством прав ответственность за воспитание и содержание детей ляжет на отца при сохранении за матерью и за детьми (!) других семейных обязанностей. Демократическая семья предполагает равенство прав, нормальная — различия в ответственности, которая должна ложиться преимущественно на отца. Однако в современной российской семье женщина хочет (и вынуждена силой обстоятельств) править безраздельно и полностью. Мужчина не в состоянии обеспечить семью, нести за нее ответственность и, соответственно, быть образцом для подражания.

Между тем, сегодня российские дети ожидают от отца выполнения его традиционной функции. По данным эмпирических исследований,

большинство мальчиков и половина девочек обращают внимание на профессиональные успехи отца, заработки, обеспечение семьи. Между тем у матери эти сферы деятельности не выделяет никто из детей: семью должен обеспечивать отец. Из-за того что матери требуют от отцов помощи в ведении домашнего хозяйства (вплоть до скандалов на глазах детей), дети утверждают, что отцы мало внимания уделяют домашнему хозяйству. Занятие домашним хозяйством — это главное дело матери, по мнению детей. И вместе с тем, мальчики проявляют большую привязанность к матери, очень боятся ее холодности, невнимания, отчуждения от матери. Мальчики предъявляют больше требований к матери (не терпят ее негативных **привычек**), а девочки к отцу, у них формируется идеальный образ отца. Характерно, что эмоциональная связь с матерью у детей сильнее, они лучше знают ее личные особенности; высказываний-характеристик о матери больше, чем об отце, она воспринимается более значимым членом **СЕМЬИ**¹.

Таким образом, реальная модель современной российской семьи как бы противоположна протестантской модели: ответственность за семью несет мать, она же доминирует в семье, и она же более близка с детьми **ЭМОЦИОНАЛЬНО**. Мужчина «выброшен» за пределы семейных отношений, не оправдывает ожиданий жены и детей. Для него остается единственный путь реализации себя как мужа и отца: бороться за мужские права и «эмансипацию», как боролись и борются за равные с женщиной права феминистки. Только поле борьбы не деловой мир, а семья. Отсюда появление обществ мужчин-одиночек (воспитывающих детей без жены) и т. п.

Между тем реальное решение вопроса иное: нужно создать социальные условия для проявления мужской активности вне семьи, чтобы он мог нести основную юридическую ответственность за семью, представлял вовне и защищал ее интересы, мог бы обеспечить ее экономическое благосостояние и социальное продвижение членов семьи.

Лишь **ОТЕЦ** способен сформировать у ребенка способности к инициативе и противостоянию групповому давлению. Чем больше ребенок привязан к матери (по сравнению с отцом), тем менее активно он может противостоять агрессии окружающих. Чем меньше ребенок привязан к отцу, тем ниже самооценка ребенка, тем меньше он придает значение **ДУХОВНЫМ** и социальным ценностям, по сравнению с материальными и индивидуалистическими.

¹ *Савченко И. Л.* Роль мужчины в формировании личности ребенка в семье. Дипломная работа. МИПКРО. М., 1995.

Однако, по мнению моего аспиранта И. А. Савченко (основанном на данных эмпирического исследования), отцы сегодня имеют неплохой шанс изменить ситуацию в свою пользу.

Во-первых, большинство опрошенных подростков утверждают (свыше 90%), что отец зарабатывает больше, чем мать, хотя мать доминирует в семье и домашнем хозяйстве. Декларируя, что в семье главой является отец, они указывают, что реально в семье распоряжается мать. У отца нет реальной власти. Он уважаем детьми, хотя с ним они имеют меньший эмоциональный контакт: большинство детей утверждают, что мама их любит больше, чем **ПАПА**, и при конфликтах в семье дети принимают сторону матери. Во-вторых, папы чаще играют с детьми, участвуют в семейных развлечениях, учат их постоять за себя, заступаются за детей¹.

Таким образом, с преодолением наследия коммунизма модель семьи в постсоветской России имеет шанс принять такой вид: доминирует мать, следующим идет отец, дети подчинены. Отвечает за семью (благополучие, социальную защиту) отец. Дети эмоционально ближе к матери, чем к отцу.

Противоречие отношений доминирования и ответственности будет являться главным источником конфликтов в семье.

¹ Савченко И. А. Роль мужчины в формировании личности ребенка в семье. Дипломная работа. МИПКРО. М., 1995.

Семейные отношения — анализ творчества

Портрет семьи, или Портрет психологических отношений

В психологии широко используется выдвинутая З. Фрейдом концепция проекции. Человек склонен неосознанно проецировать свое психическое состояние на окружающее, приписывая людям свои собственные черты и переживания. Интерпретируя неопределенные ситуации, пытаюсь понять содержание непонятных произведений, мы представляем воображением недостающие компоненты ситуации, трансформируем и переосмысливаем стимулы и тем самым привносим свое «я» в описание реальности. На этом эффекте основан метод проективного тестирования.

Известно, что искусство (в частности, живопись) является мощнейшим средством психотерапии. Этот метод получил название «арттерапия». Человек может избавиться от последствий психологической травмы, если он нарисует травмирующее событие или ситуацию, которая вызывает у него эмоциональный стресс. В любом случае продукты индивидуального творчества являются проявлением личностных особенностей, эмоционального состояния, мировоззрения творца.

Но художник-профессионал является не только носителем своих личностных черт и выразителем своего субъективного опыта. Он принадлежит к определенной культуре, в ней воспитан и в детстве присвоил ценности, нормы и мировоззрение своего социального окружения. В его индивидуальном творчестве воплощаются социально-психологические и культурно-психологические модели, стереотипы, коллективные представления или, пользуясь терминологией К. Юнга, архетипы коллективного бессознательного.

Можно предположить, что, изображая людей, принадлежащих к той или иной социокультурной общности, художник будет неосознанно (или осознанно — это сути дела не меняет) выражать на холсте опре-

деленные структуры отношений между людьми. Причем каждому виду отношений будут соответствовать определенные параметры изображения. Конечно, связь этих параметров и содержательных психологических отношений будет ясна только для психолога, который владеет методикой анализа продуктов творчества.

Художник, рисуя портрет семьи, будет (вольно или невольно) так строить композицию (а это в его **ВЛАСТИ!**), чтобы она соответствовала его глубинным личным представлениям о том, какой должна быть или какой является семья.

Поскольку в любом заказном семейном портрете присутствует элемент идеализации, то вес, влияние представлений об идеальной модели семьи должны быть очень велики. Тем самым художники неосознанно должны воплощать своим творчеством идеальные кросскультурные модели семьи в форме семейного портрета.

Следовательно, анализируя и сравнивая произведения живописцев, работавших в разное время и принадлежащих разным культурам, мы можем выделить те же психологические модели семьи, которые встречаются в реальной жизни и/или служат образцами для подражания в данной социокультурной общности.

Разумеется, контент-анализ произведений искусства очень распространен в отечественной и зарубежной социальной психологии. Часто анализируются поэтические произведения, произведения живописи, музыки, телефильмы, кинофильмы, радиопьесы и т. д. Обычно изучают разные психологические аспекты:

- 1) психологические **ОСОБЕННОСТИ** создателей художественных произведений;
- 2) отражаемую в произведениях социальную реальность;
- 3) специфику стилей искусства;
- 4) **ОСОБЕННОСТИ** аудитории;
- 5) эффект воздействия искусства на аудиторию и т. д.

Однако отражение семейных отношений до сих пор не было предметом подобных исследований (по крайней мере мне таковые неизвестны). Близкие, с одной стороны, по проблематике, а с другой стороны — по материалу анализа исследования проводились под руководством известного Санкт-Петербургского психолога В. Е. **Семенова**¹.

Его интересная книга, к сожалению, вышла небольшим тиражом, и я постараюсь изложить вкратце методы и результаты, которые в ней

¹ *Семенов В. Е.* Искусство как межличностная коммуникация. СПб., 1995.

приведены, чтобы читателю была понятна специфика подобных исследований.

В первом исследовании изучались образы брака и любви в прозе молодежных журналов. Были проанализированы 12 номеров журнала «Юность» и 12 номеров «Советской молодежи» — с июня 1968 г. по июнь 1969 г.

Исследователи выявили 161 сюжет, связанный с описанием брака и любви, из них 111 относились к 60-м гг. Чаще авторами произведений выступали мужчины. Оценивались взаимоотношения персонажей по 5-балльной шкале.

Оказалось, что степень благополучия персонажей в браке снижается в зависимости от отнесенности к эпохе: наиболее благополучными отражались отношения эпохи Гражданской войны и наименее — эпохи 40-50 гг. Отрицательных оценок брачных персонажей 60-х годов меньше.

Авторы-женщины чаще наделяют отрицательными чертами персонажей-мужчин, чем персонажей-женщин. Авторы-мужчины к таким односторонним оценкам не склонны, хотя чаще в качестве главного героя изображают мужчину. Вообще авторы-женщины чаще описывают неблагоприятные брачно-семейные отношения. Авторы-мужчины склонны описывать мужа как профессионала, а жену — как хозяйку и мать, ничего не говоря о будущем женщины.

Исследователи выявили два типа описания брачных отношений. Первый тип характеризует мужскую точку зрения на брак, точнее на его вариант, распространенный в реальной жизни писателей: «Так, наиболее характерными являются следующие образы: муж — яркая творческая личность, а жена — его скромная заботливая подруга. Она не блещет способностями, но зато хорошо ведет хозяйство, готовит, ухаживает за детьми. Жена не способна разделять «высокие» интересы и занятия мужа, а если и живет его интересами, то лишь в роли обслуживающего персонала (секретарши, помощницы).

В свою очередь, авторы-женщины пытаются создать как бы противоположный, эмансипированный образ жены. Она — более яркая, творческая личность, чем он — заурядный и самодовольный человек. В этом случае брак обычно неудачен и, как правило, кончается разрывом. В отдельных описаниях авторы-женщины стремятся показать и другой образ супружеских отношений, когда муж и жена — творческие, ищущие личности, живущие общими интересами, разумно распределяющие семейные обязанности. Но этот образ теряется среди традиционных картин брака, где муж — это прежде всего профессия, дело, а жена — хранительница семейного очага. Таким образом, извечный архетип брака в подсознании художника как и в бытовых представлениях, оказался преобладающим над эмансипационными тенденциями¹.

¹ Семенов В. Е. Искусство как межличностная коммуникация. СПб., 1995, с. 83.

Получается, что авторы изображают *себя и свою писательскую жизненную ситуацию*, а не так называемую *реальную жизнь* других людей. И я полагаю, бесполезно применять анализ *авторских* произведений для характеристики современного состояния семьи. Поэтому в своих исследованиях мы **прибегли** к анализу сегодняшнего фольклора — анекдотов (см. следующий раздел этой книги).

К слову сказать, у поэтов и поэтесс те же тенденции выявились с еще большей силой: любовную ситуацию мужчины оценивают более оптимистично, чем женщины; они же чаще положительно трактуют женские образы, а женщины-поэтессы еще более темными красками рисуют образ мужчины, чем женщины-прозаики!

Продолжением этого исследования стал анализ межличностных конфликтных ситуаций, которые встречались в художественной прозе, опубликованной в журнале «Юность» за 1955–1984 гг. Всего были проанализированы 123 повести и рассказа с 236 конфликтными ситуациями. Любопытно, что минимальное число конфликтов было обнаружено в произведениях, опубликованных в 70-е (застойные) годы. Причем с годами число описаний конфликтов в профессиональной сфере уменьшалось (крах производственной прозы), а в семейно-бытовой — увеличивалось. Возрастает от 50-60-х к 70-80-м гг. также число неразрешимых конфликтов (в 6 раз), что, по мнению исследователей (В. Е. Семенова и Е. В. Баляевой), свидетельствует о дезинтеграции семьи и распаде брачных отношений.

Самое интересное, что авторы-мужчины и авторы-женщины не только по-разному отражают содержание конфликта (мужчины чаще относят его к профессиональной и общественной сфере, а женщины — к семейно-бытовой). Авторы-женщины чаще всего описывают конфликтующую пару «мужчина-женщина», и несколько реже — «женщина-женщина». Авторы-мужчины чаще изображают конфликты между двумя мужчинами, иногда между мужчиной и женщиной и практически никогда — конфликт между двумя женщинами.

Другой пример контент-аналитического исследования, проведенного под руководством В. Е. Семенова: социально-психологический анализ портретной живописи, который был проведен в 70-80-х гг.

Материалом первого исследования послужили работы, представленные на выставке «Портрет в русской живописи конца XIX-начала XX в.». Выставка состоялась в 1975 г. (Русский музей). Психологи проанализировали 154 работы, 44 — выдающихся мастеров портретного жанра (И. Е. Репин, Н. Н. Ге, В. А. Серов, М. А. Врубель и др.), причем были использованы лишь работы художников-мужчин.

Чаще всего героями изображений в работах русских художников были артисты, музыканты, живописцы, скульпторы, писатели, поэты; очень

редко изображались рабочие, крестьяне (крестьяне — чаще), дети (но девочки чаще мальчиков). Очень много было автопортретов. То есть живописцы (как и советские писатели) обращались к своей собственной среде и через окна своей квартиры, особняка и т. п. смотрели на остальной мир.

Хотя число женских и мужских портретов было примерно **одинаково** (соответственно 83 и 71), однако на 2/3 женских портретов не было намека на социальную или профессиональную роль женщины. Портретистки изображали преимущественно молодых женщин и девушек, мужчин средних и пожилых лет, чаще всего — своих сверстников. Молодых женщин (что естественно) живописцы с большим удовольствием и чаще всего изображали в любом возрасте. В **мужчине** их больше интересовал **социально-профессиональный** статус и «психология», поэтому преобладают погрудные, головные или поясные портреты. Ценя женскую красоту, портретисты рисуют либо женскую фигуру в целом, либо дают портрет по колено, реже — поясной.

В. Е. Семенов отмечает, что женские портреты более декоративны, а мужские — более психологичны.

Продолжением этого исследования стал анализ портретов советских живописцев (70-х гг.). Материалом послужили портреты с выставки академиков Академии художеств СССР, которая проходила в 1976 г. в Ленинграде. Психологи **проанализировали** 30 мужских и 30 женских портретов, которые были выполнены живописцами-мужчинами.

Как и в XIX в., на портретах было много представителей художественной интеллигенции. Но появились и отличия — **основную** группу изображаемых составили представители науки и техники. Снизилось **относительное** число автопортретов («ячество» непристойно для советского художника) и появилось множество **портретов** представителей рабочего класса. Колхозное крестьянство представлено на портретах только представительницами прекрасного пола. Наверно, вид советского колхозника крайне невзрачен и непривлекателен, а крестьянка внушает определенные эмоции художнику своим физическим здоровьем и близостью к природе (к снопам, коровам, огороду и т. п.). И еще одно важнейшее отличие **портретов** женщин дооктябрьской эпохи от портретов советского **времени**: резко возрастает число портретов женщин с обозначенной **социально-профессиональной** ролью (соответственно 35,5% и 60%). Советская власть, включив женщину в процесс **общественного** производства и отодвинув на второй план ее роль как **матери**, жены и возлюбленной, изменила нормативный образ женщины в **общественном сознании**. Что добросовестно и отразилось на своих полотнах социалистические реалисты. Хотя число портретов мужчин с определенной профессией все равно как и в XIX в. превышает таковые среди женских портретов.

Но самое главное, о чем и говорит В. Е. Семенов: характеристики портретируемых мужчин и женщин по возрасту и целостности изображения облика стабильны во времени. Всегда — и в прошлом, и в нынешнем веке, и в будущем — мужчины предпочитают и будут предпочитать изображать молодых женщин и мужчин среднего и пожилого возраста.

В женщинах мужчины-портретисты ценят не только лицо, но более фигуру, одежду, аксессуары, поэтому изображают женщин в полный рост либо по колени. В мужчинах для них важнее психологические качества, поэтому основное внимание уделяется изображениям головы, а реже — погрудным или поясным портретам.

Любопытно, что способы изображения портретистами-мужчинами не зависят от эпохи и от культуры, к которой принадлежит живописец: в работах французских художников проявляются те же тенденции, что и в русских (анализ 117 портретов из собрания французской живописи, хранящихся в Эрмитаже).

Иллюстрированные журналы США и ФРГ также изображают женщину в полный рост, мужчину представляют лишь его лицом. Понятно, что журналы делаются мужчинами и для мужчин.

Последний цикл социально-психологического исследования портретов В. Е. Семенов с сотрудниками провел в конце 80-х — начале 90-х гг.

Были отобраны 52 работы — портреты или изображения, приближающиеся к портретам. Из них для окончательного анализа исследователи использовали 35 (15 принадлежали авторам-женщинам и 20 — авторам-мужчинам). Женщины изображали преимущественно женщин! Мужчины женщинами были изображены всего на 4 портретах.

Портреты с выставки были дополнены 30 портретами из альбома «Молодые живописцы 70-х гг.» (10 выполнены женщинами и 20 мужчинами). Тенденции изображения женщин и мужчин сохранились на протяжении двух веков: и в наше время в мужских портретах чаще всего указывается профессиональная роль персонажа, чем в женских; живописцы чаще изображают представителей художественно-артистической среды, чем других слоев.

Однако исследователи все же заметили, что социально-профессиональный статус персонажей становится менее значимым. Мужчин чаще стали изображать в полный рост, чем в XIX в. Женщин обнаженными и полубнаженными изображают не только мужчины, но и женщины.

В. Е. Семенов видит в этом проявление декоративного, предметного и депсихологизированного подхода к изображению человека, характерного для современного искусства:

«Обобщая наши наблюдения над живописью с конца XIX в. до настоящего времени, **МОЖНО** вывести некоторую условную закономерность изменения в ней **образачеловека**: человек **разумный** одухотворенный, «**психологический**» (многообразные формы реализма); человек менее психологичный, скорее, его декоративное изображение, порой как некоего прекрасного растения (импрессионизм); человек примитивный, гротескный, подчеркивание животных начал и инстинктов в человеке (фовизм, экспрессионизм, различные виды примитивизма); человек геометризированный, схематизированный, порой двухмерный (футуризм, кубизм, супрематизм и т. п.); человек мистифицированный, психопатологически, галлюцинаторный (символизм, сюрреализм); отсутствие образа человека, только его знак, след (разновидности абстракционизма, концептуализма); **человек-вещь**, робот, муляж, порой фотографически изображенный, но не одушевленный (поп-арт, фотореализм, гиперреализм и т. п.).

Таков **путь обесчеловечивания**, обездушивания образа человека в модернистском **искусстве**¹.

В отличие от петербургских психологов мы ставили перед собой иную исследовательскую задачу. Нас интересовали не особенности отношения художника-творца к человеку, проявляющиеся в особенностях творческого продукта, а репрезентация в произведении индивидуальных представлений о системе отношений между людьми (семейных отношений). При этом я полагал, что индивидуальные неосознаваемые представления художника являются следствием коллективных представлений той социокультурной общности, к которой художник принадлежит.

«Семейный портрет» — довольно распространенный жанр в европейской живописи. И у него есть предыстория. Она — в раннехристианской иконописи. Типовым сюжетом на иконах средневековых западноевропейских художников стало изображение Святого семейства: Девы Марии, младенца Иисуса Христа и Иосифа Обручника. Реже вместе с ними изображается Святая Анна и другие библейские персонажи.

Если мы обратимся к русской иконописной традиции, то с удивлением обнаружим, что подобный сюжет практически полностью отсутствует на иконах. Можно найти многочисленные иконы Бога Отца, Иисуса Христа (который по внешним признакам не отличим от первого). Чаще всего изображался «Спас в силах». Но еще распространеннее было изображение Богородицы с младенцем — «матери-одиночки». Бог Отец высоко и далеко, он занят другими, не семейными заботами. Мать осталась наедине с младенцем и должна заботиться

¹ *Семенов В. Е.* Искусство как **межличностная** коммуникация. СПб., 1995, с. 105.

о нем. До Отца не докричаться и не достучаться, а осталось лишь уповать на его милость.

Традиции русской иконописи ярче, чем может показаться поверхностному наблюдателю, демонстрируют особенности типа семьи, сложившейся в православной культуре. Из этого следует простой вывод: значимость института нуклеарной семьи в российской православной культуре по сравнению с западноевропейской христианской культурой была очень мала. Семья, семейные отношения, связь «отец-мать», «отец-дети», ценность этих отношений не была закреплена нормативно в коллективных представлениях русских людей. По крайней мере значимость этих отношений была гораздо ниже значимости отношения власти отца над женой и детьми и отношения эмоциональной близости матери и ребенка.

В живописи художников стран западноевропейской культуры сюжет «Святое семейство» преобладал над изображением Марии с младенцем Христом, особенно начиная с эпохи Раннего Возрождения.

Предположим, что предыдущие теоретические рассуждения верны. Из них следует, что и светский семейный портрет будет отражать особенности семейных отношений, характерных для той культуры, к которой принадлежит художник. Кроме того, основные каноны изображения семьи сохраняются на протяжении веков.

Для анализа психологических отношений в семьях, изображенных на портретах, был использован известный в психологии тест «Рисунок семьи». Его обычно применяют при диагностике структуры отношений в конкретной, реальной семье.

Художник — человек со своими страстями, способностями, достоинствами и недостатками — является носителем коллективных норм и представлений о семье и смотрит на реальные отношения через призму этих норм.

Итак, проективный тест «**РИСУНОК** семьи» мы применим не вполне по назначению. Традиционно эта методика применялась для анализа эмоциональных отношений в конкретной семье при психологическом консультировании. «Рисунок семьи» является классической методикой из группы методик изучения продуктов творчества. К ним относятся тест рисования фигуры человека, тест «Рисунок дерева» К. Коха и т. д. Существует масса модификаций процедуры применения теста «Рисунок семьи». Авторы этой методики считали, что, изображая семью, ребенок как бы проецирует, выносит во вне систему отношений себя с другими членами семьи и свое понимание отношений между ними.

Наиболее полно процедура проведения теста и интерпретации рисунка описаны в работах Г. Т. Хоментausкаса. Среди психодиагностов нет единого **МНЕНИЯ** о том, кто и когда первым предложил использовать ресурсы семьи в психодиагностических целях. Так, И. Ширм и К. Рассел считают, что эта методика впервые была предложена В. Халсом¹ в 1951 г., а позднее подробно описана М. Резниковым².

Другие авторы считают, что развернутую систему анализа и интерпретации рисунка семьи предложил В. Вульф в 1947 г. Тестом «Рисунок семьи» пользовались многие отечественные исследователи и практики, в частности: А. И. Захаров, Е. Т. Соколова, В. С. Мухина, В. К. Лосева, А. С. Спиваковская и др.

Одна из **МОДИФИКАЦИЙ** процедуры такова. Ребенку дают лист бумаги и карандаш (также вариант — цветные карандаши или фломастеры) и просят нарисовать свою семью, включая себя. Или же ему просто дается инструкция: нарисовать семью. И. Ширм и К. Рассел считают второй вариант инструкции более подходящим, так как он дает ребенку большую свободу для выражения своих **ЧУВСТВ**. Рисунок отражает семейную ситуацию ребенка и легко интерпретируется. После того как ребенок закончит работу, его просят назвать фигуры, которые он нарисовал. Исследователь фиксирует последовательность, в которой фигуры были нарисованы.

Распространена и другая модификация теста. Ребенку предлагают сделать два рисунка. Сначала его просто просят нарисовать свою семью, а затем **Предлагают** сделать рисунок **СЕМЬИ**, когда все ее члены делают что-либо вместе.

Наконец, существует еще один способ применения методики «Рисунок семьи». Тест проводится не только с ребенком, но и с родителями (одним или обоими). Это позволяет сравнивать точки зрения отца, матери и детей на ситуацию в семье и отношения друг к другу.

Существует немало **РАЗЛИЧНЫХ** систем интерпретации рисуночного теста семьи. Отечественные психологи чаще всего пользуются схемами, которые предложены В. К. Лосевой и Г. Т. Хоментausкасом. Последний считает нужным анализировать «Рисунок семьи» по 3 уровням. На первом уровне **ВЫЯВЛЯЕТСЯ** и интерпретируется обобщенная структура рисунка. На втором уровне дается интерпретация графиче-

¹ *Hulse W. C.* The emotionally disturbed child draws his family. *Quarterly Journal of Child Behavior*, 1951, 3, p. 152-174; *Hulse W. C.* Childhood conflict expressed through family drawings // *Journal of Projective Techniques*, 1956, 12, p. 167-169.

² *Reznikoff M. & Reznikoff R.* The family drawing test: A comparative study of children's drawings // *Journal of Clinical Psychology*. 1956, 12, p. 167-169.

ских изображений отдельных членов семьи. И третий уровень заключается в анализе процесса рисования. Естественно, если мы имеем дело с уже готовым продуктом художественного творчества (например, с семейным портретом), то третий уровень анализа исключается.

При интерпретации теста используется очень много отдельных более или менее значимых признаков рисунка. Нас интересовали лишь некоторые, а именно те, которые предположительно представляют три основных типа отношений в семье:

- 1) власть-подчинение;
- 2) ответственность;
- 3) эмоциональную близость.

Графические характеристики, которые соответствуют этим типам отношений, и выделялись при анализе портретов. Главными среди них были следующие.

1. Расстояние между персонажами (линейная дистанция). Оно представляет «психологическую ДИСТАНЦИЮ». Эмоциональная близость-отдаленность людей отображается в символической ситуации через линейные расстояния. О том же свидетельствует и контакт фигур. Персонажи, представленные на рисунке, касающимися друг друга руками и т. д., более эмоционально близки, чем изолированные и не прикасающиеся друг с другом.

В. К. Лосева отмечает, что принцип отображения эмоциональной близости в линейной дистанции распространим как на отношения между людьми, так и на отношения людей к предметам. Речь идет о перцептивной линейной дистанции на плоскости холста, а не в пространстве, изображаемом на холсте.

2. Величина фигур и относительная высота их расположения. Обычно полагают, что наиболее высоко расположен персонаж, который властвует в семье. Причем он может быть и маленьким по линейному размеру. Ниже всех расположен тот, чья власть в семье минимальна.

Возможна и другая интерпретация. Предположим, что не власть, а ответственность выражается высотой расположения персонажа. Между тем как власть-подчинение отображаются в показателе «центральности» положения персонажа. Доминирующие члены семьи располагаются в центре и на переднем плане, а подчиненные — на периферии изображения или на втором и третьем планах.

При интерпретации семейных портретов выделялись и анализировались следующие признаки:

1. Состав семьи.
2. Пространственное расположение фигур на картине.
 - 2.1. Ближний/дальний план. Центр композиции.
 - 2.2. Расстояние между членами семьи.
 - 2.3. Наличие каких-либо предметов между членами семьи.
 - 2.4. Взаимная ориентация фигур.
 - 2.5. Ориентация фигур относительно зрителя.
 - 2.6. Наличие изолянтов.
 - 2.7. Деление членов семьи на группы.
3. Особенности графической презентации фигур на картине.
 - 3.1. Величина фигур.
 - 3.2. Пропорции.
 - 3.3. Поза, жесты, мимика, **ПАНТОМИМИКА**.
4. Вид изображения.
 - 4.1. На фоне пейзажа, в интерьере.
 - 4.2. Статическое (или динамическое изображение).
5. Эмоциональный фон,
6. Наличие контакта, включенность в общее действие.

Нам удалось проанализировать несколько десятков семейных портретов. Причем меньшая часть из них относится к западноевропейской живописи, а **БОЛЬШАЯ** — к русской. Цифры говорят не о том, что в России чаще встречался семейный портрет как вид. Совсем наоборот. В течение всего XVIII в. семейный портрет в русской живописи практически не встречается. Появляется семейный портрет как вид лишь на примитивах провинциальных художников в начале XIX в. Но на них изображены не нуклеарные, а **«БОЛЬШИЕ»** семьи — семьи купцов и состоятельных мещан. А семейные портреты русского европеизированного дворянства на протяжении XIX-XX вв. встречаются крайне редко.

Недостаток статистики по западноевропейскому семейному портрету объясняется тем, что в нашем распоряжении были лишь альбомы и каталоги, хранящиеся в Российской государственной библиотеке. Поэтому исследование можно рассматривать лишь в качестве предварительного. Но кое-какие выводы из него сделать все же можно.

Как правило, в живописи западноевропейских художников отражается «земная» модель христианской семьи — «Святое семейство». Изображения Девы Марии, младенца Иисуса Христа и Иосифа послужили моделью для развития семейного портрета. Особенно часто этот

мотив присутствует в живописи художников эпохи Возрождения и эпохи Реформации.

Характерна картина Рембрандта «Святое семейство». На нем изображены Иосиф Обручник, Мария и младенец Иисус. Иосиф (наиболее высоко расположенная фигура) несет ответственность за семью, но изображен на заднем плане (позиция подчинения). На первом плане — главный, доминантный член семьи — Иисус Христос в колыбели. Четко видна противоположность иерархии ответственности, выраженная высотой персонажа и иерархии доминирования, которая проявляется центральностью-периферийностью размещения фигур. Младенец ближе к матери, чем к отцу — ближе линейно и психологически. Та же противоположность иерархий доминирования и ответственности ярко видна и на картине Рубенса «Святое семейство» (1636—1638). Детоцентрическая семья «Святое семейство» изображена и на многих картинах испанских мастеров. Примерами могут служить «Святое семейство» Эль Греко и «Отдых на пути в Египет» Мурильо. На них в деталях воспроизведена та же структура семейных отношений детоцентрической семьи, что и на картине Рембрандта. Правда, Эль Греко выделил значение Девы Марии. Внимание зрителя фокусируется на ее образе. Культ Марии характерен для католических романоязычных стран (Испания, Италия, Франция, Португалия) в большей мере, нежели для обращенной в протестантизм Голландии.

Продолжает эту традицию Ж. О. Энгр. На его холсте изображена реальная **СЕМЬЯ**, а не персонажи Библии, но схема та же. В центре композиции «Семья Гийон-Летьер» воспроизведен канон «Мария с младенцем Христом на руках», но изображение ребенка включено в контур изображения отца. Отец — выше и несет ответственность за семью. Ребенок ближе к отцу и является центром композиции. Модель западнохристианской семьи воспроизводится в мельчайших деталях.

Еще одним примером может служить «Семейный портрет» Антониса Ван Дейка. Ребенок изображен на руках у матери, но ориентируется на отца, стремится к нему, да и отец несколько выдвинут на передний план. Отец уже является центром композиции. Он не только ответственен, но и доминирует в семье. Структура семейных отношений соответствует модели протестантской семьи.

Итак, гипотеза о структуре католической семьи, в которой иерархия ответственности противоположна иерархии доминирования, находит полное подтверждение в результатах анализа семейных портретов.

В русской живописи канон «Святое семейство» практически отсутствует. Редкой и достаточно поздней его реализацией является «Крес-

тьянская семья» П. Н. Филонова (1914). Но изображение очень своеобразно! На первый взгляд, здесь представлена **МОДЕЛЬ** детоцентрической семьи, **ЯВНЫЙ** перифраз «Святого семейства» (Рубенс, Рембрандт и пр.). Но лишь на первый взгляд. Отец — на первом плане (доминирует, по нашей гипотезе), но он ниже всех. Выше — мать, поскольку именно она несет ответственность за семью. Чуть ниже — младенец. И вместе с тем мать изображена на заднем плане с младенцем на руках. Опять мы видим противоположность ответственности и доминирования, но характерную для поздней русской нуклеарной семьи. Отец — главный, но **за дела** семьи не отвечает. Может, в этом и была одна из предпосылок большевизма?

Введение норм протестантизма отразилось на семейной морали и, как следствие, на семейном портрете. Пожалуй, не было живописца более популярного среди верхов третьего сословия во Франции середины XVIII в., чем Ж.-Б. Греза. Д. Дидро считал Греза наиболее «нравственным живописцем», выразителем мировоззрения третьего сословия, противопоставляя его картины творениям «безнравственного» Буше. Одной из наиболее известных картин этого художника является композиция «Паралитик, или Плоды хорошего воспитания». На картине Греза изображен идеал протестантской буржуазной семьи: в центре и **зрительно выше (!)** всей прочей родни отец — глава семейства. Все склонились к нему. Дети-наследники окружают отца. Жена в отдалении.

В русской живописи представлены два типа семьи: купеческая семья («большая» семья) и аристократическая семья. Причем аристократическая семья представлена двумя вариантами. Либо живописец изображает аномальную языческую семью с доминирующей матерью и не несущим никакой ответственности отцом. Либо на картине мы видим семью одного из западноевропейских типов. В Ярославском историко-архитектурном музее-заповеднике, в Государственном Русском музее представлены купеческие **семейные** портреты. Все они изображают «большую» **семью**, где **представлены 3–4** поколения. Характерен «Портрет купеческой семьи» (первая половина XIX в.) работы неизвестного художника (г. Ярославль). На переднем плане изображены главы семьи — «большак» и «большуха». Они сидят в центре, все другие члены семьи **окружают** их. Возвышаются над всеми несущие ответственность кормильцы семьи — старшие сыновья и/или зятья.

Христианская русская аристократическая семья представлена на «Автопортрете с **семьей**» Ф. П. Толстого (1890). В своих записках автор говорит о картине:

«На первом плане, у стены, на которой висит картина Вернита Старшего, стоит диван, перед ним круглый стол, покрытый зеленым сукном. На этом диване и около стола расположена многосемейная группа — жена моя, две малолетние дочери и я сам, занимающийся лепкой статуи молодого человека со **ЛЬВОМ**».

Надо думать, что автор не случайно определил такую последовательность перечисления членов семьи — она характеризует их значимость в общей структуре отношений. Супруги отделены друг от друга в пространстве. Между ними расположена старшая дочь. Причем дочери расположены ближе к матери, чем к отцу. Они находятся по разные стороны от матери. Разделение супругов подчеркивается тем, что между ними нарисован стол. И вместе с тем семья, которая изображена на картине, представляет собой единую группу: она замкнута, взгляд жены обращен в сторону мужа, изолянтов на картине нет. Мать доминирует в семье, ее фигура изображена в полный рост, графически значительно выше всех членов группы. Активность матери подчеркнута тем, что одета она в яркое красное платье. Отец занят лепкой, а дочери и мать находятся в контакте. Изображение статично и эмоциональный фон его нейтральный.

Вспомним «Святое семейство» Рембрандта: на картине изображены Иосиф, занятый плотницким делом, и Мария, которая заботится о младенце. Картина Ф. Толстого перефразирует канон «Святого семейства», с той лишь разницей, что в его семье нет мальчика, поэтому место ребенка — центра семьи — вакантно. Доминирует не ребенок, а мать-жена. Интересно, что старшая дочь занимает центр картины, но изображена на заднем плане, и как она смущенно и неуверенно смотрит в этом положении на этом месте!

Первые толчки социальной тверди, предвестия землетрясения Россия ощутила в 70–80-е гг. XIX в.

И в русской живописи **появляются произведения**, отражающие конфликт «отцов и детей». Симптомы крушения православной морали, а вслед за тем — и православной модели семьи проявились на полотнах великих художников.

Агрессивный характер взаимоотношений между отцом и сыном — главная психологическая канва картины Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе». Картина Н. Ге представляет сцену из жизни Петра I: он допрашивает в Петергофе в маленьком дворце своем **Монплезире** сына своего, царевича Алексея, вороченного из бегства его в Австрию и Неаполь. Картина иллюстрирует напряженные взаимоотношения отца и сына, причем здесь отражается явно деспотичное отношение доминирующего отца к субдоминантному

сыну. Это наводит на мысль о подтверждении этой картиной типа взаимоотношений отца и сына в православной модели семьи (отец доминирует, сын значительно ближе к матери, чем к отцу). Картина замечательна еще и тем, что с именем Петра I связано проникновение западноевропейской культуры в Россию (**И**Вчастности протестантской морали семейных отношений).

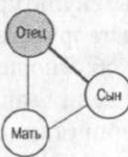
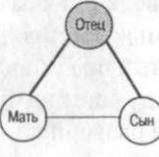
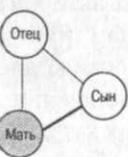
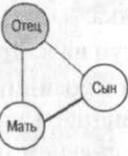
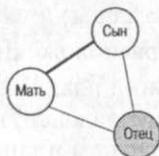
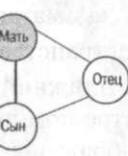
В 1885 г. Илья Ефимович Репин написал картину «Иван Грозный и сын его Иван, 16 ноября 1581 года». В просторечии ее называют иначе: «Иван Грозный убивает своего сына».

Жестокость отцов по отношению к детям вызвала отдачу: бунт «детей» — молодых крестьянских парней, получивших наган или маузер, против **«ОТЦОВ»** в 1917 г.

Собственно сам семейный портрет редко представлен в российской живописи. Чаще семья — предмет жанровых картин. Как правило, изображается конфликт. Например, на картине В. Н. Бакшеева «Житейская проза» (1892–1893, ГРМ) изображена семья: отец, мать и взрослая дочь. Все члены семьи сидят на значительном расстоянии друг от друга, причем между ними преграда — стол. Если физически (с учетом перспективы) и дочь и мать ближе к отцу, чем к друг другу, то перцептивно они образуют «двойную фигуру», противоположную отцу. Членов семьи разделяет стол. Отец ориентирован в сторону дочери, но на нее не смотрит. Вообще все члены семьи избегают перцептивных контактов и, напротив, **ОТЧУЖДЕНЫ**. Хотя семья и представляет собой единую группу, живущую своими проблемами (изолянтов нет, к зрителям), но ее члены не **ВЗАИМОДЕЙСТВУЮТ** друг с другом. Отец явно занимает ответственную позицию: его фигура перцептивно нарисована выше других. Он пытается закурить, поза выражает сдержанный гнев. Мать удрученно наливает чай в блюдце. Поза и мимика дочери выражает усталость и безнадежное раздражение. Явно произошла ссора отца с дочерью, которая пытается доминировать в ситуации (изображена на переднем плане). Мать занимает позицию невмешательства. Может быть, причина конфликта в том, что субъекты «доминирование» и «ответственность» не совпадают в одном лице?

Советское изобразительное искусство изобилует образцами творчества, в которых представлены следствия воплощения коммунистической идеологии. Символ эпохи — «Рабочий и колхозница» В. И. Мухиной устремились куда-то в экстагическом порыве с серпом и молотом. Женщина ничуть не уступает мужчине в физической мощи и энтузиазме. В принципе, советской женщине мужчина (по крайней мере в работе) не нужен. Маскулинизация женщин стала идеалом советской

Таблица 2. Модели психологических типов семьи в христианской культуре

	Протестантская модель семьи (ветхозаветная)	Католическая модель семьи (ветхозаветная)	Православная модель семьи (XIX века)
Доминирование ↑			
	Православная модель семьи (XVI–XVII века)	Святое семейство, детоцентрическая семья (евангелистская)	Советская семья
Доминирование ↑			

культуры, воспроизвела языческий идеал женщины. Пример — картина А. А. Дейнеки «На стройке новых цехов»: могучие женщины ворочат тяжелые вагонетки.

Войны и революции привели к массовой **безотцовщине**. Как вспоминал Сергей Довлатов, живой отец считался некоторым излишеством, буржуазной роскошью.

Картина Ф. П. Решетникова «Опять двойка» помимо воспитательных намерений автора характеризует ситуацию, которая складывается в аномальной неполной семье. Мальчик встречает сочувствие лишь у собаки. Мать и старшая сестра, объединившись, с укором смотрят на

него. Отца нет, значит, нет образца для подражания и формирования ответственного мужского поведения.

Куда пойдет постсоветская Россия и постсоветская семья? Искусство сегодняшнего дня не дает ответа. И дать (учитывая его особенности) не может. Но в исторической перспективе мы видим, что типы психологических отношений в семье находят отражение в искусстве. Принадлежность авторов произведений к различным культурам определяет их взгляд на структуру семьи. По продуктам творчества можно изучать особенности коллективных представлений об отношениях в семье.

А в заключение приведу еще ряд произведений западноевропейских и русских художников и развернутые интерпретации отношений в семьях, изображенных на картинах, в терминах методики «Анализ рисунка семьи». Интерпретации сделаны дипломницей МГУ, а ныне аспиранткой Института психологии РАН Е. М. Слободиной, которую я как научный руководитель благодарю за работу и предоставленные материалы.

МАРГАРЕТ ЖЕРАР. «Материнство». 1800–1810гг. (ГМИИ)

Выделяемые признаки

1. Состав семьи

На картине изображена полная семья, состоящая из трех человек: отца (мужа), матери (его жены) и их ребенка.

2. Пространственное расположение фигур на картине

2.1. Ближний/дальний план. Центр композиции

В центре композиции младенец, находящийся на руках у матери. Они изображены на переднем плане. На дальнем плане — молодой отец семейства.

2.2. Расстояние между членами семьи

Отец находится на расстоянии от своей жены с ребенком, в то время как мать с ребенком наиболее близки друг к другу.

2.3. Наличие каких-либо предметов между членами семьи

2.4. Взаимная ориентация фигур

Вся фигура матери обращена к младенцу, а взгляд отца направлен в сторону жены с ребенком.

2.5. Ориентация фигур относительно зрителя

Взгляд младенца обращен в сторону зрителя.

2.6. Наличие изолянтов

Изолянтом на картине является отец.

В. А. Голице. Портретная группа

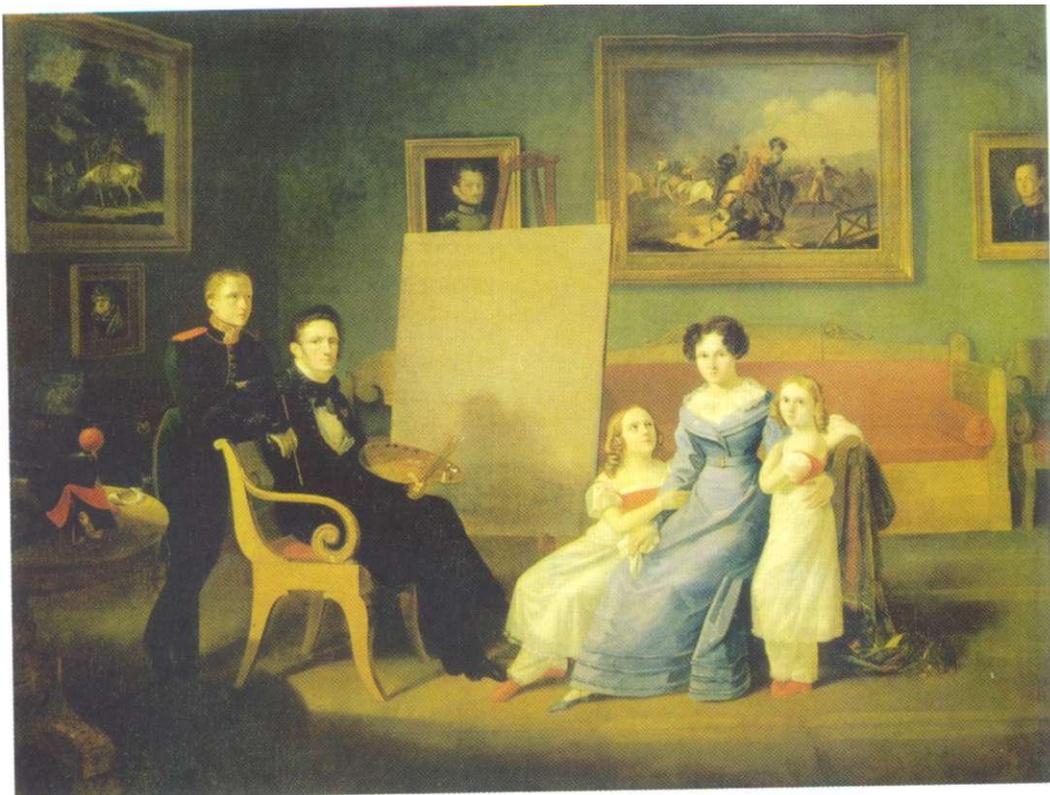
Н. Ларжильер. Автопортрет с семьей

А. П. Рябушкин. Семья купца в XVII веке

К. Л. Пржецлавский Семейство бедного художника и покупатель картин

А. О. Дезарно-старший Семейный портрет художника

Ван Дейк. Семейный портрет

2.7. Деление членов семьи на группы

Мать с ребенком представляют как бы отдельную группу по отношению к отцу.

3. Особенности графической презентации фигур на картине

3.1. Величина фигур

Фигура отца несколько выше фигур остальных персонажей. Но по объему фигура матери занимает более значительное место, чем фигура отца. По высоте фигуры матери и младенца находятся практически на одном уровне за счет того, что мать поднимает ребенка на руках до своего уровня.

3.2. Пропорции

3.3. Поза, жесты, мимика, пантомимика

Мать прижимает ребенка к себе и с нежностью его целует.

4. Вид изображения

4.1. В интерьере

4.2. Статическое (или динамическое) изображение

5. Эмоциональный фон

Эмоциональный фон скорее позитивный.

6. Наличие контакта, включенность в общее действие

Тесный контакт матери с младенцем резко контрастирует с отсутствием контакта с молодым отцом семейства.

Заключение. На картине изображена типичная *детоцентрическая семья*. Доминирует в семье ребенок, затем мать, отец субдоминантен. В картине воспроизводится канон «Мария с младенцем Христом на руках».

А. О. АЕЗАРНО-СТАРШИЙ. «Семейный портрет художника». 1827г. (ГРМ).

Автор картины — француз по происхождению. Его можно встретить в истории русского искусства в разделе «Россика» — он жил и работал в России почти 18 лет.

Выделяемые признаки

1. Состав семьи

На картине изображена полная семья, состоящая из пяти членов: отца (автора произведения), его жены, их двух дочерей и сына (А. А. Дезарно-младший).

2. Пространственное расположение фигур на картине

2.1. Ближний/дальний план. Центр композиции

В центре **КОМПОЗИЦИИ** расположен мольберт с находящимся на нем **ХОЛСТОМ**.

2.2. Расстояние между членами семьи

Фигуры автора картины и его жены расположены в отдалении друг от друга. Дочери находятся очень близко от матери (и, соответственно, значительно дальше от отца), а сын стоит рядом с отцом (за его спиной) и далеко от матери.

2.3. Наличие каких-либо предметов между членами семьи

Между матерью с дочерьми и отцом с сыном стоит мольберт с холстом.

2.4. Взаимная ориентация фигур

Взгляд одной из дочерей направлен в сторону матери, она пытается как бы заглянуть ей в лицо. Сын, стоящий за спиной отца, ориентирован в его сторону. Остальные члены семьи ориентированы на зрителя.

2.5. Ориентация фигур относительно зрителя

Взгляд автора картины, его жены и одной из дочерей направлен на зрителя.

2.6. Наличие изолянтов

2.7. Деление членов семьи на группы

На этой картине отчетливо видно деление семьи на две группы: 1) мать с дочерьми и 2) отец с сыном.

3. Особенности графической презентации фигур на картине

3.1. Величина фигур

Фигура сына (стоит в полный рост) превосходит по высоте фигуры остальных членов семьи.

3.2. Пропорции

3.3. Поза, жесты, мимика, пантомимика

Автор картины с женой сидят в креслах. У отца в правой руке — кисть, а в левой — палитра. Сын стоит за спиной отца. Одна из дочерей стоит рядом с матерью с левой стороны от нее, другая сидит с правой стороны от **матери**.

4. Эмоциональный фон

Эмоциональный фон нейтральный, положительные эмоции не выражены.

5. Наличие контакта, включенность в общее действие

Можно отметить наличие тесного контакта между одной из дочерей и матерью (дочь держит за руку мать), другую девочку мать обнимает. Между детьми контакта нет.

Заключение. На картине представлен типичный вариант *протестантской модели* семьи (см. сравнительную схему): тесная связь между отцом и сыном, сын доминирует, мать с дочерьми отдалены от них. Это прекрасная иллюстрация проникновения протестантского типа семейных отношений в русскую дворянскую культуру.

ФРАНСИСКО ГОЙЯ. «Семья герцога Осуна». 1788г. (Мадрид, Прадо)

На картине Гойи — образ *католической семьи*. Особенно хорошо заметна выраженность ответственности отца (герцога Осуна) за свое семейство (его фигура значительно выше фигур остальных персонажей). Мать с детьми образуют две группы, равноудаленные от фигуры отца: это мать с маленькими детьми с одной стороны и старшая дочь с другой стороны. Все члены семьи расположены достаточно близко друг к другу, что свидетельствует о психологической близости, существующей между ними. Особо следует подчеркнуть близость отца и старшей дочери — такие отношения практически отсутствуют на картинах, на которых изображены протестантские типы семейных отношений.

Интересно отметить, что на этой картине прослеживается тенденция, характерная для семейных отношений в позднем католицизме. Модель семьи преобразуется в *СТОРОНУ* паритетности отношений «ребенок, мать, отец» и даже в направлении уменьшения доминантной роли отца при сохранении его ответственности за семью.

Ф. М. СЛАВЯНСКИЙ. «Семейная картина (На балконе)». 1851г. (ГРМ)

Выделяемые признаки

1. Состав семьи

На картине изображена полная семья, состоящая из пяти членов: отца (мужа), матери (жены), троих детей. На рисунке также изображена женщина, занимающаяся воспитанием детей (гувернантка, няня).

2. Пространственное расположение фигур на картине

2.1. Ближний/дальний план. Центр композиции

На ближнем плане нарисована девочка (дочь). На дальнем плане — мать с младшим ребенком.

2.2. Расстояние между членами семьи

Отец, мать и няня равноудалены друг от друга (их фигуры на картине расположены в форме треугольника). Старший сын находится между родителями и няней, но чуть ближе к отцу. Дочь находится близко к няне и одинаково далеко от отца и матери (дальше, чем старший сын). Младший ребенок — на коленях у матери.

2.3. Наличие каких-либо предметов между членами семьи

2.4. Взаимная ориентация фигур

Отец обращен в сторону младшего ребенка, сидящего на коленях у его жены. Старшие дети не ориентированы друг на друга.

2.5. Ориентация фигур относительно зрителя

На зрителя взгляд обращен только у дочери.

2.6. Наличие ИЗОЛЯНТОВ

2.7. Деление членов семьи на группы

На этой картине можно выделить 2 группы: это двое старших детей, находящихся под наблюдением няни, и обращенные друг к другу отец и мать (у которой на руках находится младший ребенок).

3. Особенности графической презентации фигур на картине

3.1. Величина фигур

По высоте фигура отца превосходит остальных членов семьи.

3.2. Пропорции

3.3. Поза, жесты, мимика, пантомимика

Отец стоит, повернувшись в сторону жены с ребенком, его правая рука на бедре, в левой — палитра. Старший сын сидит верхом на игрушечной лошади. Все женские персонажи на этой картине сидят.

4. Вид изображения

4.1. На фоне пейзажа, в интерьере

4.2. Статическое (или динамическое) изображение

Взрослые члены семьи изображены в статичных позах. Дети — в движении.

5. Эмоциональный фон

Общий эмоциональный фон позитивный.

6. Наличие контакта, включенность в общее действие

Фигуры всех членов семьи (не считая матери с младенцем на руках) изображены отдельно друг от друга. Старшие дети увлечены игрой, но при этом каждый из них играет в свои игрушки.

**Н. ЛАРЖИЛЬЕР. Автопортрет с семьей. Ок. 1710–1712г.
(Париж, Лувр)**

Выделяемые признаки

1. Состав семьи

На картине изображена семья, состоящая из трех членов: отца (мужа), матери (жены) и дочери.

2. Пространственное расположение фигур на картине

2.1. Ближний/дальний план. Центр композиции

В центре композиции изображена дочь. Все члены семьи расположены на переднем плане, отец чуть ближе.

2.2. Дистанция между членами семьи

Дистанция между мужем и женой больше, чем между матерью и дочерью. Дочь изображена между отцом и матерью, хотя ближе к матери, чем к отцу.

2.3. Наличие каких-либо предметов между членами семьи

Предметы, разделяющие членов семьи, отсутствуют.

2.4. Взаимная ориентация фигур

Фигура и взгляд матери обращены в сторону мужа, фигура дочери также ориентирована в сторону отца, хотя взгляд направлен вверх.

2.5. Ориентация фигур относительно зрителя

Взгляд отца направлен на зрителя.

2.6. Наличие ИЗОЛЯНТОВ

—

2.7. Деление членов семьи на группы

Семья представляет собой единую группу.

3. Особенности графической презентации фигур на картине

3.1. Величина фигур

По высоте все персонажи равновелики, хотя фигура дочери чуть выше остальных членов семьи.

3.2. Пропорции

3.3. Поза, жесты, мимика, пантомимика

4. Вид изображения

4.1. На фоне пейзажа

4.2. Статическое изображение

5. Эмоциональный фон

Общий эмоциональный фон скорее позитивный.

б. Наличие контакта, включенность в общее действие

Все члены семьи слушают пение дочери.

Заключение. На картине отражена *католическая модель семьи* (мать ориентирована больше на отца, хотя ближе к дочери), однако здесь уже заметно влияние протестантских семейных нравов, получивших распространение среди французской аристократии в XVIII в.

В. А. ГОЛИКЕ. Портретная группа. 1834г. (ГРМ)

Творческая биография художника неразрывно связана с работой приехавшего в Россию английского портретиста Дж. Доу, изображенного на полотне рядом с автором. Голике проработал в мастерской Доу 6 лет, сделав за это время колоссальное количество копий его работ. К английскому живописцу автор явно испытывал привязанность.

Выделяемые признаки,

1. Состав семьи

На картине изображена семья, состоящая из пяти человек: автора картины, его отца, двух его детей и жены (не считая изображенного рядом с автором Доу).

2. Пространственное расположение фигур на картине

2.1. Ближний/дальний план. Центр композиции

В центре композиции находится сам автор. На переднем плане изображены двое его детей. На дальнем плане расположена фигура жены.

2.2. Расстояние между членами семьи

От фигуры автора картины равноудалены фигуры его отца и Доу, причем две последние так близко расположены друг к другу, что можно предположить, что они символизируют собой объединение отца духовного (коим для автора, возможно, являлся Доу) и генетического. Дети расположены близко друг к другу, причем расстояние между ними и отцом значительно меньше, чем расстояние между ними и матерью. Фигура жены (матери) расположена одинаково далеко от всех остальных персонажей, причем если последние обращены к ней спиной, то она обращена в их сторону лицом.

2.3. Наличие каких-либо предметов между членами семьи

2.4. Взаимная ориентация фигур

Старик-отец обращен в сторону автора картины. Дети обращены лицом к отцу и спиной к матери.

2.5. Ориентация фигур относительно зрителя

На зрителя ориентированы Доу и младший ребенок автора картины.

2.6. Наличие изолянтов

Изолированной от других членов семьи выглядит фигура жены автора.

2.7. Деление членов семьи на группы

3. Особенности графической презентации фигур на картине

3.1. Величина фигур

Самая крупная по высоте и по объему фигура Доу. Очень высоко расположена фигура жены автора, но по объему она наименьшая.

3.2. Пропорции

Относительно фигур отца и особенно матери дети выглядят очень крупными.

3.3. Поза, жесты, мимика, пантомимика

4. Вид изображения

4.1. На фоне пейзажа

4.2. Дети изображены в движении, остальные фигуры статичны

5. Эмоциональный фон

Эмоциональный фон трудно определить, так как он неоднороден. Автор картины выглядит жизнерадостным и романтическим человеком. Жена же его выглядит печальной и скучающей.

6. Наличие контакта, включенность в общее действие.

Автор картины изображен рисующим, его отец наблюдает за действиями сына. Дети независимо от взрослых совместно играют.

Заключение. Эта картина иллюстрирует *протестантский тип семейных взаимоотношений*. Отец доминирует, дети ближе к нему, мать отдалена от семьи вообще, равно от мужа и от детей.

Отражение на картине близости автора и его английского наставника Доу как нельзя лучше демонстрирует проникновение западноевропейских влияний в русскую культуру (в частности, протестантской семейной морали).

А. П. РЯБУШКИН. Семья купца в XVII в. 1896г. (ГРМ).

В творчестве Рябушкина отчетливо проявились особенности русской исторической живописи конца XIX — начала XX в., отмеченной большим интересом к наиболее исконной и самобытной допетровской Руси.

Интересно отметить, что в каталоге 2-й выставки Общества художников исторической ЖИВОПИСИ, на которой впервые экспонировалась картина, она была названа «Тип купеческой семьи XVII в.». Картина дошла до нас в несколько измененном виде. Первоначально старшая дочь была изображена невестой в фате, затем художник частично переписал ее фигуру,

Выделяемые признаки

1. Состав семьи

На картине изображена полная семья, состоящая из пяти человек: купца, его жены и троих детей.

2. Пространственное расположение фигур на картине

2.1. Ближний/дальний **ПЛАН**. Центр композиции

В центре композиции — глава семейства (отец).

2.2. Расстояние между членами семьи

Супруги расположены рядом друг с другом. Мать и старшая дочь находятся по разные стороны от отца и равноудалены от него. Младший ребенок находится на руках у матери. Средняя дочь расположена рядом с матерью слева от нее, она ближе к матери, чем к отцу.

2.3. Наличие каких-либо предметов между членами семьи

2.4. Взаимная ориентация фигур

2.5. Ориентация фигур относительно зрителя

Фигуры всех членов семьи ориентированы на зрителя.

2.6. Наличие **ИЗОЛЯНТОВ**

2.7. Деление членов семьи на **ГРУППЫ**

Семья представляет собой единую группу.

3. Особенности графической презентации фигур на картине

3.1. Величина фигур

По высоте остальных персонажей превосходит старшая дочь, далее в порядке убывания по высоте следуют средняя дочь, мать, отец, младший ребенок. По объему фигура отца наиболее крупная.

3.2. Пропорции

3.3. Поза, жесты, мимика, пантомимика

Все члены семьи изображены **ГОРЖЕСТВЕННО** неподвижными, с невыразительными лицами, **СЛОВНО** позируют перед объективом.

4. Вид изображения

4.1. На фоне пейзажа, в интерьере

4.2. Статическое изображение

5. Эмоциональный фон

Эмоциональный фон трудно определить, так как лица персонажей достаточно невыразительны.

6. Наличие контакта, включенность в общее действие

Заключение. Эта картина отражает типичные *семейные отношения в купеческих семьях*, истоки которых — в языческой и православной культурной традициях. Характерно, что в портретах купеческих семей нигде не отражены связи между отцом и детьми (дети всегда отдалены от отца).

Э. ГЕРТН ЕР. Семья слесарных дел мастера Гаушильда. 1843г. (Берлин, Меркишес муzeum).

Выделяемые признаки

1 Состав семьи

На картине изображена семья, состоящая из семи человек: отца, матери, четверых детей (или троих?) и престарелой женщины (возможно, матери мужа или жены).

2. Пространственное расположение фигур на картине

2.1. Ближний/дальний план. Центр композиции

На переднем плане расположен отец с младшей дочерью.

2.2. Расстояние между членами семьи

Дистанция между супругами достаточно велика. Двое детей находятся ближе к матери, а одна из дочерей ближе к отцу.

2.3. Наличие каких-либо предметов между членами семьи

2.4. Взаимная ориентация фигур

Все дети ориентированы в сторону отца.

2.5. Ориентация фигур относительно зрителя

Взгляд жены и одной из дочерей обращен на зрителя.

2.6. Наличие изолянтов

Изолянтами на картине являются престарелая женщина и одна из дочерей.

2.7. Деление членов семьи на группы

Не считая изолянтов, на картине можно выделить две группы фигур: 1) мать с двумя детьми и 2) отец с одной из дочерей.

3. Особенности графической презентации фигур на картине

3.1. Величина фигур

По высоте фигура матери с младенцем на руках превосходит остальных персонажей, далее по высоте следуют отец с бабушкой и затем дети.

3.2. Пропорции

3.3. Поза, жесты, мимика, пантомимика

Отец гладит по голове прильнувшую к его колену дочь.

4. Вид изображения

4.1. В интерьере

4.2. Статическое изображение

5. Эмоциональный фон

Общий эмоциональный фон позитивный.

6. Наличие контакта, включенность в общее действие

Можно отметить наличие влечения детей к отцу и их взаимный контакт.

Заключение. Данная картина является иллюстрацией типичной модели протестантской **СЕМЬИ**: доминирующий отец, рядом с ним дети (даже совсем маленький ребенок, находящийся на руках у матери, тянется к отцу) и в отдалении — жена.

К. Л. ПРЖЕЦЛАВСКИЙ. Семейство бедного художника и покупатель картин. 1857 г. (ГРМ)

Выделяемые признаки

1. Состав семьи

На картине изображена семья, состоящая из четырех членов: мужа, жены, их ребенка и матери одного из супругов.

2. Пространственное расположение фигур на картине

2.1. Ближний/дальний план. Центр композиции

На переднем плане находится художник — отец семейства.

2.2. Расстояние между членами семьи

Отец расположен ближе к покупателю картин, чем к членам своей семьи. Жена с дочерью и мать расположены ближе друг к другу, чем к отцу.

2.3. Наличие каких-либо предметов между членами семьи

Предметов, разделяющих членов семьи, на картине нет.

2.4. Взаимная ориентация фигур

Отец обращен спиной к своим **ДОМОЧАДЦАМ**.

2.5. Ориентация фигур относительно зрителя

2.6. Наличие изолянтов

Изолянтов на картине нет.

2.7. Деление членов семьи на группы

Четко выраженного деления на группы нет, хотя жену с дочерью и мать можно рассматривать как группу, отдельную от самого художника.

3. Особенности графической презентации фигур на картине

3.1. Величина фигур

По высоте наблюдается следующая иерархия персонажей: отец, его жена, мать одного из супругов (бабушка), дочь.

3.2. Пропорции

Наиболее объемна фигура престарелой матери одного из супругов.

3.3. Поза, жесты, мимика, пантомимика

4. Вид изображения

4.1. В интерьере

4.2. Скорее динамическое изображение

5. Эмоциональный фон

Эмоциональный фон негативный, особенно выражен среди женских персонажей.

6. Наличие контакта, включенность в общее действие

Контакта между женскими персонажами и отцом нет.

Анекдот как зеркало русской семьи

Структура семейных отношений скрыта от внешнего наблюдения, но проявляется в продуктах деятельности: литературе, кинофильмах, музыке, живописи и т. д.

В психологии анализ продуктов деятельности является одним из самых старых и традиционных, но, к сожалению, сегодня мало применяемых методов. А напрасно: с его помощью можно добыть информацию в тех случаях, когда наблюдение или экспериментальное исследование провести невозможно.

Продукты творческой деятельности, включенные в контекст официальной или же общепризнанной легальной культуры, все же не в полной мере отражают скрытые (имплицитные) основы человеческого бытия. Кроме того, в художественном произведении проявляется индивидуально-личностный стиль автора. Оно строится по иным законам, нежели научный продукт: истина здесь на втором плане, главное —

эффект воздействия. Силен также эффект «социальной желательности», приукрашивания, романтизации действительности. Представители андеграунда могут подчеркивать и гиперболизировать «социально-нежелательные» черты действительности, но смена знака «плюс» на «минус» ничего не меняет: мы **ИМЕЕМ** и в этом случае сложную деформацию реальности,

Другое дело — продукты «низового» фольклора. Они создаются вне давления цензуры и официальной культуры, вне рамок «дозволено-недозволено». Они неосознанно, шаржированно, но адекватно отражают неприкрашенную, шершавую, корявую жизнь. Важно даже не то, что сочинение получило путь в жизнь, важно то, что люди приняли его как соответствующее **РЕАЛЬНОСТИ** (узнали в нем себя и других) и стали распространителями песни, анекдота, поговорки и т. д.

Вхождение продукта «низового» творчества в жизнь и принятие его массой есть симптом **СООТВЕТСТВИЯ** этого продукта каким-то важным моментам бытия.

Типы семьи, роли мужчины, ребенка и женщины, стили семейного воспитания могут быть предметом изучения с помощью анализа продуктов «народного» творчества.

Особенно это важно при проведении кросскультурных исследований: поездки за границу дорого **СТОЯТ**, а на отечественную науку отечество денег не дает.

Поэтому мы (я и мой аспирант Н. А. Савченко) предприняли попытку выявить типы семейных отношений, характерных для современных российской и американской **СЕМЕЙ**, с помощью контент-анализа анекдотов, по преимуществу **НЕПРИЛИЧНЫХ**. В дальнейшем изложении я буду использовать материалы его **ДИПЛОМНОЙ** работы.

В американском обществе (**США**) представлены различные нормативные типы семьи: католический, протестантский, мусульманский, конфуцианский и пр. Но довлеющим, на мой взгляд, должен быть именно протестантский тип семьи, определивший специфику американской культуры. Это тип семьи с доминантным отцом, несущим ответственность за семью, с матерью, которая субдоминантна, но конкурирует с отцом, борясь за традиционные мужские привилегии (власть, ответственность, возможность профессиональной карьеры — короче, за равноправие), с сыном, психологически **БОЛЕЕ** близким к отцу, чем к матери, и дочерью — конкуренткой матери (претендует на любовь отца).

Советская семья — тип аномальной языческой семьи с доминантной и ответственной женой, субдоминантным и безответственным мужем и детьми, противостоящими родителям. Остатки влияния **пра-**

вославленной культуры проявляются в большей близости детей к матери и превалированию отношения аффилиации (любви).

Советская семья асексуальна. В протестантской семье сексуальным отношениям придается большое значение (поэтому-то они и репрессируются).

Был предпринят контент-анализ современных русских и американских анекдотов, касающихся **СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ** тематики.

Русские анекдоты были отобраны случайным образом из сборника: «Анекдоты наших читателей. Выпуск 1» (Библиотека для чтения. Студенческий меридиан, 1994). В этом сборнике анекдоты разделены по темам. Выбраны первые 70 «семейных» анекдотов.

Из сборников «Лучшие анекдоты и карикатуры журнала "Плейбой"» (М.: Пресса, 1995) и «Американцы смеются. 1000 шуток и анекдотов» (сост.-пер. А. Е. Порожняков. М.: Московский рабочий, 1989) выбраны 36 американских анекдотов, посвященных семейно-бытовым отношениям (см. табл. 3).

Текст любого анекдота можно рассмотреть как описание проблемной жизненной ситуации. Действующие лица занимают определенные позиции, играют **роли** и вступают в отношения друг с другом. Содержание анекдота раскрывает отношения между людьми.

В ходе контент-анализа выделялись роли действующих лиц, характер отношений между ними, рассматривалось поведение (его субъекты, мотивы, цели действий), а также обстоятельства и причины, вызвавшие то или иное поведение.

Русские анекдоты более грубы и прямолинейны по сравнению с американскими; их юмор более примитивен и менее окультурен.

Главной темой анекдотов являются любовно-сексуальные отношения жены с мужем, а также их обоих с сексуальными партнерами и ближайшими взрослыми родственниками (теща, свекровь и пр.).

Отношения в русской семье кардинально отличаются от отношений в американской, прежде всего, отсутствием сексуально-эротических моментов. В русских «семейных» анекдотах, даже самых непристойных, почти нет сексуально-эротических мотивов, зато они часто встречаются в анекдотах американских. Слово «любовь» в русских анекдотах не встречалось ни разу!

Вообще в русских анекдотах супруги либо не любят друг друга, либо о любви ничего не говорится. Супруги могут друг друга терпеть, жалеть о том, что вступили в брак, но почти никогда не собираются разводиться. Измена одного из супругов — не повод для развода, а причина скандала. Иногда муж равнодушен даже к измене, а если проявляет какие-то

эмоции или даже агрессию, то **направляет** ее на любовников, а не на жену. Он практически никогда не мстит жене. Но если изменяет муж, то жена ругает, а зачастую и бьет именно его, а не любовницу. Отсюда вывод: если верить анекдотам, в русской **семье** доминирует жена, а муж занимает подчиненную позицию и **конкурирует** за ее внимание с другими **мужчинами**. В русских анекдотах муж чаще всего достоин своей участи — женской измены. Поступки жен одобряются, поступки мужей высмеиваются. Российские мужчины безответственны, проявляют покорность судьбе, реже, чем жены, изменяют. Спасение от семейных проблем находят в рыбалке, игре в домино и в пьянстве. Семейой они практически не интересуются, а занимаются **пьянством** и просмотром телевизионных передач (футбол, хоккей и пр.).

Американский мужчина доминантен. Муж приходит в ярость, если узнал, что жена ему неверна, ругает и **бьет ее**, а не конкурента-любовника. Жена тоже может поколотить мужа, но до того, как подаст на развод. Американцы часто **грозят** друг другу разводом в случае измены. Хотя мужчина и главенствует, но эта роль ему дается нелегко, жена не дает ему спуска. Однако она **чаще**, чем муж, проявляет покорность судьбе (в русских анекдотах пассивен **муж**). Занимается американский муж не пьянством и не хобби, а **работой, бизнесом, деньгами**, т. е. добывает пропитание семье, несет за нее ответственность.

Перейдем к анализу ролей, которые играют мужчина и женщина в анекдотах. Мужчина в **анекдотах** играет роль мужа, отца, любовника, сына и редко свекра или тестя. Обычные роли женщины: жена, мать, дочь, любовница, теща и очень редко свекровь.

В американских анекдотах персонажи «любовник» и «любовница» отдельно не выделяются. Они являются частью ролей «муж» и «жена».

В русских анекдотах любовник — отдельный от роли мужа персонаж, а любовница — часть роли жены.

Мужчина в русских анекдотах

Русский муж **глуповат**, прост («проще правды»), груб, труслив, слаб, любит выпить, подчинен семье в целом **и** жене в частности. Является нахлебником: главное, чтобы вовремя кормили. Для семьи существо совершенно бесполезное. Не интересуется ее жизнью. Если жена изменяет, то он чаще всего либо не замечает измены, либо не придает ей **значения**, либо смиряется с ней. Если же ему доведется изменить жене, то это происходит случайно, помимо его воли; выглядит он глупо и неестественно, чаще всего измена тут же раскрывается, и он попадает под тяжелую руку и острый язык жены. Жену не любит, разводиться

не собирается. К себе и своему положению относится с долей юмора, может соврать, прихвастнуть и пр. В редких анекдотах муж бывает агрессивным, деспотичным главой семьи (бьет жену, ревнует и пр.), но выглядит он глупо и, как правило, много пьет. Деньги зарабатывать не умеет, но может починить бытовую технику, прибить гвоздь.

Русский отец черств и безразличен по отношению к детям, ленив, эгоистичен, меркантилен. Примером для детей быть не может, так как никаких успехов в жизни не достиг. Над его детьми смеются сверстники. Редко он любит детей, заботится о воспитании, считается с их капризами. Но в других жизненных ситуациях такой отец беспомощен и смешон. Чаще же он жаден и манипулирует детьми, чтобы добиться уступок от жены.

В качестве *сына* русский мужчина наделяется рядом положительных черт (которые куда-то пропадают, стоит ему стать мужем): он любознателен, проявляет смекалку, активен, весел, часто любит отца, сочувствует ему, иногда гордится. Их сближает субдоминантная позиция по отношению к главенствующей матери. Он копирует самые плохие проявления взрослых, реже — капризен, непослушен, скандален и пр.

Русский мужчина-любовник кроме глупости и трусости никакими другими качествами не характеризуется: хвастается силой, а при появлении мужа прячется и убегает, знает о моральных нормах, но сознательно их нарушает, осознавая вину. То есть русский любовник — тот же русский муж, но в другой ситуации.

Мужчина в американских анекдотах

Американский муж не супермен, но всегда самостоятелен, держится уверенно, независимо от жены, содержит семью, занимается бизнесом и делает профессиональную карьеру. Бизнес для него важнее жены (точнее собственных сексуальных желаний). Он хитроват, умен, конкурентен, находчив, прагматичен, обладает деловой хваткой. Вместе с тем соблюдает принятые нормы: внимателен к жене (даже если ей изменяет), **ПОМНИТ** о ее дне рождения и дне свадьбы, может подарить ценную вещь. О его изменах жена чаще всего знает все. Женскую измену муж не терпит, приходит в ярость, при этом достается и жене, и любовнику, но больше жене. Жена его «**достает**» своей сексуальной активностью, и он жалеет, что женился.

Американский отец все-таки пытается принять участие в воспитании детей, похвастать перед ними своими успехами, но делает это очень умело. С детьми он суетлив, рассеян, эгоистичен, часто бывает черств и невнимателен к их потребностям.

Мужчина-сын пассивен, но рассудителен, склонен к самообвинению в случае неудачи и наказания, родительские методы воспитания критикует.

Русская женщина

Главная **Задача русской жены** — вовремя изменить мужу. Муж узнает об измене лишь случайно, но часто вообще не узнает, так как жена его умело обманывает. Иногда жена вообще не скрывает свои побочные связи (как правило, многочисленные). Мужа она не любит, иногда презирает или ненавидит, но чаще всего считает его никчемным «бесплатным приложением» к семье. Муж сексуально ее не удовлетворяет, раздражает, сам вид его ей неприятен. Она его бьет. Она находчива, хитра, подозрительна, любит покомандовать в семье, занимает доминантную позицию и не собирается ее уступать. Жена погружена в домашние заботы и хлопоты, устает от хозяйства, но умела и вынослива. Терпит пьянство мужа. Часто она скупа, даже жадна и готова торговать собой, но за большие **ДЕНЬГИ**. Материальная сторона жизни для нее очень важна. И вместе с тем она нуждается в мужской защите, восхищается **МУЖСКОЙ** силой (когда ее проявляет любовник), жаждет внимания и ласки. Если она подчинена мужу (что бывает крайне редко) и пассивна, то выглядит симпатично, **а муж — глупо**.

В качестве *матери* русская женщина уделяет массу времени воспитанию детей, в частности половому. Она учит их читать, писать, следит за школьной успеваемостью. Когда бывает равнодушна или излишне заботлива по отношению **К ДЕТЯМ**, то выглядит глуповато и неприглядно. Зятя обычно не любит, хотя и пытается это скрыть.

Дочь обычно любит отца и мать, привязана к матери. Сохраняет эту привязанность на всю жизнь, делится с ней своими сердечными тайнами. Русская дочь всегда является помощницей матери, ее соучастницей и доверенным лицом.

Американская женщина

Американские ЖЕНЬКИ так же часто, как и русские, изменяют мужьям, но муж обычно об этом не догадывается. Американская женщина **сексуально** неудовлетворена мужем и поэтому активно идет на контакт с другими мужчинами. Мужа она может любить, может не любить, но брак старается сохранить и обычно довольна браком. Хочет, чтобы муж уделял ей больше **ВНИМАНИЯ**, но удержать его около себя не умеет. В отличие от русской женщины способна инициировать развод. Ведет себя **инфантильно**; часто импульсивна и болтлива, ревнива и скан-

Таблица 3. Содержание русских и американских анекдотов о семье

Исследуемые критерии	Русские анекдоты		Американские анекдоты	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Всего анекдотов	70		36	
Высмеивается поведение или черты характера	71%	29	64%	36%
Проявляют инициативу, активны	33%	67%	44%	56%
Особенности характеров и поведения персонажей:				
— лидерские качества	32%	77%	51%	66%
— зависимость, подчинение	38%	15%	16%	23%
— равнодушие, безразличие	30%	8%	33%	11%
— изменяет партнеру	7%	31%	14%	25%
— злоупотребляет спиртными напитками	13%		3%	

дальна, бывает пассивной и неуверенной в себе, т. е. проявляет типичные черты зависимой, субдоминантной личности. Домашний бюджет ведет она, обычно рачительно и экономно.

Американская мать очень строга, мелочна, черства, в вопросах воспитания рациональна, не спускает промахи детям. И вместе с тем активна, инициативна. В сложных же ситуациях теряется и просит помощи мужа. Она хочет командовать в семье дочери, но ей редко это **позволяют**.

Дочь обращается за советом к матери и уважает ее, но часто копирует и отцовское поведение.

Результаты исследования на удивление точно соответствуют предварительным теоретическим рассуждениям. И. А. Савченко сделал дополнительный вывод на основе контент-анализа, совпавший с данными Д. Н. Исаева и В. Е. Кагана о большей требовательности общества к маскулинности мужского поведения, чем к фемининности женского, а также с выводами М. Мид о том, что мужская ответственность за семью

является следствием социальных **ВЛИЯНИЙ** и **ПОЛОРОЛЕВАЯ** социализация мальчиков более сложна, чем социализация девочек.

Требований к мужчине (по результатам контент-анализа анекдотов) в 2 раза больше, чем к женщине. Следовательно, стандарты мужского поведения значительно жестче стандартов поведения женского.

Чтобы не стать объектом шуток и не оказываться в анекдотичной ситуации, **современный российский мужчина:**

- должен хорошо зарабатывать и полностью материально обеспечивать свою семью;
- должен заниматься воспитанием детей;
- должен поддерживать приемлемые отношения с тещей;
- не должен быть глуп и несообразителен;
- не должен изменять жене;
- не должен быть вял, пассивен и равнодушен к делам семьи, домашнему хозяйству;
- не должен быть черств и безразличен к своим жене и детям; тем более не должен быть по отношению к ним жесток, агрессивен и деспотичен;
- не должен унижать или **запугивать** близких;
- не должен быть алкоголиком;
- не должен быть груб и прямолинеен;
- не должен быть труслив и слаб;
- не должен быть ленив и эгоистичен;
- не должен быть слишком доверчив (простоват) по отношению к окружающим, в том числе и к своей жене;
- не должен избегать **ОТВЕТСТВЕННОСТИ** за свои поступки и за свою семью;
- не должен быть жадным;
- не должен быть **ХВАСТЛИВЫМ**;
- **желательно**, чтобы имел высокие сексуальные возможности.

Чтобы не стать объектом шуток и не оказаться в анекдотичной ситуации, **современная российская женщина:**

- не должна быть черства, жестока, груба и агрессивна с близкими (мужем, детьми);
- не должна унижать мужа;
- не должна постоянно «пилить» мужа **идетей**;
- не должна быть слишком озабочена вопросами секса;

- не должна попадаться, если изменила мужу;
- не должна быть слишком жадной;
- не должна быть слишком болтливой;
- не должна вмешиваться в дела семьи дочери (в роли тещи).

Анекдот не столько фиксирует состояние нашего сегодняшнего менталитета, сколько прогнозирует будущее.

Смена социально-экономической формации ведет к видоизменению реального типа российской семьи. Причем очень много данных в пользу того, что в семьях «новых» русских преобладают маргинальные отношения, характерные для перехода от языческой к протестантской семье: доминантный отец, дети ближе психологически к отцу, мать занята собой, но еще не конкурирует с отцом в мужских сферах деятельности.

Исследование детей из частной школы, родители которых принадлежат к слою «новых» русских (проведено Е. П. Цисиной под руководством доцента Е. Е. Прониной), показало, что для этих детей, по сравнению с обычными детьми из обычной школы, значимость отца больше, чем значимость матери. Но вместе с тем для них семья и дом имеют меньшее значение, они в большей степени испытывают дискомфорт в семье, у них неадекватная самооценка, они более агрессивны, чем обычные дети, и не умеют общаться со сверстниками.

Отец уже доминирует, мать уже подчиняется, но вместе с доминированием сложила с себя ответственность и за семью, и за воспитание детей. Дети заброшены, от них откупаются деньгами и подарками.

Русская аномальная семья может преобразоваться или в нормальную православную, или в протестантскую. Последний вариант очень вероятен, так как американизация культуры идет очень интенсивно. И, как показывает сравнительный анализ русских и американских анекдотов, это не самый плохой исход.

Интеллектуальное развитие детей в семье

Наследственность и среда

Что в большей мере влияет на психическое развитие личности: наследственность или среда? Наиболее жаростные споры, столкновения мнений, множество теорий и экспериментальных исследований, методических находок, открытий и подтасовки данных породил этот, едва ли не основной, вопрос психологической науки.

С середины XIX в., благодаря усилиям универсального гения Ф. Гальтона, решение проблемы влияния наследственности и среды было поставлено на почву конкретного эмпирического исследования, а не околонаучных спекуляций. Главным способом выявления воздействия наследственности на индивидуальные различия способностей, личностных качеств, мотивов, особенностей темперамента стал близнецовый метод.

Он основан на сопоставлении результатов тестирования психических особенностей у однояйцевых и двужайцевых близнецов. Однояйцевые близнецы (развивающиеся из одной оплодотворенной яйцеклетки) имеют на 100% одинаковый набор генов. Двужайцевые близнецы (каждый развивается из собственной яйцеклетки) обладает лишь 50%-ным генетическим сходством.

Очевидно, если результаты психологического тестирования показывают, что уровни развития тех или иных способностей у однояйцевых близнецов совпадают, то это говорит о большем влиянии наследственности, чем среды, на индивидуальные различия.

Особенно показательны результаты, полученные при тестировании разлученных близнецов. Причиной разлуки может быть война, катастрофа, смерть родителей и т. д. Если близнецы были разлучены и попали в разные условия, но результаты, которые они показывают при тестировании, сходны, это наиболее весомый аргумент в пользу генетической детерминированности психического свойства.

В течение XX в. в психологии развития боролись две основные исследовательские программы: генетическая и средовая. Наиболее впечатляющие результаты получены сторонниками первой программы.

Психогенетики, как правило, исследуют несколько типов семей:

- 1) семьи с монозиготными (однойяцевыми) близнецами, воспитанными вместе;
- 2) с монозиготными близнецами, воспитанными отдельно;
- 3) семьи с **сибсами** (братьями и сестрами, воспитанными вместе);
- 4) сибсы, воспитанные отдельно;
- 5) полусибсы (двоюродные), воспитанные вместе;
- 6) полусибсы, воспитанные отдельно;
- 7) родственные дети, воспитанные вместе;
- 8) неродственные дети, воспитанные отдельно.

Тестируется уровень развития психических свойств у детей, родителей, реже у дедушек и бабушек, затем данные подвергаются довольно сложной процедуре обработки. Анализ статистических связей между результатами тестирования родственников позволяет выявить относительный вклад среды, генотипа и **ГЕНОТИП-СРЕДОВОГО** взаимодействия в развитие индивидуальных психологических особенностей человека.

Наиболее подробно изучено влияние наследственности на развитие общего интеллекта — способности, определяющей успешность решения различных задач (прежде всего задач на выявление абстрактных отношений).

Общий интеллект определяет успешность обучения в средней и высшей школе, а также во многом скорость овладения профессиональной деятельностью.

В многочисленных исследованиях получены очень высокие корреляции между уровнями интеллекта однойяцевых близнецов ($0,62 < r < 0,92$; r теоретически может принимать значения от -1 до $+1$). Причем для разлученных однойяцевых близнецов статистическая связь оказалась даже выше, чем для выросших вместе.

Наиболее велик вклад наследственности в детерминацию различий в уровне развития вербального (словесно-логического) интеллекта.

Аналогичные данные получены при изучении специальных способностей (владение языком, математическое мышление), см. табл. 4, 5.

Таблица 4. Показатели наследуемости и их ранговые места, полученные при диагностике специальных способностей

Специальные способности	D. V. Dewett, 1954		L. L. Thurstonc		S. Q. Vandenberg, 1962		S. Q. Vandenberg, 1966	
	h	Ранг	h	Ранг	h	Ранг	h	Ранг
Вербальные	0,68	1	0,64	2	0,62	1	0,43	4
Пространственные	0,51	4	0,76	1	0,59	4	0,72	1
Математические	0,07	5	0,34	5	0,61	2	0,56	2
Рассуждение	0,64	2	0,26	6	0,28	5	0,09	5
Беглость речи	0,64	3	0,59	3	0,61	3	0,55	3
Память			0,39	4	0,20	6		
Количество пар DZ/MZ			53/45		37,45			
	26/26						36/76	

В исследовании Дж. Лоэлина и Г. Николса была сделана попытка выявить влияние особенностей среды на внутриспарное сходство интеллекта близнецов. Они изучали различия родительского отношения к близнецам, стиль семейного воспитания и пр., но ни один из факторов не оказывал влияния на величины внутриспарных корреляций, хотя некоторые из них влияли на уровень общего интеллекта обоих близнецов.

Влияние среды на индивидуальные различия в уровне невербального интеллекта (интеллекта действия, или практического) значительно выше, как это ни парадоксально.

Многие исследователи (в частности, Р. Роуз) пытались выявить, чей ген больше влияет на развитие способностей: материнский или отцовский. Р. Роузу удалось выявить материнский эффект лишь для двух субтестов шкалы Д. Векслера.¹

Позднее Дж. Горн выяснил, что различия в уровне развития невербального интеллекта в большей мере обусловлены семейной средой.

¹ Более подробно см.: Дружинин В. Н. Психология общих способностей. М., 1995.

Исследователи не удовлетворяются констатацией доли наследственного и средового факторов в детерминации способностей. Проведены многочисленные исследования развития общих и специальных способностей у однояйцевых и двуяйцевых близнецов. Результаты говорят о том, что внутрипарное сходство интеллекта однояйцевых близнецов растет в течение по крайней мере двух первых десятилетий **ЖИЗНИ**.

Большинство исследований показывают более высокие связи между уровнем развития общих способностей матерей и детей, чем отцов и детей. Кроме того, с течением времени просматривается увеличение связи уровня общего интеллекта приемных детей и их биологических родителей, т. е. влияние генотипа на индивидуальные различия в уровне интеллекта с возрастом увеличиваются.

«Средовая» исследовательская программа сегодня практически зашла в тупик, хотя почвы для исследования у ее сторонников предостаточно:

- 1) выявлено, что креативность (общая способность к умственному творчеству) в большей мере зависит от семейной среды, чем общий интеллект;
- 2) от средовых влияний сильно зависят индивидуальные различия в уровне невербального интеллекта;
- 3) среда оказывает воздействие на индивидуальные различия в уровне развития так называемых парциальных способностей (памяти, внимания, сенсомоторики).

Так, в работе Е. Л. Григоренко и Б. И. Кочубея показано, что уровень развития вербальной и невербальной креативности (общей творческой способности) зависит от широты круга общения и наличия в семье демократического стиля материального воспитания.

Я полагаю, что средовая программа не исчерпала всех шансов. Есть два довода в пользу этого мнения.

Первый довод уже высказан ранее: существует значимая доля средового влияния на индивидуальные различия в уровне развития некоторых способностей.

Второй довод таков: следует различать интеллектуальную продуктивность и уровень развития интеллекта.

Успешность решения познавательных и творческих задач определяют не только общие и специальные способности, но и мотивация, личностные качества (настойчивость, толерантность к неопределенности, эстетическое чувство, эмоциональность и т. д.).

Таблица 5. Ранговые места показателей наследуемости специальных способностей (S. Q. Yancenberg, 1952)

Субтесты	F- отношение	Ранги
1. Общая осведомленность (I)	3,88 ***	1
2. Общая понятливость (C)	2,25 **	
3. Арифметический (A)	2,78 ***	3
4. Сходство (S)	1,8: *	7
5. Повторение цифр (D)	1,53 *	9
6. Словарный (V)	3,14 ***	2
7. Шифровка (DS)	2,06 **	6
8. Недостающие детали (PC)	1,50	10
9. Кубики Косса (BD)	2,35 **	4
10. Последовательные картинки (PA)	1,74 *	8
11. Сложение фигур (OA)	1,36	11
η	MZ	60
	DZ	60

* - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; *** - $p < 0,001$.

Величина генетической обусловленности большинства личностных черт (исключая темперамент) значительно ниже показателей наследуемости общих и специальных способностей.

При выполнении интеллектуальной деятельности ребенок и тем более взрослый не всегда могут проявить, раскрыть весь спектр своих возможностей. Этому препятствуют психологические барьеры, личностная тревожность и т. д.

Определенные условия семейного воспитания могут формировать личностные качества, препятствующие или, напротив, благоприятствующие проявлению общих и специальных способностей в учебе или профессиональной деятельности.

Следовательно, повысить интеллектуальную продуктивность ребенка можно за счет формирования определенной мотивации.

Другой путь — создать такие условия жизнедеятельности для ребенка, которые активизировали бы **МОТИВЫ** и индивидуально-психологические качества (даже если их уровень наследственно обусловлен), благоприятно влияли бы на **успешность** интеллектуальной деятельности.

В том случае, если эти индивидуально-психологические качества наследуются независимо от интеллектуальных способностей, можно получить эффект увеличения интеллектуальной продуктивности ребенка.

Итак, существует три пути повышения уровня развития интеллектуальных способностей:

- 1) создавать среду для их развития в семье;
- 2) формировать другие психические свойства, **повышающие** интеллектуальную продуктивность;
- 3) создавать такую семейную ситуацию, в которой свойства, влияющие на повышение интеллектуальной продуктивности, могли бы проявиться.

Общий интеллект проявляется в скорости и успешности решения продуктивных задач.

Причем замечено, что успешность решения задач определяется также уровнем развития мотивации достижений: надеждой на успех. Эта мотивация проявляется в интеллектуальной настойчивости, адекватной реакции на успех и неудачу, низкой тревожности, высоком (но умеренном) уровне притязаний, склонности выбирать задачи повышенной трудности и т. д.

Ее антипод — мотивация избегания (страх перед неудачей) проявляется в выборе заданий (ребенок выбирает либо очень легкие, либо очень трудные задания), а также в тревожности, тяжелом переживании неудач, склонности приписывать неудачу своей неспособности, а успех связывать с легкостью задания и т. д.

Замечено, что в норме мотивация достижений (надежда на успех) связана с высоким уровнем интеллекта, а мотивация избегания **неудачи — с низким.**

На развитие мотивации достижений и/или избегания влияет стиль семейного воспитания (контроль за поведением, эмоциональная поддержка, поощрение за успехи и наказание за неудачи и т. д.).

На мой взгляд, корреляции уровня интеллекта и мотивации достижений обуславливаются:

- 1) связью через третий фактор — семейное воспитание;
- 2) независимым позитивным влиянием обоих факторов на успех решения тестовых заданий.

В любом случае заслуживает проверки гипотеза о влиянии семейных отношений и ситуации, в которой оказывается ребенок, на его интеллектуальную продуктивность, определяемую уровнями развития общего интеллекта и мотивации.

Если следовать логике книги, мера этого **ВЛИЯНИЯ** будет различной в семьях, принадлежащих различным культурам.

В российской культуре (если в ней что-то **ОСТАЛОСЬ** от православной традиции) большое значение имеет **ЛЮБСВЬ**, аффилиация, эмоциональная близость и поддержка, которую оказывают друг другу члены семьи, нежели такой фактор, как контроль за соблюдением поведенческих норм. Он будет очень значим в семьях, принадлежащих к иудейской или католической культуре.

Стиль семейного воспитания и ДЕТСКИЙ интеллект

Неполные семьи и несчастные дети

Ребенок лишается одного из родителей. Если это происходит рано, он не успевает осознать и пережить потерю, **НО** его судьба меняет направление.

Несомненно, неполная семья является «социально-психологическим уродством», последствия которого сказываются на личности каждого из членов семьи, — как детей, так и взрослых. Но многие из людей, **ЖИВШИХ** до нас на Земле, воспитались в **ПОЛНОЦЕННЫХ** нормальных семьях?

Войны и революции, психогенные и природные катастрофы, межличностные конфликты и уголовные преступления, социально-психологическая незрелость родителей и болезни лишают ребенка полноценного общения и нормальных **условий развития**. В первое время жизни чрезвычайно важна роль матери. Мать удовлетворяет первичные потребности ребенка, ласкает его, **стимулирует**, общается с ним, дает ощущение защищенности, эмоционального тепла и уюта. Отец выступает в качестве авторитетного социального образца, примера поведения, его наличие в семье придает **ребенку** уверенность и самостоятельность в **принятии** решений.

Дети, лишившиеся одного или обоих **родителей** в результате распада семьи, **медленнее развиваются**, чаще болеют соматическими и психическими заболеваниями. Правда, неизвестно, что играет главную роль — **наследственная** предрасположенность **или** травма из-за отсутствия одного из родителей. В раннем детстве мать удовлетворяет основные потребности ребенка, поэтому ее смерть или уход из семьи вызывает кризис доверия к окружающему **миру**, ощущение заброшенности, состояние тревоги.

Ранее психологи считали, что отсутствие отца в раннем детстве не так сильно сказывается на развитии ребенка, как отсутствие матери. На первый взгляд, последствия, действительно, не столь трагичны, ведь опека за ребенком и эмоциональное общение сохраняются.

Но без уравнивающего влияния отца, без его общения с ребенком роль матери гипертрофируется. Ее влияние на психическое развитие ребенка становится непомерно большим, ребенок не видит другого варианта поведения, у него нет выбора при общении. Мать менее сильно зависит от ребенка, который заменяет для нее всех других, кто мог бы удовлетворять ее эмоциональную привязанность. Возникает невротический симбиоз матери и ребенка. Отсутствие отца в старшем возрасте еще более драматично. Мальчик лишается образца мужского поведения, которое должен воспроизводить, а девочка не имеет перед собой образа представителя противоположного пола, поэтому ее контакты с мужчинами будут затруднены: она просто не будет знать, какого поведения можно ожидать от мужчины.

Самое главное — мужчина вводит ребенка в общество. Профессия отца является основой экономического и социального статуса семьи.

У матери-одиночки, загруженной экономическими заботами, не остается времени на то, чтобы общаться с ребенком, давать ему новые знания, ориентировать в мире профессий. У нее теряется первоначальный интерес к ребенку; возникает отчуждение матери и ребенка, приходящие на смену первичному симбиозу (или наслаивающиеся на него).

Отчим и дедушка не могут полностью возместить отсутствие отца.

Старшие и младшие братья и сестры оказывают не меньшее влияние на психическое развитие ребенка. Старшие дети в семье — это среда, в которой изначально вынужден жить ребенок. С ними он общается, играет, конфликтует. Они его защищают и помогают, но они же, по праву старших и более сильных, обижают его, отнимают игрушки, изолируют — не берут в совместные занятия и т. д. Младшие братья и сестры сами являются предметом заботы и ухода. При рождении младшего ребенка все или основное внимание семьи переключается на него, и старший начинает чувствовать себя заброшенным и никому не нужным.

Старшие братья и сестры компенсируют отсутствие одного из родителей в семье: старший брат берет на себя функции отца, старшая сестра становится «второй мамой».

В различных культурах подобная компенсация происходит с разным успехом. Беда, если в русской семье умерла мать, а у мальчика нет старшей сестры, или в семье есть старший сын и маленькая сестренка.

Двое мужчин при всем желании не могут её **заменить** одну мать — нет соответствующих моделей поведения. Поэтому она растёт либо брошенной, либо под очень жестким контролем.

Дети разведенных родителей **находятся** в более благоприятной социально-психологической ситуации, чем дети матерей-одиночек или дети из тех семей, где умер один из **родителей**. Хотя и в этом случае все определяется тем, когда произошел развод и сколько было при этом лет ребенку, а также **тем**, продолжают ли отец и/или мать участвовать в воспитании ребенка.

Дети из разведенных семей чаще **оказываются** нелюдимыми, боязливыми; **они** агрессивны и склонны к ссорам, неаккуратны и **недисциплинированы**, склонны «витать в облаках» и плохо учатся.

Недоверие и страх по отношению к окружающим они испытывают, поскольку у них нет **психологической поддержки** со стороны отца. Склонность этих детей к дракам **рассматривается** обычно как компенсация **чувства** неполноценности, а **недисциплинированность** — как следствие **потери** авторитета, поскольку из семьи чаще всего уходит отец, а ребенок остается с матерью.

Решающим является не факт юридического развода, а отчуждение родителей в семье друг от друга — **аффективный** развод. Психологические исследования убедительно показали, что семьи, где сохраняются лишь формальные, юридические **атрибуты** брака, так же влияют на психику ребенка, как и условия в семье, где произошел юридический развод.

Более того, в случае аффективного развода ребенок оказывается в более неблагоприятной ситуации. **Двойной стандарт** отношений (для людей и для семьи) приводит к нарастанию внешней и внутриспсихической **конфликтности**. Следствием являются **победы** детей из семьи, бродяжничество, правонарушения, **невроты**, самоубийства. В семьях, где есть отец-алкоголик, — свои проблемы. Но психологическая ситуация, в которой оказывается ребенок, мало чем отличается от семьи, где отца нет воспитательной **функции** отец не выполняет, добавляются лишь скандалы, побои, экономические **трудности** и т. п.

Но нет хуже, если ребенок нежеланный у матери-одиночки; мать **испытывает** к такому ребенку **двойственные чувства**: с одной стороны, это ее ребенок и она — мать, с другой стороны, ребенок — помеха в ее жизни.

Психологи выявили, что **матери чаще** видят в своем ребенке плохие черты характера, **нежели** хорошие. Эти дети хуже общаются со сверстниками, хуже успевают, они чаще имеют низкий статус в группе, не умеют **преодолевать** стрессовые ситуации.

В нормальной полной семье появление нежеланного ребенка не столь драматично. Чаще всего родители относятся к такому ребенку, как и к другим своим детям. И вместе с тем...

Й. Лангмейер и З. Матейчик отмечают:

«Сдругой стороны, выяснилось, однако, что простая сумма неблагоприятных признаков в развитии личности "нежеланных детей" весьма значимо превышает сумму подобных признаков у детей контрольной группы. Это значит, что "нежеланных детей" характеризуют не несколько выраженных отклонений, а десятки мелких признаков плохого адаптирования, которые затем сдвигают данную группу как целое в социально невыгодном направлении. Клиническую картину таких отклонений можно назвать, скорее всего, картиной психической "субдепривации", которая, при вообще-то благоприятных условиях, в последующем развитии не должна обязательно проявляться плохим образом».¹

Влияние социоэкономических факторов

Как это ни парадоксально, но и низкий и очень сильный социально-экономический статус семьи равно являются факторами риска при воспитании (или социализации) ребенка.

Как правило, нужда раньше, да и теперь сопряжена с многодетностью. О влиянии числа детей в семье на их развитие я расскажу в дальнейшем. Но фактор многодетности сам по себе влияет на социализацию. Детям, прежде всего, недостает элементарного внимания со стороны родителей. И отец, и мать настолько поглощены заботами о хлебе насущном, что им не до воспитания. И мал мала меньше бегают по дому и дворам и решают свои проблемы сами.

Практически все исследователи утверждают, что результаты исследований свидетельствуют о негативном влиянии большого числа детей в семье на их развитие.

Недостаток материнской заботы и отсутствие дисциплинирующего влияния отца крайне негативно сказывается на формировании личности.

Нужды и недостатки сами по себе являются травмирующими факторами. Нехватка жилплощади, беспорядок в помещении из-за скученности ведут к постоянным конфликтам. Дети из таких семей отстают в психическом развитии. Но стоит их поместить в нормальные условия, как они быстро нагоняют своих сверстников.

¹ Лангмейер Й., Матейчик З. Психическая депривация в детском возрасте.

Если же дети продолжают длительно жить в условиях скученности, нищеты и культурной депривации, их интеллект неуклонно снижается по сравнению с врожденным уровнем. Об этом свидетельствуют результаты многочисленных исследований, проводимых в Западной Европе и Северной Америке. Г. Гетцер еще в 1937 г. установил, что школьники из семей с плохими условиями жизни на 1-2-м году отстают в своем интеллектуальном развитии от школьников из нормальных семей. Она характеризует детей из семей бедноты как менее социально адаптированных, с неустойчивым эмоциональным отношением к братьям, сестрам и родителям.

Если семья занимает очень высокое положение в обществе, обладает собственностью и богатством, то дети попадают в весьма специфическую психологическую ситуацию.

Как правило, в таких семьях мать и отец мало уделяют внимания детям: время уходит на выполнение профессиональных и общественных обязанностей, а также на светские развлечения.

Дети также лишаются материнской заботы и отцовского авторитета, как и дети из неполных семей. Заботу о детях передоверяют многочисленным нянькам, гувернанткам и воспитателям, которые этим зарабатывают себе на жизнь, но мало вникают в психический мир ребенка. Хотя формальное образование начинается рано, внимание — в избытке, очень многое зависит от личностных отношений воспитателя и ребенка. Эгоцентризм, истеричность, эмоциональная холодность взрослого принца — следствие подобной системы отношений.

Если отец слишком занят общественной, научной или творческой работой и у него нет времени на ребенка, то следствия аналогичны.

Дело, которое гребует всего человека, — не является ли оно оправданием равнодушия к своей семье и своим детям?

Угроза разрушения семьи появляется со стороны сверхбогатства. Подобные деструктивные признаки можно найти во многих семьях «новых» русских (они были у меня на консультациях). Судьба «маленьких принцев» и «принцесс» описана в многочисленных романах, мемуарах и т. д.

Отсутствие одного из родителей, аффективный развод, смерть близких — все эти факторы можно назвать факторами лишения и травмы. Сиротство и жестокое обращение взрослых с детьми (в том числе со стороны отца и матери) не уходят из нашей жизни.

Нормальная полная семья превращается в редкость, в реликт среди всеобщего социального хаоса и распада.

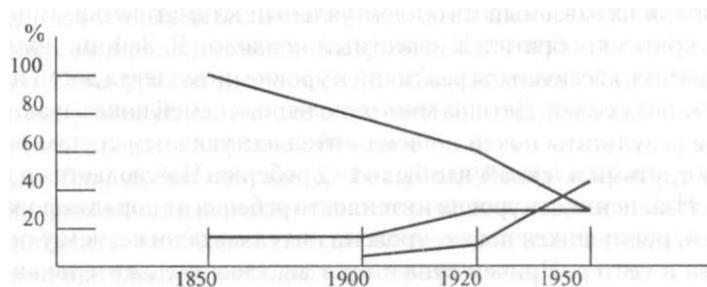
Обращение к генетике поведения, к генетическим основам этики, интеллекта и просоциального поведения не случайно. Легче найти внешний инструмент, ключ или отмычку, чем обратить взор на себя и пытаться научиться жить и строить первичные отношения с близкими.

Семья — это социальное изобретение, как наука, юмор, автомат АКМ-74 или капиллярная авторучка. Со сложным «МЕХАНИЗМОМ» (да простят меня психологи за такую метафору) семьи надо бережно обращаться — более бережно и заботливо, чем с личным автомобилем.

Тем более что в этом автомобиле почти каждый едет по пересеченной дороге, где нет ни дорожных знаков, ни ремонтных служб и автоинспекции и где каждый должен надеяться только на себя и своих близких (благо, если они не хватаются за руль в самый ответственный момент).

Состав семьи и интеллектуальное развитие детей

Уже упоминавшиеся в этой книге исследователи Й. Лангмейер и З. Магейчик проанализировали популярные книги о воспитании детей за 100 лет, с 1850 по 1950 г. Они хотели установить сдвиги в тех ценностях, которые должны проповедовать родители детям. Был обнаружен устойчивый сдвиг в значимости этих ценностей: понижение оценки характера ребенка и возрастные значения интеллектуальной и деятельностной продуктивности, успехов в учебе и жизненной выносливости. Повысилось также значение эмоциональных связей между людьми (особенно в 30-50-е гг.).

Не отражает ли этот график падение значения морали и отцовского авторитета в семье и в обществе и выход на первый план первичных эмоциональных человеческих связей, которые остались единственной опорой для человека в трагическом XX в.?

Отсюда ясно, как возросла роль родителей — источника любви и эмоциональной защиты. Причем заботу о ребенке сегодня вместе с матерью несет и отец.

Сегодня (можно предполагать) требования к индивидуальной продуктивности и успешности еще больше возросли. Чаще всего отец в семье выступает образцом интеллектуальной и профессиональной успешности. И поэтому возрастает его влияние как идеала социально-адаптированной личности на детей и значение его в интеллектуальном развитии детей.

Какой вклад вносит семейное общение в нормальной полной семье в интеллектуальное развитие детей?

Многочисленные исследования касаются прежде всего влияния семьи на различия в интеллектуальном развитии мальчиков и девочек. В частности, констатируется, что с рождения к мальчикам и девочкам предъявляются разные требования и создаются различные условия для их интеллектуального развития. Игрушки и игры, предназначенные для мальчиков, стимулируют развитие независимости. Они поощряют исследовательский подход при решении задач и понимание пространственных отношений. Мальчики более эмоционально отдалены от родителей, им предоставляется большая автономия, они сталкиваются с более широким кругом явлений окружающего мира. От девочек же требуют большего послушания и дисциплинированности, чаще по отношению к ним практикуют гиперопеку, что препятствует развитию их познавательной активности. Но матери чаще разговаривают с дочерьми, чем с сыновьями.

Однако главный вклад в общее интеллектуальное развитие детей вносит так называемый интеллектуальный климат семьи. Впервые к этому понятию обратился известный психолог Р. Зайонц после анализа фактов, касающихся различий в уровне интеллекта детей из больших и малых семей. Дети из многочисленных семей показывают более низкие результаты почти по всем интеллектуальным тестам по сравнению с детьми из семей, где было 1-2 ребенка. Наблюдается и другой эффект: зависимость уровня интеллекта ребенка от порядка рождения. У детей, родившихся позже, уровень интеллекта ниже, чем у старших братьев и сестер. Причем существует высокая положительная и значимая корреляция (статистическая связь) между порядком рождения ребенка в семье (независимо от его пола) и уровнем его интеллекта.

Было выдвинуто множество объяснений этой зависимости. Ряд исследователей предложили физиологические гипотезы. Популярность приобрела гипотеза «маточной усталости». С возрастом, а также пос-

ле ряда рождений, у матери ухудшается «качество матки». Плод не может усваивать необходимые для развития питательные вещества. Это приводит к тому, что позднорожденные дети становятся менее интеллектуально развитыми.

Согласно этой гипотезе, чем позднее рождается ребенок, тем хуже он должен выполнять тесты интеллекта. Если интервал между рождением ребенка и его старших братьев и сестер велик, то matka успевает отдохнуть и различий быть не должно. Однако экспериментальные данные свидетельствуют о различиях в показателях интеллекта между детьми, рожденными с разным интервалом.

Эта гипотеза не объясняла случай единственного ребенка в семье, рожденного поздно. Кроме того, ее отвергают данные исследования интеллекта близнецов.

Если следовать этой гипотезе, интеллект близнецов должен быть ниже, чем у одиночно рожденных детей, поскольку близнецы развиваются в утробе и делят питание пополам. Действительно, у близнецов уровень интеллекта несколько ниже, чем у их одиночно рожденных сверстников. Но если близнец растет один (близнецы разлучены или второй близнец рано умер), то различий в уровне его интеллекта и интеллекта одиночно рожденных детей нет.

Другая гипотеза — экономическая. Считается, что первенец расходует большую часть «воспитательных ресурсов» семьи. На долю остальных детей остается все меньше времени, денег, здоровья и внимания родителей и т. д.

Против этой гипотезы также были выдвинуты многочисленные возражения. С помощью нее нельзя объяснить различия в уровне интеллекта единственных детей и первенцев, близнецов, живущих вместе и близнецов, потерявших своего напарника. Непонятно, чем обусловлены различия в уровне интеллекта детей, рожденных с разными временными промежутками после рождения предыдущих детей.

Генетики предложили свое объяснение.

Давно обнаружено, например, что с увеличением возраста у матери и у отца повышается вероятность генетических нарушений. Но трудно представить, что будут существенные генетические различия между детьми одних и тех же родителей в зависимости от очередности их рождения!

Р. Зайонц предположил, что основным фактором, влияющим на развитие интеллекта детей, является «интеллектуальный климат» семьи, а точнее, интенсивность интеллектуального взаимодействия с родителями. Первенцы получают больше родительского внимания и больше вза-

имодействуют с родителями, чем **позже**рожденные дети. Это позволяет им развиваться более интенсивно. И в дальнейшем иерархия сохраняется: первенцы больше и чаще взаимодействуют с родителями, чем их младшие братья и сестры. К тому же они играют роль посредников при общении родителей с маленькими **детьми**. Особенно взаимодействие с родителями сказывается на речевом развитии **первенцев** и ранее рожденных детей, поскольку общение со взрослым **наинного**богаче, чем взаимодействие с братьями и сестрами, в кругу которых находятся младшие дети.

Если братья и сестры рождаются с **небольшим** промежутком времени (1-3 года), они оказываются в ситуации, сходной **с той**, в которой живут близнецы. В том случае, когда близнецы больше взаимодействуют друг с другом, **чем** с родителями и **старшими** детьми, они замыкаются друг на друге. У них формируется **особый** «внутренний» язык, понятный только им двоим, они отстают в интеллектуальном развитии от других детей. Брат и сестра, если они погодки, много времени проводят вместе, родители вынуждены распределять свои интеллектуальные ресурсы на двоих, поэтому каждому из детей меньше достается «интеллектуальной **пищи**» **от взрослых**.

Отправной точкой теории Р. Зайонца были исследования интеллекта голландских **призывников 1944-1947** гг. **рождения**. Результаты тестирования нескольких десятков тысяч испытуемых были весьма показательны: интеллект призывника (**IQ**) снижается с увеличением числа детей в семье. Наибольшие баллы коэффициента интеллекта получают старшие дети. Чем дальше **время** рождения призывника от времени рождения **первенца**, тем его интеллект ниже.

Модель Р. Зайонца **достаточно** сложна. Он полагает, что каждый член семьи (и дети, и родители) **имеют** определенный уровень интеллекта. Каждый член семьи вносит свой **вклад** в «интеллектуальный климат» семьи пропорционально своему **интеллектуальному** уровню, а семья, **в** свою очередь, влияет на него. **Самый** высокий уровень интеллекта следует ожидать в малых семьях с большой разницей лет рождения между детьми. Появление брата или сестры для ребенка 4 **лет значимей, чем** для ребенка **11-12** лет, потому что к **12 годам** он уже достигает **70-80%** интеллектуального развития и может быть условно причислен к категории взрослых. Модель Р. Зайонца предсказывает отрицательное влияние на интеллект детей рождения очередного ребенка, если им не исполнилось 3 лет, **положительный** эффект — для детей от **4** до 9 лет, отсутствие эффекта — **для** детей от 9 до 12 лет, а затем возрастающий отрицательный **эффект**.

Зайонц предсказал в 1976 г. уменьшение средних показателей по тесту школьных способностей у учащихся американских школ до 1980 г. Причиной этого эффекта стало увеличение числа детей в средней американской семье. Ему удалось объяснить это любопытное явление. С 1964 по 1980 г. средний балл по тесту школьных способностей снизился с 490 до 445, а после 1980 г. начался его рост. Зайонц объяснил это последствием «беби-бума» — резкого всплеска рождаемости после окончания Второй мировой войны. Молодые американцы победителями вернулись из армии и с флота, женились на радостях, селились в коттеджах, которые росли в пригородах, и успешно «делали» детей. Позже наметилось снижение рождаемости, что и отразилось на средних показателях интеллекта. Р. Зайонц прогнозирует небольшое снижение средних тестовых показателей интеллекта американских школьников после 2000 г., поскольку в конце 80-х — начале 90-х гг. в США наметилось увеличение рождаемости.

Если обернуть модель Р. Зайонца на нашу российскую ситуацию с рождаемостью, то ее падение к середине 90-х гг., связанное с катастрофическим снижением уровня жизни населения и утратой социальных перспектив, имеют и другую сторону. Возможно, что эти единственные дети будут умнее предшествующего поколения. Разумеется, если они будут жить в нормальных семьях, а родители будут уделять им внимание.

В августе 1986 г. Р. Зайонц опубликовал обобщающую статью, где прогнозировал результаты 27 исследований влияния конфигурации семьи на уровень интеллекта детей. Исследования проводились в США, Бельгии, Нидерландах, Англии, Франции и других странах с помощью разных тестов интеллекта. В каждом из них участвовало от 1 тысячи до 1 миллиона испытуемых. Был различен и возраст детей — от 5 до 18 лет.

Практически все работы свидетельствуют о снижении интеллекта детей с увеличением числа детей в семье. Эффект последовательности рождения был обнаружен лишь в 14 работах, проведенных в Нидерландах, США, Англии, Израиле и Франции: если там, где возраст детей-испытуемых не превышал 12 лет, эффект почти отсутствует, то в более старших группах (от 14 лет) тестовые результаты у детей, родившихся последними, снижены значительней.

Дети из многодетных семей отстают в школьной успеваемости, у них хуже развиты навыки чтения, они делают больше ошибок в вычислениях, хуже решают творческие задачи.

Выявлено, что при маленьких интервалах между рождением детей в наиболее неблагоприятных условиях развития оказывается средний

ребенок. Он отстает и в речевом развитии, и в интеллектуальном. Дело в том, что в многодетной семье интенсивность общения с появлением каждого нового ребенка переключается на него.

Первенец **получил** свою долю **общения** в **младенчестве**. Среднему родительского внимания не достается **всобщее**. Поскольку у него в 2-3 года должна формироваться **активная** речь, дефицит общения со временем **сказывается** на ее развитии. Ставшие дети, которым 3-5 лет, речью владеют еще недостаточно хорошо, а младшие **еще** не говорят, а лепечут. По данным исследований Т. А. Думитрашжу, в многодетных семьях с низким социально-экономическим статусом и средним возрастом первенцев, равным 9,5 годам, один из родителей придерживается авторитарного стиля воспитания. Авторитарность отца может быть положительным фактором, а авторитарная мать оказывает только отрицательное воздействие на детей. К **такому** поведению обычно склонны **эмоционально** лабильные и **импульсивные** женщины. Первенец в этих семьях имеет большое сходство **по** многим психологическим качествам с родителями, особенно с отцом.

В России самое объемное (и **единственное**) исследование влияния конфигурации семьи на развитие детей **предпринял** коллектив психологов под руководством И. В. Равич-Щербо.

В пяти городах России (**Москве** **Пеэми**, Ульяновске, Ижевске и Нальчике) **были** проанализированы учебные оценки учащихся вторых классов (7310 человек) и восьмых классов (5054 человека) средней школы. Авторы получили распределения **оценок по** основным школьным предметам в **зависимости** от особенностей **конфигурации** семьи. Результаты, которые получили **наши отечественные** коллеги, почти полностью **совпадают** с выводами **зарубежных** авторов.

Чем меньше размер семьи, тем больше вероятность, что дети будут учиться на четверки, пятерки. И **соответственно**, троечники и двоечники встречаются чаще в многодетных семьях. Подтвердилась и связь порядкового номера рождения ребенка с **успеваемостью**: дети, родившиеся первыми (1-2), имеют **преимущество** — они лучше успевают практически по всем предметам. Не выявилось только преимущество первенцев над детьми, **рожденными вторыми**, **закономерность** проявляется лишь на третьих-четвертых **детях**.

Разница в возрасте между детьми — фактор менее значимый, чем порядок рождения детей и размер семьи. **Наилучший** интервал рождения детей 6-7 лет. В целом же **неблагоприятно** сказывается на учебных успехах ребенка малая разница в возрасте **между** ним и его братьями и сестрами. Оказалось, что негативные **эффекты** размера семьи и порядкового номера рождения ребенка **сильнее** сказываются на школь-

ных успехах девочек, чем мальчиков: на девочек меньше обращают внимания, не занимаются их интеллектуальным развитием после поступления в школу. Любопытно, что «стартовые возможности» (начальный уровень успеваемости) у единственных дочерей выше, чем у единственных сыновей. В чем причина — мы расскажем далее.

Итак, «модель слияния», которая предсказывает изменение интеллектуальной среды семьи с появлением нового ребенка, получает все новые подтверждения.

Какой же должна быть идеальная конфигурация семьи, если следовать модели Зайонца?

Очевидно, такая семья должна состоять из 2-3 детей и пары родителей: причем разница в возрасте между детьми должна быть не меньше 6-7 лет? Но и в этом случае следует пристальное внимание обращать на интеллектуальное развитие среднего и особенно младшего ребенка. При такой модели семьи можно примерно рассчитать оптимальное время рождения ребенка. Если первенец родился, когда женщине было 20-22 года, то следующего ребенка она может родить в 26-29 лет, а третьего — в 32-36.

Конечно, эти выкладки не более чем вероятностные рекомендации. Индивидуальная жизнь разнообразнее всяческих теорий и гипотез. Тем более, сложна жизнь современной семьи.

Что касается единственного ребенка в семье, то его воспитание — отдельная проблема, которой посвящено достаточно книг и статей. Опасность здесь в воспитании «кумира семьи», эгоцентрика, который не может строить отношения с окружающими.

Уровень интеллекта ребенка определяется наследственностью (генотипом) и средой. На долю наследственности приходится 50% в детерминации интеллекта, на долю среды 30%, а на долю взаимодействия «генотип-среда» — 20%. Последнее требует пояснения.

Известный психолог и генетик Р. Пломин предположил, что люди, обладающие различными врожденными свойствами, по-разному реагируют на те или иные особенности среды, а социальное окружение, в свою очередь, по-разному реагирует на те или иные личностные качества, способности, темперамент человека. Р. Пломин выделил 3 типа взаимосвязи генотипа и среды.

1. Пассивное влияние — когда члены одной семьи имеют и общую наследственность. Тем самым способности усиливаются за счет аналогичной среды.
2. Реактивное влияние — реакция среды на проявление врожденных психических свойств ребенка, которая приводит к доминированию определенных личностных черт.

3. Активное влияние — индивид **либо** активно ищет среду, либо создает ее собственными усилиями, причем среда должна соответствовать **его** врожденным **особенностям**.

Пример первого вида взаимодействия — семья **композиторов** Бахов: дети, **обладающие** музыкальными **способностями** развиваются в музыкальной среде. Второй тип взаимодействия проявляется, например, в различных отношениях родителей-усыновителей к приемным детям: отношения зависят от уровня **интеллектуального** развития детей. Третий тип взаимодействия — **активный** выбор профессии и учебного заведения. Юноши и девушки выбирают среду, соответствующую их способностям и склонностям. В течение жизни типы взаимодействия генотипа и среды чередуются: на первых **этапах** развития ребенка преобладает пассивное взаимодействие генотипа и среды, затем оно сменяется **реактивным взаимодействием**, затем **следует** активный тип взаимодействия.

Общение и совместная **деятельность родителей** и детей относятся к третьему типу, поскольку инициатором общения и **взаимодействия**, как правило, выступает ребенок. Существуют **основные** модели (помимо модели Р. Зайонца) влияния родителей на интеллект детей.

1. Экспозиционная модель. Считается, что решающее значение для развития интеллекта детей имеет **продолжительность** их общения друг с **другом**. Ребенок чаще и дольше **общается** с матерью, поэтому предполагается, что уровень **интеллектуального** развития детей будет больше коррелировать с уровнем **интеллекта** матерей, чем отцов. И действительно, данные многочисленных психологических исследований свидетельствуют о наличии «материнского эффекта»: величина **корреляции** интеллектов ребенка и матери обычно выше, чем ребенка и отца.

Существуют и другие данные. В некоторых исследованиях **выявлен** и **противоположный** «отцовский эффект»: **интеллект отца** теснее коррелирует с интеллектом ребенка.

2. Идентификационная модель. В **основе** ее лежат представления о ребенке **как существе, уподобляющемся** близким для него людям. Предполагается, что ребенок активно осваивает новые способы поведения, присущие своему полу, **психологически отождествляя** (идентифицируя) себя с родителем того же пола.

Идентификация ребенка с родителем **сына** с отцом, дочери с матерью действительно предопределяет **сходство** между ними по некоторым личностным чертам, но прогнозы этой модели по отношению к развитию **способностей** не оправдываются. Следовало бы ожидать бо-

лее высоких корреляций уровней интеллекта отца и сына, матери и дочери, нежели отца и дочери, сына и матери. Данные тестирования этого не подтвердили.

Трудно спорить о том, что продолжительность общения со взрослым влияет на развитие ребенка. Давно доказано, что родители являются первым образцом для подражания. Проблема в том, о каком общении идет речь и кто является объектом идентификации и подражания? Чаще всего инициаторами общения в семье являются дети, а не взрослые. Разумеется, ребенок тянется к более эмоционально близкому взрослому. Именно эмоционально близкий взрослый служит ему главным партнером в общении. Следовательно, и сходство детей и родителей между собой по уровню интеллекта должно определяться их эмоциональными отношениями. Ребенок будет более интеллектуально похож на того родителя, с которым он более эмоционально близок, с которым он интенсивнее общается, которому подражает.

Я исхожу из того, что развитие интеллектуальных способностей ребенка определяется его активным выбором партнера по общению из двух родителей. Но все ли решает эмоциональная близость? Следуя предложенной системе главных отношений, определяющих структуру семьи, столь же важную роль может иметь властный авторитет родителя или значение родителя как носителя ответственности.

Рассмотрим постсоветскую семью, с которой нам придется иметь дело. Эмоционально ближе к ребенку мать, она же чаще несет ответственность за семью. Иногда отец доминирует, иногда доминирует мать. В постсоветской семье основным видом отношений стала эмоциональная близость-отдаленность. Нетрудно прогнозировать, что в таких семьях дети будут тянуться к матери, а не к отцу.

Итак, значимый взрослый может быть и образцом подражания, и объектом общения. Образец подражания и объект общения не всегда совпадают в одном лице, но влияние, которое оказывает эмоционально близкий родитель на ребенка, несомненно.

Я приведу в качестве иллюстрации одно исследование, которое провела О. Н. Скоблик — моя аспирантка.

Если эмоционально близкий родитель влияет на уровень интеллекта ребенка, общаясь с ним, то, в соответствии с теорией Р. Зайонца их интеллектуальные уровни должны сближаться. Проще говоря, уровень интеллекта ребенка должен быть ближе к уровню интеллекта того из родителей, который ему более эмоционально близок и с которым он чаще и интенсивнее общается.

Следовательно, нам нужно было определить величину эмоциональной близости между отдельными членами семьи и **уровень** интеллекта каждого из них.

Для тестирования уровня **общего интеллекта** мы выбрали тест Р. Кеттелла (тест, свободный от культуры). С помощью методик «Рисунок семьи» в иллюстрации Г. Н. Хаментаскаса, теста семейных отношений (FRT), теста родительского отношения А. Я. Варги и В. В. Сголина и специальной анкеты для родителей были определены эмоциональные **отношения** между членами семьи.

Главная трудность этого исследования состояла в том, что нам нужно было **избавиться** от влияния массы внешних, **дополнительных** факторов, которые могли бы повлиять на результаты.

В исследовании участвовали **86 семей**, в которых было 258 членов. Средний возраст детей на момент **тестирования** равнялся 9,5 годам, все они посещали 3-й класс начальной школы. В группе детей-испытуемых было по 43 девочки и 43 мальчика. Исследование **проводилось** на базе средней школы № 19 г. Новочебоксарска. Группа семей была отобрана таким образом, чтобы они не **отличались по возрасту** детей, социально-экономическому статусу, региону **проживания**. В наше исследование не были включены семьи с различными типами дезорганизации, в частности, мы исследовали только полные **семьи**, не рассматривали семьи с асоциальным поведением одного или **нескольких родителей** и т. д.

Однако мы не учитывали и не **уравнивали** выборку по количеству детей в семье, наличию бабушек или дедушек возрасту родителей. Отношения между родителями также **не учитывались**.

Следует, наверное, сказать несколько слов о тесте Р. Кеттелла. «Культурно-независимый гест интеллекта» Р. Кеттелла был издан впервые в 1949 г. Институтом личностного **тестирования** и тестирования способностей. В нашей стране получила **известность** была **адаптирована** и издана версия 1985 г. Гест прошел проверку и широко используется во всем **мире** (в США, Англии, ФРГ, Чехословакии, Болгарии).

Он **достаточно** надежен. Результаты выполнения теста свидетельствуют об уровне развития общего интеллекта, который **предопределяет** способность успешно применять **знания** для решения задач, успешность в обучении и профессиональной **деятельности**. Подробнее о теории интеллекта Р. Кеттелла и его тесте можно прочитать в моей книге «Психология общих **способностей**» (1995).

Здесь же имеет смысл **рассматривать** методики, которые используются для анализа семейных отношений и которые мы применили в своем исследовании. О методике «**Рисунок семьи**» уже говорилось.

Для облегчения интерпретации теста «Рисунок семьи» он был совмещен с цветовым тестом отношений (ЦОТ) О. С. Сермягиной.

Что представляет собой этот тест? Его методической основой стал цвето-ассоциативный эксперимент. Считается, что важнейшие особенности отношения человека к себе самому, а также к значимым для него людям отражаются в цветовых ассоциациях. Этот тест позволяет выявить глубинные, неосознаваемые компоненты человеческих эмоциональных отношений.

Как проводится методика? Испытуемый должен подобрать подходящий цвет (цвета) к каждому персонажу или понятию. Всего в его распоряжении восемь цветов: красный, синий, желтый, зеленый, серый, черный, коричневый, фиолетовый. Затем он должен разложить цвета в порядке предпочтения: на первое место ставится наиболее предпочитаемый цвет, на последнее — отвергаемый.

Интерпретация проводится следующим образом. Сопоставляются цветовые предпочтения с цветами, которые приписаны тому или иному лицу. Если на первых местах испытуемый оставил цвета, которые он приписал персонажу, то это говорит о положительном отношении. Если с персонажем ассоциируются цвета, стоящие на последнем месте, то испытуемый относится к нему плохо.

«Рисунок семьи» дети выполняли с помощью восьми цветных карандашей. Детям предлагалось в правом верхнем углу нарисовать восемь квадратов и закрасить их в такой последовательности: сначала используйте цвет, который вам нравится больше всего, затем цвет, который стоит на втором месте по привлекательности; на третьем и четвертом месте — предпочтительные цвета; на пятом и шестом местах — безразличные цвета, на последних (7-8) — цвета, которые не нравятся. После того как ребенок закрасит все квадратики ему предлагается нарисовать семью, в том числе и себя, с помощью цветных карандашей. Фиксируется последовательность появления фигур на бумаге и определяется, какая фигура кого из членов семьи изображает. Кроме того, фиксируются перерывы в работе более 15 секунд, стирание деталей, комментарии ребенка к рисунку.

И наконец, после выполнения теста ребенку предлагалось решить шесть ситуационных задач: три из них должны были выявить негативные чувства к членам семьи, а три — позитивные. Результаты выбора ребенок указывал на отдельном листе. Давались ситуации такого типа: «Представь себе, что ты имеешь два билета в цирк. Кого бы ты позвал с собой?» Или: «Представь себе, что твоя семья идет в гости, но один из вас заболел и должен остаться дома. Кто он?»

При интерпретации рисунков учитывались следующие признаки:

- 1) выбор цветов при рисовании членов семьи и связь этого выбора с предпочтениями цветов;
- 2) структура семьи — состав реальной и **нарисованной** семьи, расположение и взаимодействие членов семьи на рисунке;
- 3) характер изображений отдельных членов семьи;
- 4) особенности **процесса** рисования.

Положительное **отношение** к родителю проявлялось в следующих **признаках**: общая деятельность с родителем, близость к нему на рисунке (по сравнению с другими членами семьи). Наиболее детально рисуют и длительное время раскрашивают самого любимого члена семьи.

На отрицательное отношение указывают признаки, противоположные перечисленным: большие расстояния от родителя на рисунке; член семьи **рисует** без деталей, иногда даже без отдельных частей тела. При рисовании нелюбимого члена семьи дети **используют** штриховку, стирают и перекрашивают отдельные детали или **фигуру** в целом.

Отношение ребенка к родителям **выявляется** тестом семейных отношений (Family Relations Test). Это проективная **методика** исследования личности была опубликована Д. Антони и Е. Бине в 1957 г. Она позволяет оценить **чувства**, которые ребенок испытывает к членам семьи, и как он воспринимает отношение к себе. Тест включает в себя два субтеста. В первой части дается комплект из 10 контурных **фигурок** людей. **Ребенок** должен их принять за членов семьи. Самая важная для **тестирования** фигурка — господин Никто. Во **второй** части теста содержится набор из сорока карточек с **высказываниями**, исходящими от определенного человека либо обращенными к другому человеку. Они выражают чувства ребенка к родителям, другим членам семьи, а также те чувства, которые они **испытывают** к ребенку.

Карточки пронумерованы и вручаются обследуемому в строго **определенной последовательности**. Они **подразделяются** на две группы. В первую входят карточки с эмоционально-положительными и эмоционально-отрицательными высказываниями: из них 10 обращены к членам семьи и 10 — к самому ребенку. В них речь идет о реальных чувствах. Ко **второй** группе относятся карточки (**20**) с отрицательными и положительными эмоциональными высказываниями, в которых отражены чувства **членов** семьи, окружающих ребенка. Пример **высказывания** из первой группы: «На этого **человека** я часто злюсь». Пример **высказывания** из второй группы: «**Этот** человек из нашей семьи меня очень любит».

Ребенок должен в ходе тестирования выбрать из десяти фигур те, которые представляют членов семьи и господина Никто. Фигуры прикрепляются к маленьким коробкам. Затем с ребенком играют в «почту». Ему зачитывают и отдают карточки с высказываниями, а он играет роль почтальона и опускает их в коробку с той фигурой, которой, как он считает, сообщение адресовано. Господин Никто получает те послания, которые не подходят ни для одного члена семьи.

Результаты тестирования заносятся в особый бланк. Колонки соответствуют членам семьи, а строки соответствуют номерам высказываний. По отношению к каждому члену семьи высказывания с положительным и с отрицательным отношением суммируются и выводятся индекс эмоционального отношения ребенка к другому члену семьи.

Родительское отношение к ребенку тестируется опросником А. Я. Варги и В. В. Столина.

Авторы опросника обследовали 197 родителей психически здоровых детей из 93 семей. Возраст детей — от 7 до 11 лет. Все родители обращались в консультативный центр помощи семье факультета психологии МГУ. Высказывания родителей и послужили материалом для опросника. Всего в опросник после процедуры **валидации** было включено 62 высказывания, которые должны измерять 5 факторов: «принятие-отвержение», «кооперация», «симбиоз», «авторитарная гиперсоциализация» и «маленький неудачник».

В своем исследовании мы анализировали лишь данные по шкале «принятие-отвержение», которая включает почти половину пунктов опросника. Она отражает целостное эмоциональное отношение родителя к ребенку.

А. Я. Варга и В. В. Столин так описывают полюсы шкалы. Родитель относится к ребенку положительно, если: ему нравится ребенок таким, какой он есть, родитель уважает индивидуальность ребенка, симпатизирует ему, стремится проводить много времени с ним, одобряет его интересы и планы. Негативное отношение (неприятие) проявляется в **ТОН**, что родитель воспринимает ребенка плохим, неприспособленным, неудачливым, неумным, склонным к дурным поступкам. Родитель **испытывает** досаду на ребенка, злость к нему, раздражение, обижается на него. Он не доверяет ребенку и не уважает ребенка.

Тестировались оба родителя. Высокий балл по шкале интерпретировался как отвержение, низкий — как эмоциональное принятие.

Сопоставление данных, полученных с помощью опросника А. Я. Варги и В. В. Столина, показало, что отношения ребенка к родителям часто совпадают с отношением родителя к ребенку. В частности, более пози-

тивное отношение к ребенку проявлял тот родитель, который был для ребенка менее эмоционально значим.

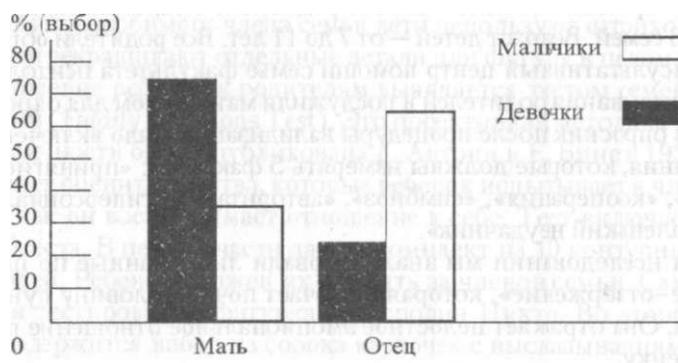
Стиль родительского воспитания и тип отношения к ребенку могут не соответствовать отношению ребенка к родителю.

Поскольку именно ребенок является инициатором общения, он может не **ПОЛУЧАТЬ** от родителя эмоциональный отклик, адекватный своему **ОТНОШЕНИЮ**.

Кто же более **ЭМОЦИОНАЛЬНО** значим для наших детей?

Практически все отечественные авторы отмечают большую эмоциональную близость между ребенком и матерью.

В исследовании О. Н. Скоблик девочки в **75%** случаев предпочитают мать, а в **24%** случаях — отца. Мальчики в **65%** случаев выбирают отца, а в **35%** случаев — мать.

В целом же 50% детей выбрали мать, а 44% — отца. Но скорее всего в **предпочтениях** «работает» механизм **полорелевой** идентификации: дети выбирают чаще родителя того же пола.

Возможно и другое объяснение. Подобного рода исследования, проводимые в 60–70-е гг., давали иные результаты: **идевочки**, и мальчики предпочитали **мать**. Кнут **Пиппинг**, исследователь из ГДР, еще в 1954 г. выявил, что большинство детей молодых людей (от 18 до 22 лет) **независимо от** пола считают, что им эмоционально ближе **МАТЬ**. Но в этом случае следует учесть трагедию Второй мировой войны.

Но в наших результатах четко проявилась смена предпочтений, по **крайней** мере, у мальчиков, воспитанных в **постсоветской** семье, по сравнению с детьми советской эпохи. Изменение **направлено** в сторо-

иу протестантской модели семьи — возрастает эмоциональная близость сыновей с отцами и значимость отцов для детей.

Если такие исследователи, как К. Н. Волкова, в 1972 г. подчеркивали ослабление эмоциональной связи между отцами и детьми в связи с интенсивной утратой отцами их реальных функций в семье и контактов (бытовых, нравственных, эстетических) с детьми, то ныне процесс пошел в иную сторону. С этим результатом можно сопоставить данные О. С. Серягиной. Она опрашивала родителей и выявила, что как отцы, так и матери оценивали выше свою мать, нежели отца.

Их сыновья в 1990-е гг. дают существенные оценки, что явно свидетельствует об изменении преобладающего типа структуры отношений в семье.

Какие же результаты были получены в исследовании?

Подтвердилась известная гипотеза «АССОРТАТИВНОСТИ»: люди склонны жениться и выходить замуж за партнеров, сходных с ними по уровню интеллекта. Не только «дурак дурака видит издали», но и умная умного, и наоборот. Коэффициент корреляции уровня общего интеллекта родителей 0,366 (положительный и значимый). Возможно и взаимовлияние. Так, психолог Н. Н. Обозов показал, на основе результатов своих исследований, что длительное общение в супружеских и дружеских парах приводит к сближению личностных черт партнеров. Правда, сближение уровней интеллекта супругов после их длительного семейного проживания не выявлено.

Однако Н. Н. Обозов обнаружил другой факт: те студенты, которые сохраняли дружеские отношения с 1-го по 5-й курс, сближались по профилю интеллекта.

Но нас больше интересовали корреляции интеллекта родителей и детей.

Напомню еще раз, что во многих исследованиях обнаружен материнский эффект: большее соответствие уровней интеллекта матерей и детей, чем отцов и детей. Этот феномен был обнаружен, например, в Гавайском исследовании приемных детей. Исследователи сопоставляли братьев и сестер, детей и родителей, а также родителей между собой. Тестировались американцы японского и европейского происхождения.

Исследователей интересовали общий интеллект, словесный интеллект, пространственный интеллект, скорость восприятия, зрительная ПАМЯТЬ.

Корреляции у матерей и детей (как сыновей, так и дочерей) получились выше, чем у отцов и детей.

Аналогично в Миннесотском исследовании 176 приемных детей исследовались 100 семей, которые включали и кровных детей. И при этом исследовании материнский эффект оказался значительнее, чем отцовский (табл. 6).

Таблица 6. Внутрипарное сходство родителей и детей по показателям общих способностей

Сравниваемые пары	η	г
Отец-дочь	43	0,434
Отец-сын	43	0,426
Мать-дочь	43	0,524
Мать-сын	43	0,444
Мать-ребенок	86	0,484
Отец-ребенок	86	0,430
Родитель-ребенок	86	0,453
Родители между собой	86	0,366
Более близкий родитель - дочь	43	0,621
Менее близкий родитель - дочь	43	0,385
Более близкий родитель - сын	43	0,566
Менее близкий родитель - сын	43	0,337
Более близкий родитель - ребенок	86	0,584
Менее близкий родитель - ребенок	86	0,353
η — количество пар; г - коэффициент корреляции		

Нетрудно заметить, глядя на таблицу, что максимально сходны уровни **ИНТЕЛЛЕКТА** матерей и дочерей ($г = 0,524$). Дочь в русской семье **воспитывается** как «вторая мама», максимально близка к **матери** и подражает ей (до определенного времени, точнее до **14–16** лет).

Вообще коэффициент корреляции уровней интеллекта родителей и детей в нашем исследовании **получился** значительно выше, чем во многих других аналогичных исследованиях: соответственно у нас — 0,437, а средний по иным работам — 0,35.

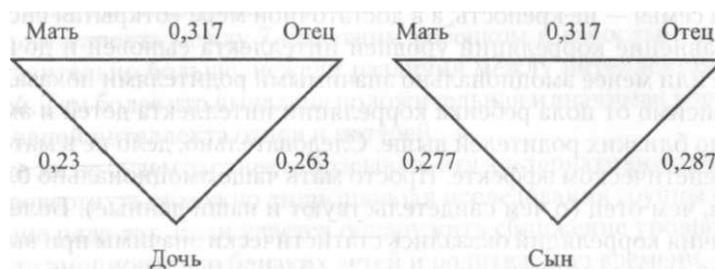
Попытаемся использовать эти коэффициенты корреляции для решения иной задачи — восстановления структуры эмоциональной близости в семье.

Ведь можно считать так: если в сходстве интеллекта членов семьи проявляется их эмоциональная близость, то по коэффициентам корреляции интеллекта можно **ВЫЯВИТЬ** близость членов среднестатистической семьи.

Для этого переведем коэффициенты корреляций (r) в расстояния — r , ($0 < r < 1$):

$$p = 1 - r / 2$$

И получим следующую картину условных расстояний между членами среднестатистической семьи:

Очевидно, сын в российской семье (если верна наша гипотеза) находится в худшем положении, нежели дочь. Впрочем к этому выводу мы уже пришли раньше, анализируя психологическую структуру постсоветской семьи: мать дальше от отца, чем сын, сын ближе к матери, чем к отцу.

Вывод, хотя и интересный, но ожидаемый.

Но вернемся к нашей исходной гипотезе и посмотрим, действительно ли у ребенка с эмоционально значимым родителем больше сходства в уровне интеллекта, чем с родителем, менее эмоционально значимым.

Мы разделили всех родителей на более и менее значимых и подсчитали четкие коэффициенты корреляции интеллекта менее и более значимых родителей с дочерью и сыном. Конечно, следовало бы выделить отдельно корреляции детей с отцами (более или менее значимыми) и аналогично — с матерями, но для этого объем выборки был явно недостаточен.

Замечу, что подобные исследования не только очень трудоемки, но и весьма не просты с точки зрения организации: семья очень закрытая система. Не все хотят, чтобы их семейные проблемы стали достоянием третьих лиц. Взрослые иногда соглашаются на тестирование с большой неохотой. Поэтому от психолога, проводящего подобную работу, требуются мудрость, такт и умение общаться с людьми.

Любое тестирование вольно или невольно превращается в консультацию, поскольку люди ждут от психолога конкретной помощи в ре-

шении своих жизненных проблем: отношения с **супругом**, воспитание и здоровье детей, успеваемость в школе волнуют родителей. И мало кто желает «послужить науке», хотя изредка встречаются и такие случаи. Чаще же психологу приходится преодолевать настороженность.

Но в целом наши родители желают получить как можно больше **компетентной** информации о своих детях и об отношениях в семье. Наша семья — не крепость, а в достаточной мере «открытая система».

Сравнение корреляций уровней интеллекта сыновей и дочерей с более или менее эмоционально значимыми родителями показало, что независимо от пола ребенка корреляции интеллекта детей и эмоционально близких родителей выше. Следовательно, дело не в материнском генетическом эффекте. Просто мать чаще эмоционально ближе к детям, чем отец (о чем свидетельствуют и наши данные). Более того, различия корреляций оказались статистически значимы при **высоком** уровне достоверности.

Отсюда следует и другой вывод: идентификация с родителем того же пола имеет важное значение для формирования ряда личностных качеств, но не имеет практически никакого значения для формирования когнитивных способностей. В последнем случае работают совершенно иные механизмы.

Ясно одно: передача культурного **опыта**, интеллектуального потенциала осуществляется в семье при взаимодействии ребенка и взрослого.

Но что должен делать взрослый, чтобы реализовать свою роль интеллектуального донора и воспитателя? Мы не **изучали** влияние на развитие **детей** отношений между супругами. Однако есть данные о взаимосвязи **отношений** между супругами и их **отношением** к ребенку. Существуют и данные, касающиеся связи уровня развития детей с качеством сотрудничества родителей в семье.

Дискомфорт в супружеских отношениях приводит к замедлению развития ребенка (не только личностного, но и интеллектуального). Отношения между родителями особенно сильно влияют на умственное развитие детей от 3 до 4 лет.

И все же когнитивное развитие (**по Ж. Пиаже**) в большей мере зависит от того, как родитель справляется с обучением ребенка в коде общения, нежели от того, как родители относятся друг к другу. **П. И. Керич** в 1990 г. проводил исследование влияния семейных взаимоотношений на отношение к ребенку и выявил, что на развитие ребенка влияет стиль речевого общения родителей.

После окончания любого исследования в голову приходят «крамольные» мысли: а вдруг причина сходства уровней интеллекта родителей

и детей иная? Не исключено, что причина и следствие в нашей исходной гипотезе могут поменяться местами. Предположим, что ребенок больше эмоционально тянется к тому из родителей, с которым он больше схож по уровню развития интеллекта. Тогда причиной будет степень сходства интеллектов, а следствием — эмоциональная близость-отдаленность, принятие-непринятие.

Эта гипотеза маловероятна хотя бы потому, что различия в уровне интеллекта между 7-9-летним ребенком и взрослым человеком значительно больше, нежели различия между интеллектами родителей. Тем более что выявлена положительная и значимая корреляция уровней интеллекта отцов и матерей.

И все же не будем заранее отбрасывать эту альтернативную гипотезу. Опровергнуть ее можно лишь проводя исследования группы семей в течение ряда лет. Если удастся обнаружить сближение уровней интеллекта эмоционально близких детей и родителей во времени, то гипотезу о первичности сходства интеллектов можно будет отбросить. Точнее говоря, различия в величинах корреляций интеллекта пар эмоционально близких детей-родителей и эмоционально далеких должны с течением лет увеличиваться.

И последнее. Остается открытым вопрос о влиянии стиля родительского воспитания на развитие интеллекта ребенка. Предыдущее исследование зафиксировало роль жизненного отношения ребенка к родителям в детерминации его интеллекта. Обратное влияние также должно стать предметом особого исследования.

В 1975 г. Р. Пломин и Д. С. де Фриз проводили исследования 200 семей с приемными детьми и столько же контрольных семей. Им удалось установить, что умственное развитие детей определяется психологической готовностью родителей к контактам с детьми. И более того, оказалось, что дети тех родителей, которые проявляли эмоциональную и вербальную готовность к общению со своими годовалыми детьми, через год показали более высокий уровень интеллектуального развития. Данные Дж. Горна (1982) свидетельствуют о том, что от дружественной семейной среды зависят в первую очередь показатели невербального (пространственно-практического) интеллекта.

О влиянии стиля родительского воспитания на интеллект ребенка и пойдет речь в следующем разделе.

Экспериментальное исследование было проведено моей аспиранткой Е. А. Воробьевой в 1993–1995 гг.

Мы использовали в исследовании метод контрольного близнеца. Суть его такова. К участию в экспериментах привлекается несколько

пар однойцевых (**монозиготных, МЗ**) близнецов. Эти близнецы имеют **100%-ную одинаковую** наследственность. Однако экспериментальному воздействию подвергается только один близнец. Близнецы, которые не подвергались воздействию, образуют контрольную группу, а те близнецы, которые участвовали в основной серии эксперимента, входят в экспериментальную группу. Если экспериментальное воздействие дает эффект (обнаруживаются значимые различия результатов контрольной и экспериментальной группы), то различия психических состояний людей, которые мы вызвали в эксперименте, обусловлены не наследственностью, а средой.

В основном исследовании приняли участие 52 пары однойцевых близнецов 13-14 лет. Из них 27 пар девочек и 25 пар мальчиков. Все они учились в средних школах г. Ростова-на-Дону. Первоначальная выборка была значительно больше, часть близнецов по разным причинам не участвовала в исследовании. При исследовании близнецов были применены тест Д. Векслера (**WJSC-R**), опросник для диагностики зиготности близнецов Н. Ф. Талызиной, С. В. Кривцовой, Е. А. Мухаматулиной, методика анализа стилей семейного воспитания Э. Г. Эйдемиллера, стандартизированная **постэкспериментальная беседа**, опросник для измерения мотивации достижений М. Ш. Магомед-Эминова.

В чем же состояло экспериментальное воздействие? Любой психологический лабораторный эксперимент представляет собой **взаимодействие** испытуемого и экспериментатора, опосредованное общением.

На испытуемого воздействует вся экспериментальная ситуация — ситуация общения. Поэтому в 4 разных группах **монозиготных** близнецов были реализованы различные стили общения.

Нас интересовало, как **власть** экспериментатора и эмоциональная поддержка, **оказываемая** испытуемому, повлияют на результат выполнения интеллектуального теста.

Были реализованы 4 стили общения. Каждый стиль представлял собой сочетание наличия или отсутствия двух **факторов**: эмоциональной поддержки и контроля за поведением испытуемого.

Переменные **рассматривались** как **независимые**. Всем детям сообщалось, что результаты исследования будут известны **только** им и экспериментатору.

Главной проблемой любого **подобного** эксперимента является контроль **внешних** дополнительных переменных (**факторов**), которые могут оказать влияние на результаты деятельности **испытуемых**.

К числу этих факторов в первую очередь относится отношение испытуемого к самому эксперименту, которое может влиять на **заинте-**

ресованность испытуемого и успешность решения интеллектуальных задач. Чтобы **обеспечить** необходимую мотивацию испытуемых, с ними проводилась беседа: сообщалось, чем психолог отличается от врача-психиатра, невропатолога или педагога, в чем суть психологической работы.

Экспериментатор говорил, что цель эксперимента состоит в сборе информации о близнецах для создания в г. Ростове-на-Дону близнецового центра. Аналогичный центр уже создан в Санкт-Петербурге. Психологи поясняли, что результаты эксперимента позволят близнецам лучше узнать себя. Помимо этого гарантировалась анонимность и конфиденциальность диагностической информации. Таким способом удалось избежать эффекта тестирования и снизить страх испытуемого перед экспериментом.

Важное значение имел сбор сопутствующей информации: выявление стиля семейного воспитания, определение очередности рождения близнецов (по данным предварительного обследования, перворожденные близнецы имели несколько больший уровень IQ, чем второрожденные). Выяснялась воспитательная установка родителей близнецов на сходство или различие, она влияет на расхождение показателей IQ монозиготных близнецов. В беседе выявлялась численность семьи, наличие других детей, очередность их рождения, наличие других близнецов.

Не меньшее значение имеет и то, где проживали и воспитывались близнецы, какая у них семья: полная, неполная, расширенная и пр. Кроме того, определялось наличие или отсутствие лидерства в паре.

Весь экспериментальный цикл с одним испытуемым проходил в течение двух дней.

Все обследованные дети являлись уроженцами одной местности (ростовчане), из них 37 пар русских, 6 пар украинцев и 9 пар армян. Но все они считали себя русскими. Только три пары армянских детей были беженцами. Итак, почти все близнецы, участвовавшие в исследовании, принадлежали русской культуре. Все они родились в 1980-1981-х гг.

К сожалению, многие дети-близнецы жили в неполных семьях: у 5 пар отсутствовал отец, 3 пары близнецов жили с отчимом или мачехой, 4 пары близнецов имели старших братьев и сестер, младших братьев или сестер имели 7 пар близнецов. Все они проживали вместе.

Пары близнецов были разделены на 4 группы на основании данных, полученных по опроснику Э. Г. Эйдемиллера, по типам семейного воспитания, а внутри этих групп отнесены к контрольной или экспериментальной подгруппе.

В ходе **основной** части эксперимента (третий день) испытуемые должны были решать задачи теста Д. Векслера на определение уровня общего, вербального и невербального интеллектов.

Наряду с основной тестовой инструкцией в каждой из экспериментальных серий вводились дополнительные **компоненты** в общение испытуемого и **экспериментатора**: в I группе реализованы контроль и эмоциональная поддержка. После того как была **зачитана инструкция**, перед выполнением каждого из субтестов экспериментатор требовал рассказать, что **сейчас** надо делать. Испытуемый пересказывал содержание инструкции. Затем экспериментатор говорил: «Хорошо, молодец, тогда **начнем**».

После решения очередной задачи **экспериментатор** спрашивал: «Почему ты так думаешь? Объясни, пожалуйста». Получив от испытуемого разъяснения, экспериментатор говорил: «Хорошо, спасибо, ты **молодец**» (или: «Ты отлично справился», «Ты очень хорошо соображаешь», «С тобой приятно **работать**»). По завершении **каждого** субтеста (серии заданий) у испытуемого спрашивалось, не хочет ли он передохнуть. Если он хотел этого, то после VI субтеста ему давалась возможность **отдохнуть** в течение 10 минут. В **конце** экспериментатор говорил: «У тебя все **отлично** получилось. **Молодец**, мне очень понравилось, как ты **работал**».

Во II группе (контроль при отсутствии эмоциональной поддержки) перед каждым из субтестов экспериментатор **требовал**: «Расскажи, что сейчас нужно будет делать?» После решения испытуемым очередной задачи в каждом субтесте экспериментатор спрашивал: «Почему ты так думаешь? Объясни, пожалуйста». В **конце VI субтеста** предлагался 10-минутный **отдых**.

В III группе (отсутствие контроля при наличии эмоциональной поддержки) после решения очередной задачи экспериментатор говорил испытуемому: «Молодец» («Хорошо, **ты** отлично справился», «Ты очень хорошо соображаешь», «С тобой приятно **работать**»). После окончания каждого субтеста экспериментатор спрашивал испытуемого, не устал **ли** он. Если испытуемый отвечал, что устал, ему предлагалось подождать до завершения VI субтеста, **когда будет** дан 10-минутный **отдых**. После окончания работы экспериментатор говорил испытуемому: «У тебя все отлично **получилось**, молодец! Мне очень понравилось с тобой **работать**».

В IV группе (**отсутствие** контроля и эмоциональной поддержки) применялась стандартная инструкция теста Д. Векслера, с 10-минутным отдыхом после проведения VI субтеста.

Стандартная процедура теста Д. Векслера проводилась и во всех контрольных группах (как и в IV экспериментальной).

Таким образом был реализован следующий экспериментальный план:

Таблица 7. Стили общения

Контроль	Эмоциональная поддержка	
	Есть +	Нет -
Есть +	X ₁	X ₂
Нет -	X ₃	X ₃

После проведения исследования назначался день встречи (четвертый день), когда испытуемому сообщались сведения о его уровне способностей, полученные после обработки данных тестирования.

На первом этапе обработки результатов нас интересовало, влияют или не влияют контроль и эмоциональная поддержка испытуемого экспериментатором на его интеллектуальную продуктивность?

Для этого данные были подвергнуты процедуре двухфакторного дисперсионного анализа, где факторами были:

- 1) наличие или отсутствие контроля поведения,
- 2) наличие или отсутствие эмоциональной поддержки (модель «два фактора — две градации»).

Данные по экспериментальным группам представлены в табл. 8.

Таблица 8. Контроль поведения, эмоциональная поддержка и IQ

Эмоциональная поддержка	Контроль поведения		
	К	К - -	Х - -
Э	120	114	117
Э - -	107	91	90
Х - -	113,5	102,5	108

Таким образом, различия средних значений IQ, определяемые уровнем эмоциональной поддержки, характеризуются разницей по строкам, а различия, определяемые уровнем контроля поведения, — разницей значений по столбцам.

Не вдаваясь в процедуру подсчетов (она стандартна), скажем о результатах.

Получены значимые статистические различия (при точности $\alpha \approx 0,05$) только показателей измерения интеллекта тестом Д. Векслера между группами испытуемых, получившими и не получившими эмоциональную поддержку. Те, кто получает эмоциональную поддержку экспериментатора, лучше решают тестовые задания.

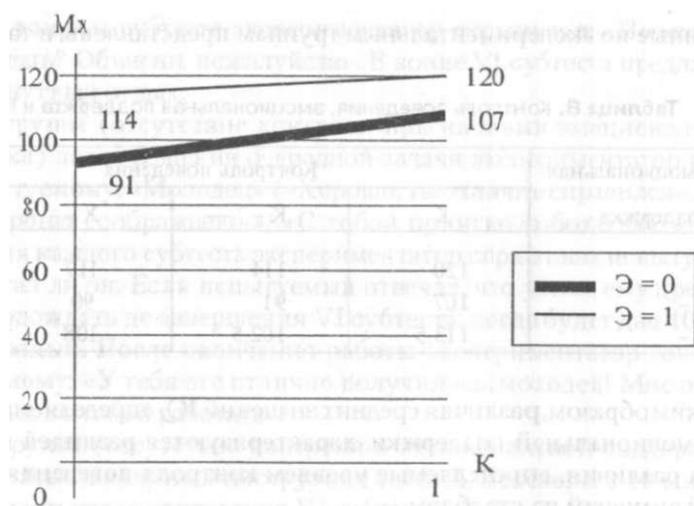
Наличие или отсутствие контроля за поведением испытуемого значимо не сказывается на результатах измерения интеллекта.

Однако следует учитывать эффект взаимодействия независимых переменных. Различают три вида взаимодействия:

- 1) нулевое взаимодействие, или отсутствие взаимодействия;
- 2) «расходящееся» взаимодействие — одна переменная нивелирует влияние другой;
- 3) максимальное взаимодействие — влияние одной переменной приводит к смене знака второй.

На иллюстрации по оси абсцисс отложены уровни одной из независимых переменных контроля за поведением ($K = 0, K = 1$). На оси ординат значения общего интеллекта по тесту Д. Векслера в экспериментальных подгруппах (получивших эмоциональную поддержку $\Theta = 1$ и не получивших эмоциональной поддержки $\Theta = 0$).

Таким образом, видно, что включение фактора контроля за поведением уменьшает влияние фактора эмоциональной поддержки.

Результаты экспериментальных и контрольных групп также были сопоставлены по F-критерию Фишера. Результаты показали наличие значимых различий между показателями IQ экспериментальных и контрольных подгрупп I, II и III. Между тем в IV группе таких различий не было. Следовательно, влияние ситуационной эмоциональной поддержки и контроля за поведением существует, и этот эффект не зависит от генотипических различий испытуемых.

Таблица 9. Влияние поддержки

Поддержка	Коэффициент корреляции
1	0,616
2	0,381
3	0,764
4	0,969

Были подсчитаны коэффициенты внутриклассовой корреляции, свидетельствующие о сходстве или различии результатов близнецов экспериментальной и контрольной групп. Как видно из табл. 9, максимальная корреляция по данным тестирования IQ в IV подгруппе (что очевидно). Минимальная корреляция между контрольной и экспериментальной группами близнецов регистрируется во 2-й ситуации (**подгруппе**) — действие одного лишь фактора контроля поведения без фактора эмоциональной поддержки, что полностью соответствует предыдущим результатам (см. график).

На первый взгляд, результат отвечает **представлениям** Л. С. Выготского о «зоне ближайшего развития»: любое поддерживающее вмешательство взрослого улучшает результат решения задачи подростком. Но, по нашим данным, большее (и значимое) влияние оказывает эмоциональная поддержка, а не когнитивно-поведенческий контроль. Дело не в помощи взрослого ребенку, которой не было, а в создании определенной эмоциональной обстановки.

Напрашивается вывод: если мы будем оказывать эмоциональную поддержку детям в ходе выполнения ими интеллектуальной деятельности, то эффект воздействия будет максимален, а влияние контроля приводит к уменьшению этого эффекта.

Кроме того, нетрудно заметить значительно более низкие коэффициенты внутрипарного сходства в группах I и III по сравнению с IV группой (см. табл. 10).

Таблица 10. Эффективность стиля общения экспериментатора с близнецами МЗ в зависимости от их доминирующей мотивации

Доминирующая мотивация	Средний внутренний гирост интеллекта М ₃ близнецов (в IQ) по группам			
	I	II	III	IV
Стремление к успеху	37	28	44,5	7
Отсутствует	19,6	18,8	17,2	5,6
Избегание неудач	6	5	4,5	2,5

Итак, эмоциональная поддержка положительно влияет на интеллектуальную продуктивность, а включение контроля за поведением сглаживает это влияние. Кроме того, влияние контроля не определяется генетическим фактором, от которого зависит сходство интеллектуального развития близнецов.

Уровень развития интеллекта и структура мотивации достижений в идеале должны соответствовать друг другу. У испытуемых с преобладанием мотивации избегания неудачи, как правило, наблюдается более низкий уровень развития интеллекта, чем у испытуемых с преобладанием надежды на успех, которые, соответственно, обладают более высоким интеллектом.

Возможны два варианта рассогласования структуры мотивации достижений:

- 1) сочетание низкого уровня интеллекта с доминированием мотивации надежды на успех или отсутствием доминирования любой из тенденций;
- 2) сочетание высокого уровня развития интеллекта с мотивацией избегания неудачи (страх перед неудачей) или отсутствием доминирующей тенденции.

Традиционно считается, что высокий уровень развития интеллекта диагностируется при $IQ > 100$, средний уровень при $90 < IQ < 119$ и низкий уровень при $IQ < 89$ ¹.

¹ Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психологической диагностике. Киев, 1989.

БЫЛИ вычислены разности (приросты) показателей IQ между близнецами экспериментальной и контрольной групп.

Результаты показывают, что если у близнецов преобладает мотивация достижений (они надеются на успех и не боятся неудачи), то наибольшие различия между «контрольным» и «экспериментальным» близнецами наблюдаются в ситуации, когда экспериментатор осуществляет эмоциональную поддержку испытуемого, а контроль поведения отсутствует. Менее эффективен стиль общения в ситуации контроля в сочетании с эмоциональной поддержкой, еще менее эффективен стиль ситуации сочетания контроля с отсутствием эмоциональной поддержки.

Испытуемые, боящиеся неудачи, более продуктивны в ситуации сочетания эмоциональной поддержки с контролем. Наименее эффективна эмоциональная поддержка при отсутствии контроля.

Боящиеся неудачи и надеющиеся на успех образуют «ортогональные» группы: без контроля за поведением извне боящиеся неудач не могут проявить свои способности в полной мере.

Данные группы IV (где ситуация эксперимента не отличалась от контроля) подтвердили классическую зависимость: мотивированные надеждой на успех дают более высокие показатели общего интеллекта, чем боящиеся неудачи.

Здесь возникает классическая проблема: что первично, а что вторично? Я полагаю, что генетически первичен уровень интеллекта: высокоинтеллектуальный ребенок в норме лучше справляется с задачами, и при накоплении успешного опыта у него формируется личностная диспозиция, надежда на успех; ребенок с низким уровнем интеллекта чаще испытывает трудности и неудачи, следовательно, ожидает их и впредь, у него формируется страх неудачи.

Другое дело при действии в определенной ситуации: тот, кто надеется на успех, активно берется за решение, а мотивированный страхом перед неудачей испытывает неуверенность, тревогу и попадает в порочный круг: страх неудачи ведет к неудаче. Так формируется функциональная система, состоящая из мотивационной и способностной подсистем.

Поэтому боящиеся неудачи нуждаются не только в эмоциональном контроле, но и во внешнем регуляторе, «внешнем контуре обратной связи», т. е. контроле поведения. Отсюда следует простой вывод: у мотивированных надеждой на успех более силен «внутренний контроль» поведения, поэтому они не нуждаются или меньше нуждаются во внешнем контроле.

Следует лишь заметить: эти эмпирические обобщения относятся к представителям нашей российской культуры, для которых более важна (если вспомнить содержание предыдущих глав) эмоциональная составляющая отношений, **аффилиативность**, нежели контроль. Ее отсутствие более значимо снижает результаты, чем наличие или отсутствие контроля.

Модель эксперимента — общение компетентного взрослого и подростка — очень **напоминает** модель семейного **взаимодействия** родителя и ребенка.

На ум, естественно, приходит обширная **программа** кросскультурных исследований, которую, к **сожалению**, мы не в силах реализовать по причинам финансовым, организационным **и т. д. и т. п.** Не забудем, в какое время мы живем и каково состояние отечественной науки.

В заключение **рассмотрим** результаты сопоставления типов родительского воспитания (по методике Э. Г. Эйдемиллера) с типами отношений интеллекта и мотивации достижений.

Разные варианты отклонений в стиле родительского воспитания встречались в **52%** семей исследованных нами близнецов. Правда, четыре родительские пары отказались участвовать в исследовании, сославшись на **нехватку времени**.

Результаты, полученные в **этой части исследования**, очевидны, хотя и очень показательны. Во всех семьях близнецов, у которых наблюдается рассогласование уровня интеллекта со структурой мотивации достижений, были обнаружены различные отклонения в стиле родительского **воспитания**.

Если стиль воспитания в семье характеризуется чертами доминирующей **гиперпротекции**, у детей с низким уровнем интеллекта развивается высокая мотивация достижений (надежда на успех). Близнецы с невыраженной **мотивационной тенденцией**, но с **низким** уровнем интеллекта воспитывались либо в условиях **гипопротекции**, либо в условиях доминирующей гиперпротекции.

Заброшенные дети, то есть воспитанные в условиях **гипопротекции**, **характеризуются стремлением** к избеганию неудачи при высоком интеллекте. Этот же вывод относится и к детям с высоким **интеллектом**, но с невыраженным доминированием одной из двух мотивационных тенденций.

В семьях близнецов с согласованными структурами интеллекта и мотивации явно не обнаруживается никакого типа отклонения в стиле **родительского отношения**.

Характерна и сама структура наиболее часто встречающихся отклонений в стиле родительского воспитания: детей либо протезируют, либо не обращают на них внимания (лишают эмоциональной поддержки), не предъявляют никаких требований и не заботятся об удовлетворении их потребностей. Иногда на детей накладывают слишком жесткие санкции или же не накладывают никаких, не проявляют заботы.

Российский ребенок либо заброшен, либо подвергнут жестким санкциям и требованиям (зачастую и то, и другое одновременно), а гиперпротекция хотя и встречается, но в сочетании с доминированием родителей.

В первой части исследования было обнаружено, что наихудшие результаты при решении интеллектуальных задач показали подростки, надеющиеся на успех, когда взрослый контролирует их поведение, но не проявляет эмоциональной поддержки.

Если перевести результаты исследования влияния стиля воспитания по Эйдмиллеру на другой язык, используя понятия контроля и эмоциональной поддержки, можно сделать интересный вывод. При отсутствии контроля поведения и эмоциональной поддержки умные дети начинают бояться неудачи. Наоборот — при высоком контроле за поведением и эмоциональной поддержке (доминирующая гиперпротекция) у низкоинтеллектуальных детей развивается мотивация надежды на успех (но не адекватная способностям), см. табл. 11, 12.

Какой же выход для родителей и детей, помимо отказа от гиперпротекции? Снятие контроля, доминирования, жестких санкций. Как показали результаты первой части исследования, у детей при сохранении эмоциональной поддержки и отсутствии жесткого контроля со стороны взрослого повышается интеллектуальная продуктивность.

С другой стороны, единственный путь повысить продуктивность высокоинтеллектуальных детей, боящихся неудач, — при контроле за поведением ребенка начать эмоционально поддерживать его действия, а затем отказаться от жесткого контроля, когда у него мотивация достижения возобладает над мотивацией избегания.

Конечно, нельзя отождествлять эмоциональную поддержку с гиперпротекцией, а сверхдоминирование с контролем поведения: первые являются аномальными вариантами. В любом случае от крайних стилей отношения нужно отказаться: гиперпротекцию сменить на мягкую эмоциональную поддержку, а захваливание или жесткие наказания — на рациональную умеренную регламентацию.

Итак, подводя итоги исследования, можно сказать, что эмоциональная поддержка — наиболее важный фактор повышения интеллектуаль-

Таблица 11. Путь смены стилей воспитания для родителей умных детей, боящихся неудач

Эмоциональная поддержка		
Контроль	Э ⁺	Э ⁻
К ⁺	2	1 Высокий интеллект Мотивации избегания
К ⁻	3	

Таблица 12. Путь смены стилей воспитания для родителей низкоинтеллектуальных детей с неадекватной надеждой на успех

Эмоциональная поддержка		
Контроль	Э ⁺	Э ⁻
К ⁺	2	
К ⁻	3	

ной *продуктивности подростков*. Влияние этого фактора лишь в малой степени **связано** с врожденным **уровнем** интеллекта, Внешний контроль поведения уменьшает **действенность** эмоциональной поддержки. Но поддержка влияет на повышение достижений **лишь** тех детей, которые стремятся к успеху, надеются на удачу. Дети, **которые** боятся неудачи, нуждаются во внешнем контроле со **стороны взрослых**.

Отклонения в стиле родительского воспитания (**по крайней мере**, в современном российском обществе) **приводят к** рассогласованиям между уровнем интеллекта и структурой **мотивации** достижений у детей: **гипопротекция** и **доминирующая гиперпротекция** приводят к разным типам рассогласования. Аномалия в **воспитании** ведет к аномалиям в структуре **личности**.

Открытым **остаётся** вопрос: что является нормой для нашей культуры? Какой тип **воспитания**, отношений ребенка и **родителя** и какой **тип личности**?

Результаты исследования **позволяют предположить**, что для российских детей главным фактором проявления и **развития** интеллектуаль-

ных способностей является умеренная эмоциональная поддержка со стороны родителей: не просто любовь и обожание, но эмоциональное поощрение успехов и активности ребенка. Как это ни банально звучит, бездумная гиперпротекция так же, как безразличие к детям, приводит хотя и к разным, но аномальным вариантам развития.

Заключение

Периодическая система типов **СЕМЕЙ** может быть в первом приближении построена на основе **СЛЕДУЮЩИХ** критериев: иерархии господства-подчинения, распределения ответственности, **ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ БЛИЗКОСТИ**.

Семьи **ПОДРАЗДЕЛЯЮТСЯ** на нормальные и аномальные. В **НОРМАЛЬНОЙ** семье **ОТВЕТСТВЕННОСТЬ** за семью, жену и детей несет мужчина. **ЭТОТ** принцип может быть зафиксирован юридически, может передаваться традицией, а может **СУЩЕСТВОВАТЬ** лишь в коллективных **ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ**. Например, согласно Галахе, своду правил **ПОВЕДЕНИЯ** членов еврейской общины, муж имеет десять обязанностей по **ОТНОШЕНИЮ** к жене и детям и четыре права. Обязанности мужа **ТАКОВЫ**:

- а) обеспечить жену средствами к существованию;
- б) давать ей одежду и жилье;
- в) **СОЖИТЕЛЬСТВОВАТЬ** с пей;
- г) обеспечить исполнение **ДЕНЕЖНОГО** обязательства, взятого на себя в брачном контракте;
- д) обеспечить жене медицинское обслуживание **И** уход в случае болезни;
- е) выкупить **ЕЕ**, если она будет взята в плен;
- ж) обеспечить похороны и установку надгробного памятника, **ЕСЛИ** жена умрет;
- з) обеспечить ее средствами к **СУЩЕСТВОВАНИЮ ПОСЛЕ** его смерти и правом жить в его доме, пока она остается вдовой;
- и) обеспечить содержание после смерти дочерей **ОТ** их брака до их обручения или совершеннолетия;
- к) обеспечить наследование сыновьям, вдобавок к их законной доле **СОСТОЯНИЯ ОТЦА**, суммы, указанной в брачном контракте, если жена умрет до смерти **МУЖА**¹.

В аномальной семье ответственность за семью, детей (и **МУЖА**) несет жена или же, в редких **СЛУЧАЯХ**, **СТАРШИЙ** из детей. Классическим вариантом аномалии является **РОССИЙСКАЯ** семья советского периода. В **АНОМАЛЬНОЙ** семье муж либо деспот-самодур без **ОБЯЗАННОСТЕЙ**, либо **ЛИШНИЙ** человек, обуза для жены, для детей и для себя самого, либо крайне **ФЕМИНИЗИРОВАННАЯ** личность, решающая **ТРАДИЦИОННО** женские задачи. Обычно доминирование связано с **ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ**: лог, кто несет ответственность, **ДОЛЖЕН** иметь властные полномочия для ее реализации. В той же Галахе муж наделяется правами на **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ** труда жены, на наследование ее состояния, притом на ее случайные заработки, найденные ею **ЦЕННОСТИ** и правом **ИСПОЛЬЗОВАТЬ** ее **ИМУЩЕСТВО**.

¹ Краткая еврейская энциклопедия. Т. 1. Иерусалим, 1976, с. 514

ство и доходы от него. Но встречаются случаи, когда доминирует один член семьи, а ответственность несет другой; типичный пример — Святое семейство, в котором доминирует сын Иисус, за ним в иерархии стоит Мария. Иосиф Обручник обеспечивает семью, но не имеет никакой власти.

Иерархия доминирования определяет основу структуры семьи, ее внутренний каркас. В ряде типов языческих семей может доминировать женщина, муж играет **ПОДЧИНЕННУЮ** роль, а на низшей ступени иерархии находятся дети, противостоящие взрослым.

Христианская модель семьи предлагает доминирование мужчины: отца (божественная семья) или ребенка (Святое семейство). Несовпадение носителей ответственности и доминирования в одном лице чревато конфликтом и является источником постоянного напряжения. Борьба за власть обычно инициируется тем, кто несет ответственность и не имеет власти.

В советской семье борьбу вела при подстрекательстве государства жена и добилась полной победы. В матриархальной языческой семье с женой (с переменным успехом) боролся муж.

В **детоцентрической** семье (воспитание по типу «кумир семьи») иные проблемы.

Эмоционально-психологическая близость между членами семьи часто является компенсацией отношений доминантности-подчинения; чем дальше расстояние между членами семьи по шкале «главенство-подчинение», тем менее они близки друг к другу. Классический вариант этого типа — православная семья.

В другом варианте (католическая семья) эмоциональная близость коррелирует с доминированием-подчинением: чем доминантнее один член семьи, тем психологически ближе к нему другие.

Связь доминантности и эмоциональной привлекательности проявляется в уважении, почтении и пр., которое особенно заметно в почитании старших младшими членами семьи, принадлежащей к мусульманской культуре.

Деформация структуры семьи по причинам смерти одного из родителей, конфликта, развода и пр. имеет разные последствия для детей, воспитывавшихся в семьях, принадлежащих различным культурам.

Смерть отца или развод для нормативной советской семьи (аномальной языческой семьи) тяжела, но не является психологической катастрофой. **Смерть** же матери — трагедия и конец семьи как социальной группы. Противоположная ситуация возможна в семьях с доминирующим и ответственным отцом (православная или протестантская семья).

Можно предположить, что переход от **ОДНОГО** типа семьи к другому и в истории, и в жизни конкретной семьи происходит по принципу мини-

мального расстояния: вероятность трансформации семьи одного типа в семью другого типа **возрастает** в зависимости от меры близости этих типов семей в **пространстве признаков, описывающих** структуру семьи. Например, нормальная **детоцентрическая семья** типа Святого семейства с большей вероятностью может быть преобразована в семью с доминирующей матерью, чем в семью с доминирующим отцом. **Правда, следует** особо оговорить **возможность** «революционных» ситуаций, чреватых распадом семьи.

Сценарий социализации ребенка **определяется** культурой, к которой принадлежит семья.

Существуют фиксированные в культуре программы социализации, можно **назвать** их имплицитными **моделями** развития ребенка, которые до сих пор не стали предметом **изучения психологов**. Точнее, эти модели иногда **проявляются** в эксплицированной **форме**: в форме теорий, которые создают психологи.

Так, концепция швейцарского психолога Ж. Пиаже, подчеркивающая значение **автономии, личной ответственности, саморегуляции, свободы** и **практического действия** в развитии ребенка, выросла из системы **протестантского воспитания** (не будем забывать, что Ж. Пиаже вырос в Швейцарии, где сильны **традиции Руссо в Песталоцци**)

А концепция Л. С. Выготского **имеет** истоком традицию иудейского «книжного» **воспитания**, которая уделяет особое внимание слову, трактовке его значения и роли **авторитета** взрослого, который с **помощью** текста ведет ребенка к вершинам знания. **Отсюда** акцентуация функции знакового **опосредования, интериоризация** по Л. С. Выготскому, понятие о «зоне **ближайшего развития**» как о **разнице** между менее успешным автономным выполнением задания и более **успешным** решением его с помощью **взрослого**, а также многие другие аспекты его **концепции**.

Разумеется, эти теории **соответствуют культурным** ситуациям развития, в которых **оказываются** дети, поскольку сами теории являются отражением этих ситуаций. Психолог оказывается погруженным в культуру барона **Мюнхаузеном**, пытающимся сам себя вытянуть из нее за волосы, точнее — с помощью собственного ума.

Единственный выход из этой ситуации — проведение кросскультурных исследований по единой программе на **предмет** проверки соответствия теории **реальности сценарию** развития **детей** в тех условиях, для которых эта теория не предназначена. Но для **этого** нужно **определить** основные характеристики **условий**, чему отчасти была посвящена эта книга. Что касается кросскультурных исследований, то **возможность** их проведения более зависит от **экономической** ситуации, чем от воли автора.